

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

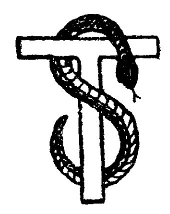

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 марта.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

мартовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Приложеніе. Великіе Посвященные. Очеркъ эзотеризма религій, Эдуарда Шюре (продолженіе).

Отъ Редакціи.

1. Лица, подписавшіяся въ разсрочку, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 7 марта с. г., благоволятъ внести очередной взносъ не позже 1 апрѣля с. г., во избѣжаніе задержки въ полученіи слѣдующаго номера.

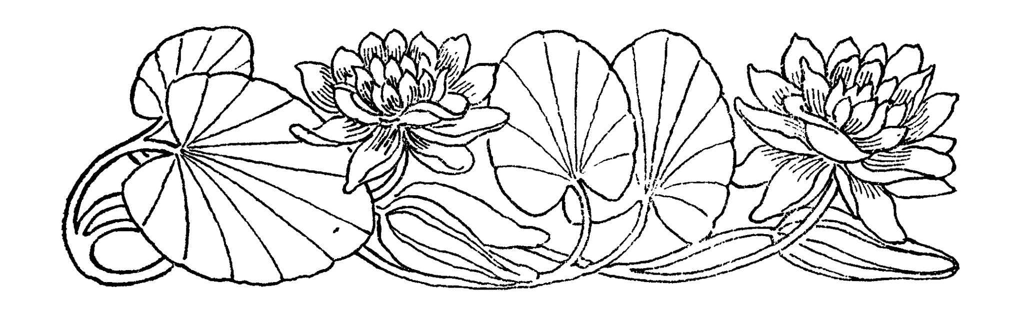
2. Заявленія о неполученіи журнала просятъ сообщать Редакціи *не позже* полученія слѣдующаго очередного номера. Позднѣйшія жалобы газетная экспедиція оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

3. При заявленіи о неполученіи или несвоевременномъ полученіи журнала должны быть указаны: а) *самый подробный* адресъ подписчика и б) *ближайшее почтовое мѣсто*, если онъ живетъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовой конторы, куда можно было бы прямо высылать книги журнала. Въ противномъ случаѣ контора не ручается за исправную доставку журнала, такъ какъ газетная экспедиція с.-петербургскаго почтамта не принимаетъ подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе.

4. При перемѣнахъ адреса необходимо сообщить *старый* и новый адреса бандероли, или же № подписного билета. При каждомъ объявленіи о перемѣнѣ адреса городского на городской или иногородняго на иногородній контора просить прилагать *три* почтовыя *семикопѣечныя* марки или 20 коп. деньгами на напечатаніе новаго адреса. При перемѣнѣ *петербургскаго* адреса на *иногородній* и обратно уплачивается 40 к.

ОПЕЧАТКИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ въ № 2.

	Напечатано.	Надо.
Стран. 9, стр. 13 сверху . . .	Девакана	Деваханъ.
„ 12, „ 15 снизу	Захаръ	Зохаръ.
„ 18, „ 4 сверху . . .	Грабе	Гарбе.
„ 26, „ 6 снизу	пятиричный	пятеричный.
„ 56, „ 6 сверху . . .	могущества	власти.
Приложеніе, стран. 16, строка 2 снизу	Окоровичъ	Охоровича.

Главныя теософическія положенія. Соотношенія теософіи съ наукой, философіей и религіями.

Д-ръ Т. Паскаль.

II *).

Братство Человѣчества.

Братство есть фактъ природы; всѣ люди—братья, созданные изъ одной и той же матеріи, оживотворенной однимъ и тѣмъ же духомъ, всѣ они суть дѣти Бога, и все ихъ различіе заключается въ степени ихъ совершенства. Здѣсь я касаюсь только братства людей.

Всѣ мы имѣемъ однородное физическое тѣло, которое болѣе или менѣе развито, болѣе или менѣе совершенно; состоитъ оно изъ одинаковой плоти, дающей намъ возможность общенія съ физическимъ міромъ, и эта плоть одинаково образуетъ тѣ же самые члены у всѣхъ и совершаетъ тѣ же самыя функціи.

Всѣ мы имѣемъ тѣло—проводникъ ощущеній, которое даетъ намъ чувствовать радости или страданія; когда нашъ разумъ воспринимаетъ ощущенія, то получаются различные элементы, которые носятъ названія: желаніе, страсть, волненіе, страхъ, влеченіе, отвращеніе, любовь, ненависть и т. д.

Всѣ мы имѣемъ тѣло мысли, которое способствуетъ въ большей или меньшей степени проявленію нашего разума.

Во всѣхъ насъ заложены зачатки, которые въ будущемъ человѣчествѣ разовьются въ преданность, возвышенную любовь, самоотреченіе, самопожертвованіе. Тѣсно связывающая насъ солидар-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 2, стр. 1-я.

ность еще болѣе углубляетъ наше братство. Истеченія нашихъ тѣлъ создаютъ вокругъ насъ общую атмосферу, которой мы дышимъ; ежеминутно поглощаемъ мы милліоны физическихъ молекулъ, которые исходятъ отъ нашихъ сосѣдей; сегодня вечеромъ при нашемъ разставаніи каждый изъ насъ пріобрѣтаетъ что-нибудь другъ отъ друга, и тѣло его станетъ отъ этого болѣе или менѣе чистымъ. Это доказываетъ, что наша отвѣтственность простирается всюду.

Подобный обмѣнъ совершается во всѣхъ мірахъ и между всѣми тѣлами. Частицы астральнаго тѣла также подвержены этому взаимному поглощенію и выдѣленію и его вибраціи отражаются въ подобныхъ ему тѣлахъ, что и является причиной нравственной заразы. Мы дѣлаемся хуже съ дурными и лучше съ существами выше насъ; пословица гласитъ: „гнилое яблоко заражаетъ хорошее". Въ мірѣ нравственномъ совершается подобный же обмѣнъ, какъ и въ физическомъ, и этотъ обмѣнъ есть результатъ все той же солидарности.

То же самое относится и къ тѣлу мысли (ментальному тѣлу). Наши умственныя вибраціи отражаются въ ментальныхъ тѣлахъ людей, которые входятъ въ общеніе съ нами; выдѣленныя молекулы ментальной матеріи попадаютъ въ атмосферу мысли и поглощаются людьми. И мы смотримъ сквозь эту атмосферу, которая придаетъ всѣмъ нашимъ понятіямъ тотъ особенный оттѣнокъ, которымъ она обладаетъ, почему мы и предпочитаемъ свою семью семьѣ нашего сосѣда; эта же причина и національныхъ предразсудковъ; потому же французы считаютъ себя выше другихъ народовъ, англичане признаютъ только свою націю и, кто знаетъ, можетъ быть и швейцарцы не чужды этой общей слабости, которая заставляетъ каждаго предпочитать себя своему сосѣду.

Вліяніе мысли всюду очень замѣтно; деревенскіе жители очень скоро подпадаютъ подъ вліяніе ментальной атмосферы города, особенно въ большихъ интеллектуальныхъ центрахъ; даже животныя не избѣгаютъ этого вліянія, которое они живо испытываютъ; всѣ тѣ, которые имѣютъ ихъ, могутъ легко въ этомъ убѣдиться.

Если наши тѣла насъ такъ тѣсно связываютъ, то еще болѣе мы являемся братьями по нашей сущности, по божественной искрѣ, которая составляетъ наше „я", нашу душу—„то", что есть частица Бога, если можно такъ выразиться.

Но, возразите вы, если мы и братья, мы не равны.

Это справедливо и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливо. Мы не равны, потому что эволюція непрестанно продолжается и существа вступаютъ въ стадію человѣческую въ различные моменты;

прибывшіе послѣдними образуютъ собою младенческія души дикарей, которые еще не сознаютъ нравственныхъ законовъ; вступившіе нѣкогда первыми, теперь уже стали сверхчеловѣками—Учителями человѣчества. Вотъ почему мы не равны. Но неравенство наше временно. Мы равны по сущности, равны при началѣ нашей эволюціи, не равны въ теченіе ея и снова станемъ равными, когда цѣль будетъ достигнута.

Если мы братья и связаны между собой самой тѣсной солидарностью, если наша нравственность, нашъ разумъ, наши недостатки и наши добродѣтели облегчаютъ и замедляютъ прогрессъ нашихъ собратьевъ, то въ чемъ же заключается долгъ нашъ? Всюду и всегда помогать, помогать всѣмъ людямъ по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей, всегда помнить, что самые передовые, самые сильные, мудрые—старшіе—всѣхъ больше должны служить дѣлу объединенія. Самый высшій примѣръ терпѣнія, состраданія, снисхожденія должны подавать они. При видѣ человѣка, совершающаго зло, или въ присутствіи преступника, вмѣсто чувства ненависти, вспомнимъ только, что имѣемъ передъ собой младенческую душу и что мы обязаны питать къ нему любовь, а не ненависть; вспомнимъ, что нѣкогда и мы были несвѣдущи и преступны, и что Богъ, обращая насъ, снисходитъ одинаково ко всѣмъ. Вспомнимъ, что по мѣрѣ прогресса проступки безпрерывно уменьшаются, качества же увеличиваются, и тогда вмѣсто ненависти мы почувствуемъ любовь, вмѣсто желанія ударить—желаніе приласкать; тогда всюду мы увидимъ души въ процессѣ эволюціи, души борющіяся, души развивающіяся, которыя мало-по-малу пробуждаются и постепенно идутъ къ свѣту.

III.

Законъ Перевоплощенія.

Что такое Перевоплощеніе?

Это возвращеніе на землю человѣческихъ душъ въ новыхъ тѣлахъ.

Законъ перевоплощенія есть прямое слѣдствіе закона эволюціи, ибо не можетъ существовать эволюціи, т. е. прогресса, безъ сохраненія пріобрѣтенныхъ качествъ. Всюду видна эволюція, всюду является прогрессъ; формы все болѣе осложняются и способности развиваются послѣдовательно, сообразно формамъ. Такъ, минералъ мало-по-малу принимаетъ формы—напримѣръ кристалловъ;

когда послѣдовательность развитія кристалловъ доходитъ до конечнаго предѣла, мы встрѣчаемъ болѣе сложныя формы, которыя все болѣе и болѣе приближаются къ растительному царству и на границахъ обоихъ царствъ, положительно, трудно разрѣшить, къ минеральному или растительному принадлежитъ такая или такая-то форма. Подобное же возрастающее осложненіе формъ замѣчается и въ растительномъ царствѣ; если взять растенія, какъ не „тронь меня", „drosère", мухоловку, „phytollacca", которыя обладаютъ очень опредѣленной чувствительностью и движеніями, во всемъ подобными рефлекторнымъ движеніямъ органическаго тѣла, то почти невозможно отличить послѣднюю ступень растеній отъ первообразныхъ наипростѣйшихъ животныхъ. Сравнивая, съ точки зрѣнія строенія тѣла и развитія ума, самыхъ разумныхъ обезьянъ съ самыми первобытными дикарями замѣчается то же самое.

Для того, чтобы одно изъ царствъ перешло на высшую слѣдующую ступень эволюціонной лѣстницы, чтобы, напримѣръ, виды растительнаго царства могли доразвиться до формъ животнаго, нужно, чтобы прошли безчисленные вѣка, такъ какъ прогрессъ идетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ существа, стоящія на его пути, стоятъ ниже на лѣстницѣ эволюціи; значитъ, надо признать, что задатки развитыхъ видовъ растеній сохранились въ зародышѣ, иначе прогрессъ не могъ бы совершиться. Безъ сохраненія пріобрѣтенныхъ качествъ въ природѣ существовали бы только одни начинанія, одни первыя начертанія, безпрестанно повторяемыя, безъ совершенія прогресса, и въ мірѣ обрѣтались бы только первообразы и ничего другого; не было бы ни кристалловъ, ни растительности, ни животныхъ, ни людей.

Если мы приложимъ этотъ законъ къ человѣчеству, то убѣдимся, что и его движеніе впередъ возможно только при сохраненіи пріобрѣтенныхъ качествъ, которыя проявляются въ каждомъ новомъ воплощеніи. Чтобы дикарь сталъ цивилизованнымъ человѣкомъ, а затѣмъ достигъ высшей умственной и нравственной культуры, необходимо, чтобы онъ возвращался безконечное число разъ на поле земного опыта и чтобы всякій разъ сохранялъ зародыши всѣхъ предыдущихъ своихъ пріобрѣтеній; иначе пришлось бы принять нелѣпую идею, что по мановенію палочки Богъ внезапно создалъ міръ такимъ, какъ мы его видимъ, и что такимъ же останется онъ до того мановенія Божественной палочки, которое такъ же внезапно его уничтожитъ.

Наука допускаетъ сохраненіе качествъ и ставитъ его непремѣннымъ условіемъ прогресса; она допускаетъ, что индивидуумъ

сѣменемъ безпрестанно возвращается на землю и прогрессируетъ— словомъ это тотъ же законъ перевоплощенія. Единственное различіе между наукой и теософіей въ этомъ отношеніи слѣдующее: наука совсѣмъ не считается съ индивидуальностью, она отрицаетъ сохраненіе тонкаго тѣла послѣ физическаго распаденія; для нея всѣ качества суть плоды матеріи, которыя рождаются и умираютъ съ нею; теософія же допускаетъ существованіе тонкаго тѣла, хранилища индивидуальнаго опыта; признавая видимое тѣло только орудіемъ, она приписываетъ физическому сѣмени только способность воспроизведенія физической матеріи и учитъ, что когда грубое тѣло умираетъ, то способности человѣческія сохраняются вмѣстѣ съ индивидуумомъ въ тѣлѣ причинности (corps causal).

Ученіе о наслѣдственности показываетъ намъ, что только одна теорія теософовъ правильно истолковываетъ факты. Дѣйствительно, если бы только единственными факторами наслѣдственности было соединенное сѣмя отца и матери, человѣкъ долженъ бы былъ имѣть только сумму качествъ своего отца или своей матери. Но эта сумма никогда не существуетъ, случаются часто огромныя уклоненія: геній не наслѣдуется, даже замѣчено, что дѣти великихъ людей обыкновенно посредственности.

Физическое сѣмя даетъ только физическія качества; высшія же качества являются неизвѣстно откуда; отчего не принять, хотя бы только минутно, какъ гипотезу, теософическое ученіе, которое показываетъ намъ человѣка, какъ существо независимое отъ видимаго тѣла, человѣка, продолжающаго существовать въ тѣлѣ причинности и снова возвращающагося въ воплощеніе, снабженнымъ всѣмъ тѣмъ, что пріобрѣтено имъ въ своихъ предшествующихъ жизняхъ, являясь или обыденной ничтожной личностью, или великимъ, благороднымъ человѣкомъ сообразно со степенью своего прогресса.

Но не теософія придумала доктрину перевоплощеній. Всѣ великія религіи его проповѣдуютъ, и если въ христіанствѣ оно сохранилось только очень неясно, то это потому, что Евангелія, называемыя Каноническими, далеко не представляютъ собою христіанскаго ученія во всей его полнотѣ; въ другихъ христіанскихъ произведеніяхъ, болѣе или менѣе отвергнутыхъ Церковью, оно встрѣчается очень ясно выраженнымъ, напримѣръ въ „Pistis Sophia".

Всѣ великіе философы древности и современные признали и приняли перевоплощеніе и можно было бы привести въ доказательство поразительныя выдержки изъ ихъ сочиненій.

Вы скажете мнѣ, что научныя доказательства о перевопло-

щеніи не всякому уму доступны и не всякому возможно справляться съ тѣми сочиненіями философовъ, которыя затрагиваютъ этотъ предметъ. Это правда; но всякій можетъ постичь безусловную необходимость перевоплощенія; понятіе о немъ доступно всѣмъ, отъ самаго скромнаго ума до самого великаго, отъ ребенка до генія въ его полномъ развитіи. Всякій можетъ ясно понять, что отрицать перевоплощеніе—значитъ отрицать Бога или представлять Его себѣ чудовищемъ. Ибо, если Богъ справедливъ, какимъ образомъ объяснить, я не говорю страданіе, но неравномѣрность страданій? Говорятъ о первородномъ грѣхѣ, какъ о причинѣ всѣхъ золъ человѣчества; но справедливо ли, чтобы тысячи существъ, не совершившія этого грѣха, страдали? Человѣческая справедливость развѣ наказываетъ потомковъ преступниковъ? Болѣе того, откуда происходитъ такое большое неравенство въ распредѣленіи этого страданія, если грѣхъ одинаково падаетъ на всѣхъ? Грѣхопаденіе не объясняетъ и не оправдываетъ ничего. Этотъ миѳъ есть глубокая аллегорія, которую Теософія объясняетъ и ставитъ въ слѣдуемыя ей рамки.

Говорятъ, что люди страдаютъ за свои ошибки и искупаютъ свои грѣхи: это справедливо, они страдаютъ за заблужденія въ своихъ прошлыхъ жизняхъ. Какъ можетъ отъ рожденія глухонѣмой расплачиваться за долгъ, заключенный имъ въ теченіе настоящей его жизни? Мнѣ возразятъ, что недугъ его происходитъ отъ болѣзни, постигшей его въ періодъ утробной жизни; но если развитіе зародыша зависитъ отъ Бога, то значитъ Богъ былъ своенравенъ, несправедливъ или безсиленъ? Всюду наталкиваешься на нелѣпости, если не признавать перевоплощеній.

Во Вселенной не можетъ существовать несправедливости, такъ какъ Вселенная происходитъ отъ Бога, Богъ ею руководитъ, Богъ ее животворитъ. Неравенство же страданій происходитъ отъ неравенства стадій развитія людей, отъ неравенства ихъ заслугъ и проступковъ, собранныхъ ими въ ихъ послѣдовательныхъ земныхъ существованіяхъ.

IV.

Законъ Причинности.

Теперь я перейду къ послѣднему пункту—къ закону причинности, къ Кармѣ Индусовъ.

Перевести это санскритское слово трудно. Оно означаетъ *дѣйствіе*. Но всякое дѣйствіе содержитъ въ себѣ свое противо-

дѣйствіе, всякая причина — свое послѣдствіе. Карма выражаетъ больше, чѣмъ законъ причинности; она есть также законъ, который дѣлаетъ возможнымъ проявленіе человѣческой свободы безъ нарушенія равновѣсія во Вселенной.

Міръ построенъ дѣйствіемъ двухъ противоположныхъ силъ. Почему противоположныхъ? Потому что, для проявленія чего-либо, нужно имѣть противоположность; такъ, чтобы проявить силу—необходимо сопротивленіе; чтобы написать картину, нужны разныя краски; ничего не существуетъ во Вселенной, что не опиралось бы на свою противоположность: день и ночь, любовь и ненависть, добро и зло, свобода и рокъ, притяженіе и отталкиваніе и т. д.

Всѣ эти противоположности объединяются въ двѣ первобытныя силы, которыя приводятъ себя въ равновѣсіе; рождаются онѣ отъ двухъ всемірныхъ, безличныхъ силъ, лежащихъ въ основѣ всего. Эти двѣ противоположности символизированы во всѣхъ религіяхъ: ихъ изображали въ Египтѣ подъ именемъ Озириса (Богъ) и Тифона (преисподняя змѣя); въ Халдеѣ—Ормуздъ (Богъ), Ариманъ (демонъ); у Гностиковъ Логосъ и Противникъ; у Христіанъ Богъ и дьяволъ. Символизмъ франкмасоновъ создалъ изъ нихъ Жакена и Боаза, двѣ колонны, поддерживающія храмъ Соломона (Вселенную).

Эти противоположности даютъ возможность „созданія" Вселенной; Богъ руководитъ ими и такимъ образомъ строитъ Законы міра, т. е. Эволюцію, Добро. Обѣ эти силы необходимы—слѣдовательно онѣ обѣ добро. Но когда существа достигаютъ до извѣстной стадіи развитія разума и воли, до стадіи свободы, они пользуются этими силами и, сообразно своему невѣдѣнію или своему озаренію, они идутъ вмѣстѣ съ Эволюціей или же противъ нея. Когда они идутъ вмѣстѣ съ Эволюціей, вмѣстѣ съ Божественнымъ закономъ, силы ихъ удваиваются Божественною помощью, которая вѣнчаетъ ихъ усилия успѣхомъ—это Добро. Когда же они идутъ противъ Эволюціи, законъ противится имъ и помимо ихъ воли увлекаетъ ихъ, такъ же какъ теченіе рѣки быстро уноситъ пловца, который борется съ нимъ—это Зло.

Итакъ Добро есть то, что способствуетъ эволюціи; Зло же то, что противодѣйствуетъ ей. Зло рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ. Ниже его стоящія существа болѣе или менѣе безсознательны, ими руководитъ Законъ; существа высшія достигли уже мудрости и соединились съ Закономъ; злу нѣтъ мѣста. Богъ допускаетъ его только для того, чтобы человѣкъ научился познавать Законъ, чтобы свобода его упражнялась, развивалась и росла.

Карма вовсе не рокъ; какъ была она создана, такъ можетъ быть и уничтожена. Намъ нужно только приняться за дѣло, намъ возможно самимъ пріуготовить свое будущее, намъ возможно ввести новыя величины въ уравненіе нашей Кармы. Только нѣкоторыя послѣдствія являются роковыми и вотъ тому причина: когда человѣкъ подъ давленіемъ ненависти, гнѣва или другого какого чувства создалъ, предположимъ, мысль убійства, то мысль эта есть сила, которая влечетъ къ убійству; если человѣкъ этотъ вновь допуститъ ту же мысль многое число разъ, то злая энергія будетъ расти до того момента, когда сила ея сравняется съ силой воли того, кто ее создалъ; въ тотъ моментъ человѣкъ дѣлается безсильнымъ противъ этой мысли. Обѣ чаши вѣсовъ приходятъ въ равновѣсіе, и если представится случай новому поползновенію къ убійству, чаша преступности перевѣситъ: человѣкъ наноситъ ударъ, размышеніе и воля не могутъ уже помѣшать. Онъ наноситъ ударъ, какъ автоматъ; часъ свободы прошелъ, роковой часъ пробилъ.

Когда взрывъ совершился, человѣкъ этотъ приходитъ въ себя и впадаетъ въ недоумѣніе; онъ задаетъ себѣ вопросъ, какъ могло это совершиться? Вотъ случай, когда Карма является рокомъ; рокъ же этотъ созданъ всецѣло волей человѣка; что посѣешь, то и пожнешь.

Но роковыми являются только подобныя непроизвольныя дѣйствія, совершенныя автоматически; всегда, когда человѣкъ имѣетъ время поразмыслить, всякій разъ, когда онъ подумаетъ о томъ, что онъ хочетъ сдѣлать, онъ можетъ удержаться, у него остается достаточно воли, чтобы направить свою свободу; если онъ поддается, то прибавляетъ еще большую вину къ своей отвѣтственности.

Разсмотримъ еще послѣдній видъ закона Кармы.

Всѣ причины, созданныя въ теченіе одного воплощенія, не имѣютъ своихъ послѣдствій тотчасъ, но онѣ запечатлѣваются въ тѣлѣ причинности и, когда человѣкъ развоплощается, сохраняются въ немъ. Когда же онъ снова возвращается на землю, воплощаясь вновь, то нѣкоторое количество этихъ причинъ, при наличности подходящихъ условій, даетъ свой плодъ, другія же, не встрѣчая необходимой почвы, ожидаютъ, чтобы въ послѣдующихъ воплощеніяхъ эта почва имъ представилась. Но всѣ онѣ рано или поздно принесутъ свой плодъ: человѣкъ рождается со всѣмъ своимъ прошлымъ; онъ рождается счастливымъ или несчастнымъ, умнымъ или ограниченнымъ сообразно дѣламъ своихъ жизней; и это одинъ

изъ видовъ первороднаго грѣха: это смѣта долговъ истекшихъ жизней, которую онъ приноситъ въ каждое новое воплощеніе.

Въ заключеніе скажу:

Когда люди узнаютъ, что они братья, что они солидарны, что они вмѣстѣ восходятъ и нисходятъ, когда узнаютъ они, что сами создаютъ свою судьбу, что неравность ихъ условій происходитъ отъ неравности возраста ихъ душъ, и что всѣхъ ихъ ожидаетъ одна и та же конечная Цѣль; когда они узнаютъ, что они безпрестанно возвращаются на землю къ новой жизни для своего прогресса, и что судьба ихъ, хорошая или дурная, въ зависимости отъ злыхъ или добрыхъ ихъ поступковъ; когда узнаютъ они, что ими руководитъ справедливый и полный любви Законъ, что страданіе—это великій учитель, что, отдавъ дань прошлому, человѣкъ является господиномъ своего будущаго—тогда новый свѣтъ озаритъ умъ, сердце согрѣется божественной теплотой и каждый бодро понесетъ свой крестъ, не взирая на болѣе легкій крестъ своего сосѣда; народы почувствуютъ себя братьями, ненависть и борьба отойдутъ къ тѣнямъ прошлаго и заря новаго золотого вѣка возсіяетъ надъ человѣчествомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. **М. Карель.**

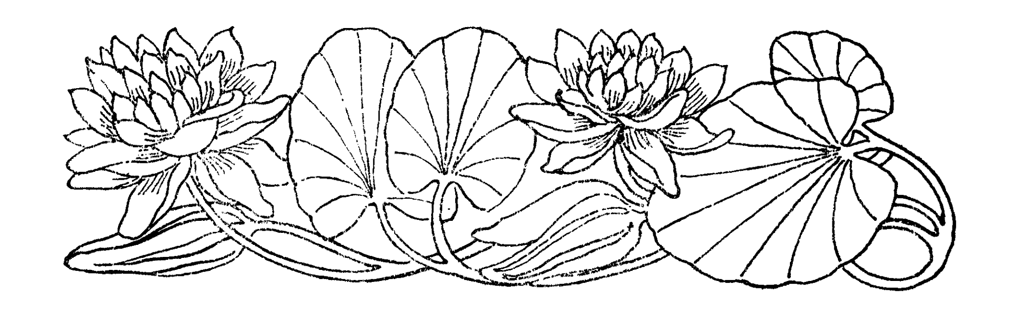

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она исходитъ изъ нашихъ мыслей. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ со злою мыслью, страданіе неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ колесо за пятою вала, влекущаго повозку.

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она творится нашею мыслью. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ доброю мыслью, радость слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, никогда его не покидающая.

(Изъ „Дхаммапады") *).

*) Дхаммапада—одна изъ буддійскихъ каноническихъ книгъ, составленная по буддійскому преданію въ серединѣ V вѣка до Р. Х.

Древняя Мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Физическая сфера **).

Глава I.

Въ нашемъ введеніи мы признали за источникъ, изъ котораго происходитъ вселенная, проявленную божественную Сущность, именуемую Логосъ или Слово. Это взятое изъ греческой философіи наименованіе въ совершенствѣ выражаетъ древнюю идею: Слово, раздающееся изъ Безмолвія, Голосъ, Звукъ, посредствомъ котораго міры вызываются къ бытію. Мы начнемъ наше изслѣдованіе съ того, что прослѣдимъ развитіе Духа—Матеріи, дабы намъ понятнѣе стала природа того матерьяла, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло въ физической сферѣ. Ибо возможность эволюціи коренится во внутреннихъ силахъ, которыя скрыты въ Духѣ—Матеріи физическаго міра, какъ бы завернуты въ ней. Весь процессъ есть ничто иное, какъ развертываніе этихъ силъ, импульсъ, къ которому идетъ изнутри, тогда какъ извнѣ дается помощь разумными сущностями, роль которыхъ въ томъ, чтобы ускорять или замедлять эволюцію, но не переступать за предѣлы качествъ, присущихъ данному матерьялу. Нѣкоторое представленіе объ этихъ первыхъ ступеняхъ мірового проявленія необходимо для пониманія

*) См. № 2, стр. 11.

**) Въ Западно-Европейской теософич. литературѣ употребляется выраженіе *планъ* для обозначенія физическаго, астральнаго и небеснаго міровъ; мы переводимъ его словомъ „сфера“.

эволюцiи, хотя каждая попытка остановиться на подробностяхъ завела бы насъ далеко за предѣлы нашего элементарнаго очерка. Поэтому придется удовольствоваться самыми общими указанiями.

Исходя изъ глубины единаго великаго Бытiя, изъ Первоисточника, превышающаго всякое человѣческое представленiе, Логосъ ставитъ самъ себѣ границы, добровольно очерчиваетъ область своего собственнаго бытiя, являясь проявленнымъ Богомъ. Актомъ ограниченiя сферы своей дѣятельности, Онъ набрасываетъ внѣшнее очертанiе Своего творенiя.

Внутри этой границы, проявленный мiръ рождается, развивается и умираетъ. Матерiя, образующая объективный мiръ, есть эманацiя Логоса, ея силы и энергiи суть токи Его Жизни; Онъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, все проникая, все содержа и развивая, Онъ—Источникъ и Конецъ Вселенной, ея причина и ея цѣль, ея центръ и окружность. Вселенная построена на немъ, какъ на твердомъ фундаментѣ; она дышитъ Его жизнью въ очерченномъ Имъ пространствѣ; Онъ—во всемъ и Все—въ Немъ. Такъ учатъ насъ Охранители древней Мудрости о началѣ проявленныхъ мiровъ.

Изъ того же источника мы узнаемъ о Самораскрытiи Логоса въ трехъ Ѵпостасяхъ; Первый Логосъ—Корень Бытiя; изъ Него исходитъ Второй, раскрывающiй обѣ стороны бытiя, первичную двойственность, образующую оба полюса природы, въ предѣлахъ которыхъ созидается вся ткань вселенной, Жизнь и Форма, Духъ и Матерiя, положительное и отрицательное, активное и пассивное, Отецъ и Мать Мiровъ. Затѣмъ—Третiй Логосъ, вселенскiй Разумъ, въ которомъ все уже существуетъ въ идеяхъ, Онъ же—источникъ всего сущаго, родникъ образующихъ энергiй, сокровищница, хранящая въ себѣ всѣ первообразы формъ, которыя въ теченiе мiровой эволюцiи должны появиться и выработаться въ низшихъ типахъ Матерiи. Первообразы эти суть плоды предшествовавшихъ мiровъ и они же служатъ посѣвомъ для настоящаго мiра.

Всѣ духовные и матерьяльные феномены проявленнаго мiра имѣютъ опредѣленную величину и преходящую длительность, но корни Духа и Матерiи вѣчны. Первозданная недиференцированная дѣвственная Матерiя *) является Логосу, по выраженiю одного глубокаго мыслителя, какъ бы покровомъ, простирающимся между Нимъ и Неисповѣдимымъ Первоисточникомъ, Парабрамой (Parabrahman).

*) Mûlaprakriti.

Именно въ этотъ „покровъ“ Логосъ и облекается въ цѣляхъ проявленія, дабы осуществить поставленное самому Себѣ ограниченіе, которое одно и дѣлаетъ возможнымъ міровую дѣятельность. Изъ этого „покрова“ вырабатываетъ Онъ матерію для своей вселенной, являя собою одушевляющую, руководящую и контролирующую ее Жизнь *).

О томъ, что происходитъ въ двухъ высшихъ сферахъ вселенной—шестой и седьмой, мы можемъ имѣть только самое туманное представленіе. Энергія Логоса, вихревымъ движеніемъ невообразимой быстроты, „просверливаетъ дыры въ пространствѣ“ внутри первичной дѣвственной матеріи, и этотъ вихрь жизни, облеченный въ тончайшую оболочку изъ недиференцированной матеріи, и есть *первичный атомъ;* эти первичные атомы и ихъ аггрегаты, распространенные по всей вселенной, образуютъ всѣ подраздѣленія Духа—Матеріи высочайшей, или седьмой сферы.

Шестая сфера образуется благодаря тому, что нѣкоторыя изъ безчисленныхъ миріадъ названныхъ первичныхъ атомовъ производятъ, съ своей стороны, вихрь (vortex) въ грубѣйшихъ аггрегатахъ матеріи своей собственной сферы, и такой первичный атомъ, заключенный въ спиральную окружность изъ грубѣйшихъ комбинацій седьмой сферы, становится тончайшей единицей Духа—Матеріи или первичнымъ атомомъ *шестой сферы.* Эти атомы шестой сферы и ихъ безконечныя комбинаціи образуютъ подраздѣленія Духа—Матеріи шестой сферы. Атомъ шестой сферы, въ свою очередь, вызываетъ вихревое движеніе въ грубѣйшихъ аггрегатахъ своей собственной сферы и, ограниченный стѣною этихъ грубѣйшихъ аггрегатовъ, становится тончайшей единицей Духа - Матеріи или первичнымъ атомомъ *пятой сферы.*

Въ свою очередь и эти атомы пятой сферы и ихъ комбинаціи образуютъ подраздѣленія Духа—Матеріи пятой сферы. Тотъ же процессъ повторяется при послѣдовательномъ образованіи Духа—Матеріи *четвертой, третьей, второй и первой сферы.* Такимъ образомъ возникаютъ семь великихъ областей вселенной, поскольку дѣло идетъ о ихъ матеріальныхъ составныхъ частяхъ. Болѣе ясное представленіе о нихъ читатель получитъ по аналогіи, когда мы

*) Отсюда названіе Его „Владыка Майи“; въ нѣкоторыхъ восточныхъ священныхъ книгахъ *Mâyâ* или иллюзія признается принципомъ формы; *форма* признается *иллюзорной,* благодаря ея переходящей природѣ и вѣчнымъ трансформаціямъ, тогда какъ *Жизнь,* ищущая для себя выраженія подъ покровомъ различныхъ формъ, признается *реальностью.*

овладѣемъ видоизмѣненіями Духа—Матеріи нашего собственнаго *физическаго міра* *).

Слово „Духъ—Матерія“ употребляется преднамѣренно. Оно должно указывать на тотъ фактъ, что въ мірѣ нѣтъ такой вещи, какъ „мертвая“ матерія; вся матерія живетъ, тончайшія частицы ея суть *жизни*. Наука права, утверждая, что „нѣтъ силы безъ матеріи, и нѣтъ матеріи безъ силы“. То и другое соединено вмѣстѣ въ нерасторжимый бракъ на протяженіи всей жизни вселенной и никто и ничто не можетъ расторгнуть этотъ союзъ. Матерія есть форма, и нѣтъ формы, которая не служила бы выраженіемъ для жизни; духъ есть жизнь, и нѣтъ жизни, которая не была бы ограничена формой. Даже и Логосъ, верховный Владыка Жизни, проявляясь, облекается во Вселенную, которая и служитъ для Него формой, и то же самое повторяется вездѣ, вплоть до мельчайшаго атома.

Эта *инволюція* жизни и Логоса, какъ силы, одушевляющей каждую частицу матеріи, и послѣдовательное закутываніе ея въ матерію каждой сферы, такъ что матеріалы каждой изъ семи сферъ вселенной заключаютъ внутри себя, *въ скрытомъ состояніи*, всѣ возможности (потенціальности) формъ и силъ всѣхъ сферъ, какъ высшихъ, такъ и ихъ собственной сферы; эти два фактора: *инволюція жизни* и *скрытыя возможности*, таящіяся въ каждомъ атомѣ проявленной матеріи, обезпечиваютъ эволюцію и даютъ каждой ничтожной частицѣ матеріи возможность, разъ ея скрытыя свойства превратятся въ активныя силы, войти въ составъ самыхъ высокихъ существованій. Въ дѣйствительности, идея эволюціи можетъ быть выражена въ одной фразѣ: это—*скрытыя потенціальности, становящіяся активными силами*.

Вторая великая волна эволюціи, эволюція формы, и третья волна, эволюція самосознанія, будутъ разсмотрѣны въ дальнѣйшихъ главахъ этой книги. Эти три эволюціонные потока по отношенію развитія человѣчества можно опредѣлить такъ: образованіе

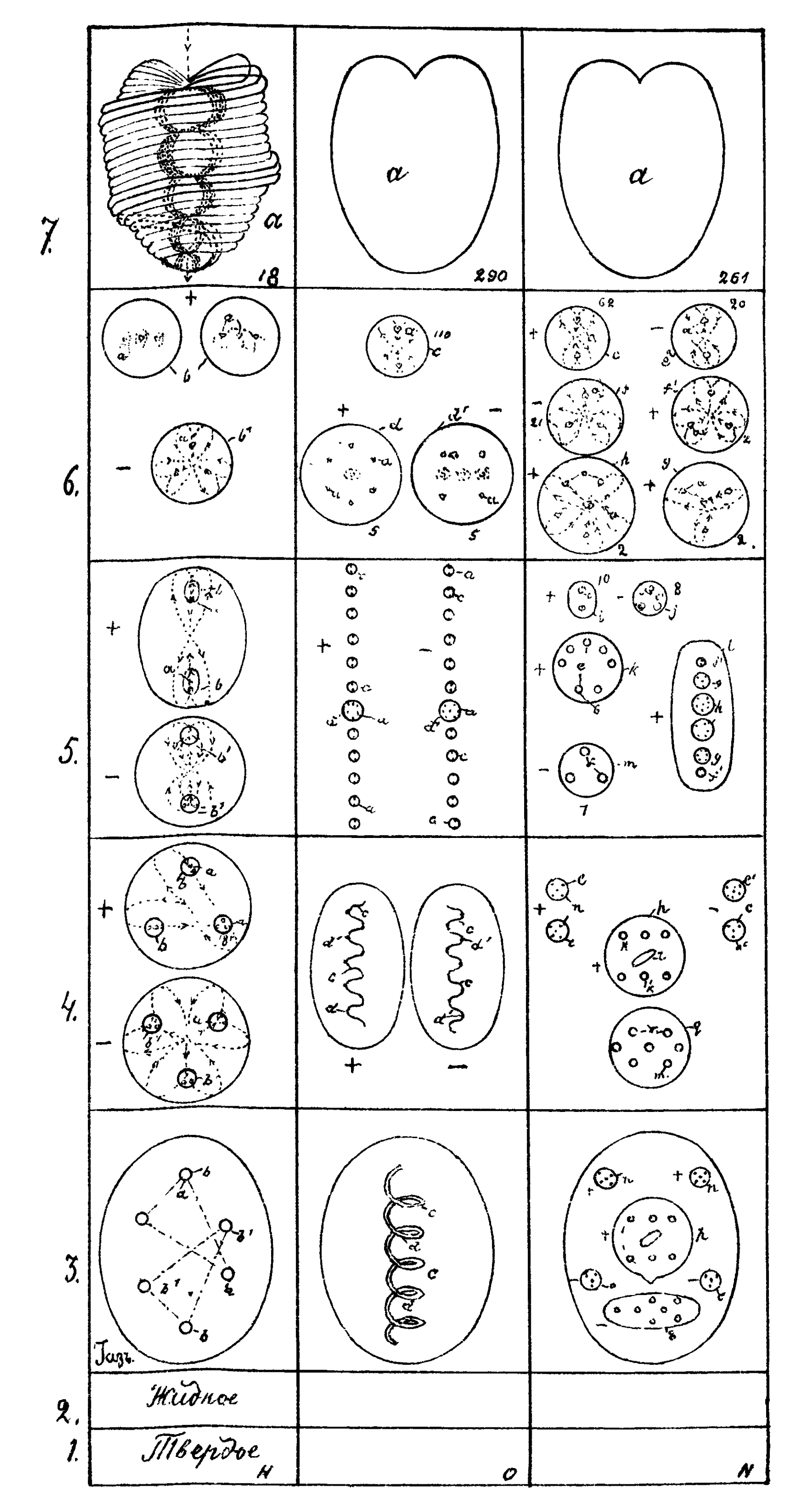
*) Читатель можетъ быть скорѣе уяснитъ себѣ наше изложеніе, если будетъ мыслить атомы 5-ой сферы какъ *Atmâ*, атомы 4-ой сферы какъ Atmâ, заключенную въ матерію Buddhi; атомы 3-ьей сферы какъ Atmâ, заключенную въ матерію Buddhi и Manas; атомы 2-ой сферы какъ Atmâ, облеченную въ матерію Buddhi—Manas—Kamâ; атомы самой низшей сферы какъ Atmâ, облеченную въ матерію Buddhi—Manas—Kamâ и Sthûla. Только наружные атомы дѣятельны въ каждомъ случаѣ, но и внутреннее пребываетъ тамъ же, хотя въ скрытомъ видѣ, готовое вступить въ дѣятельное проявленіе, когда эволюціонный процессъ начнетъ подниматься по восходящей линіи.

матеріаловъ, построеніе дома и ростъ обитателя дома, или, какъ сказано выше, эволюція *духа—матеріи,* эволюція *формы* и эволюція *самосознанія.* Если читатель овладѣетъ этой идеей, онъ найдетъ въ ней ключъ, который поможетъ ему разобраться въ запутанномъ лабиринтѣ фактовъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ подробному разсмотрѣнію физической сферы, той, на которой протекаетъ жизнь нашей земли и къ которой принадлежатъ и наши тѣла.

Когда мы разсматриваемъ матеріалы, присущіе этой сферѣ, насъ поражаетъ ихъ огромное разнообразіе, неисчислимыя различія въ составахъ окружающихъ насъ минераловъ, растеній, животныхъ, которые всѣ различаются по своимъ составнымъ частямъ: жесткимъ или мягкимъ, прозрачнымъ или непрозрачнымъ, хрупкимъ или гибкимъ, горькимъ или сладкимъ, пріятнымъ или непріятнымъ, окрашеннымъ или безцвѣтнымъ. Изъ всего этого смѣшенія выдѣляются три подраздѣленія матеріи какъ основная классификація: матерія твердая, жидкая и газообразная. Дальнѣйшее разслѣдованіе показываетъ, что всѣ эти твердыя, жидкія и газообразныя вещества образуются изъ комбинацій несравненно болѣе простыхъ тѣлъ, называемыхъ химиками *элементами,* и что эти элементы могутъ существовать въ условіяхъ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ, нисколько не измѣняя при этомъ присущей имъ природы. Такъ, химическій элементъ *кислородъ* является составной частью дерева, и, въ комбинаціи съ другими элементами, составляетъ *твердое* волокно дерева; онъ же, въ соединеніи съ другими элементами, встрѣчается въ сокѣ дерева, какъ *жидкость,* и въ то же время существуетъ самъ по себѣ какъ *газъ.* Во всѣхъ трехъ состояніяхъ это—все тотъ же кислородъ. Далѣе, чистый кислородъ можетъ быть переведенъ изъ газообразнаго въ жидкое, а изъ жидкаго въ твердое состояніе, оставаясь при этомъ тѣмъ же чистымъ кислородомъ, и то же самое относится и ко всѣмъ другимъ элементамъ.

Такимъ образомъ, мы получимъ три подраздѣленія или состоянія матеріи въ физической сферѣ: твердое, жидкое и газообразное. Изслѣдуя далѣе, мы находимъ четвертое состояніе—эфиръ, а болѣе тщательное разслѣдованіе открываетъ намъ, что эфиръ, въ свою очередь, существуетъ въ четырехъ состояніяхъ, столь же отличныхъ одно отъ другого, какъ состоянія: твердое, жидкое и газообразное. Возьмемъ снова какъ примѣръ кислородъ: такъ же, какъ его можно перевести изъ газообразнаго состоянія въ жидкое и твердое, такъ же онъ можетъ перейти по восходящей

Таблица, показывающая разложеніе химическихъ элементовъ: Водорода, Кислорода и Азота при прохожденіи ихъ изъ газообразнаго черезъ три промежуточныя эфирныя состоянія въ четвертое, *атомистическое*, которое является основнымъ для матеріи на физическомъ планѣ бытія.

линіи изъ газообразнаго состоянія въ четыре болѣе тонкія эфирныя состоянія, послѣднее изъ которыхъ являетъ собой *первичный физическій атомъ;* дальнѣйшее разложеніе этого первичнаго физическаго атома переведетъ его изъ состоянія физическаго въ сверхфизическое, въ состояніе слѣдующей за физической сферы. Въ прилагаемой таблицѣ три газа: водородъ, кислородъ и азотъ показаны въ состояніи газообразномъ и въ четырехъ эфирныхъ состояніяхъ; на этой таблицѣ видно, что структура первичнаго физическаго атома для всѣхъ трехъ газовъ одна и та же, и что разнообразіе такъ-называемыхъ „элементовъ" происходитъ отъ разнообразія способовъ, посредствомъ которыхъ первичные атомы соединяются между собою. Такимъ образомъ *седьмое* подраздѣленіе физической духъ—матеріи состоитъ изъ однородныхъ атомовъ; *шестое* образуется изъ довольно простыхъ комбинацій однородныхъ атомовъ, при чемъ каждая комбинація дѣйствуетъ какъ единица. *Пятое* подраздѣленіе образуется изъ болѣе сложныхъ комбинацій, *четвертое* изъ еще болѣе сложныхъ, но во всѣхъ случаяхъ комбинаціи эти дѣйствуютъ какъ единицы; *третье* подраздѣленіе состоитъ изъ комбинацій еще болѣе сложныхъ, разсматриваемыхъ химиками какъ газообразные атомы *элементовъ*, и въ этомъ подраздѣленіи многія комбинаціи получили опредѣленныя названія, какъ: кислородъ, водородъ, азотъ, хлоръ и т. д.; точно такъ же получаютъ названія и всѣ вновь открываемыя комбинаціи. *Второе* подраздѣленіе состоитъ изъ комбинацій въ жидкомъ состояніи, причисляютъ ли ихъ къ элементамъ, какъ бромъ, или къ соединеніямъ, какъ вода. *Первое* подраздѣленіе состоитъ изъ всѣхъ твердыхъ веществъ, разсматриваются ли они какъ элементы, въ родѣ золота, свинца, іода и т. д., или какъ соединенія, каковы: дерево, камень, известь и т. п.

Физическая сфера можетъ служить читателю моделью, по аналогіи съ которой онъ въ состояніи будетъ создать себѣ идею о подраздѣленіяхъ матеріи и въ остальныхъ сферахъ вселенной. Если Теософъ говоритъ о планѣ или сферѣ, онъ подразумѣваетъ область, заключающую въ себѣ духъ—матерію, всѣ комбинаціи которой происходятъ отъ опредѣленнаго рода атомовъ; эти атомы, въ свою очередь, суть однородныя единицы, оживленныя жизнью Логоса, скрытою подъ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ покрововъ, въ зависимости отъ сферы, къ которой они принадлежатъ; что касается до ихъ происхожденія, то его нужно всегда искать въ низшемъ подраздѣленіи матеріи той сферы, которая непосредственно предшествуетъ собственной сферѣ изслѣдуемыхъ атомовъ.

Такимъ образомъ планъ или сфера являетъ собою и естественное подраздѣленіе въ природѣ, и метафизическую идею.

До сихъ поръ мы изучали результаты развитія духа—матеріи въ нашей физической средѣ, которая, по отношеніи всей нашей солнечной системы, составляетъ самое низшее ея подраздѣленіе. Въ теченіе безконечныхъ вѣковъ происходилъ этотъ процессъ созиданія *матеріаловъ,* этотъ эволюціонный потокъ духа—матеріи, и въ составѣ нашего земного міра мы видимъ результатъ этого процесса.

Но когда мы начнемъ изученіе жителей физической среды, мы подойдемъ къ эволюціи *формы*, къ построенію организмовъ *изъ* этихъ матеріаловъ.

Когда эволюція матеріаловъ достаточно подвинулась, тогда вторая великая жизненная волна, исходящая изъ Логоса, даетъ импульсъ эволюціи формы и Логосъ становится организующей силой *) Своей вселенной, при чемъ безчисленные сонмы Сущностей, именуемыхъ Строителями **), принимаютъ участіе въ строительствѣ формъ изъ всевозможныхъ комбинацій духа—матеріи.

Жизнь Логоса, пребывающая въ каждой формѣ, есть ея центральная, контролирующая и направляющая энергія. Строительство формъ на высшихъ планахъ бытія не можетъ быть предметомъ нашего изслѣдованія въ данное время; достаточно будетъ сказать, что всѣ формы существуютъ какъ Идеи въ Разумѣ Логоса, и что Идеи эти изливались путемъ упомянутой второй жизненной волны, дабы послужить образцами для Строителей. Во второй и третьей сферѣ первичныя комбинаціи духа—матеріи имѣютъ цѣлью вызвать въ матеріи пластичность, способность облекаться въ организованную форму, дабы *дѣйствовать какъ единицы* и постепенно развивать все бóльшую устойчивость въ матеріалахъ, формирующихся въ опредѣленные организмы. Этотъ процессъ совершался во второй и третьей сферахъ, въ такъ-называемыхъ трехъ элементарныхъ царствахъ; всѣ комбинаціи матеріи, образовавшіяся здѣсь, носятъ обыкновенно названіе „элементарная сущность (эссенція)“; послѣдняя отливается въ разнообразныя формы, существованіе которыхъ длится нѣкоторое время, послѣ чего онѣ распадаются на составныя части. Излитая жизнь или Монада разви-

*) Какъ *Atmâ—Buddhi,* нераздѣлимая въ дѣйствіи и поэтому разсматриваемая какъ Монада. Всѣ *формы* имѣютъ въ Atma—Buddhi свою контролирующую жизнь.

**) Нѣкоторые изъ нихъ одарены высокимъ Разумомъ, но то же названіе дается и строящимъ духамъ природы. Болѣе подробно объ этомъ въ главѣ XII.

валась, проходя черезъ три названныя элементарныя царства, пока не достигала физической сферы, гдѣ она начинала стягивать эфирныя частицы и соединять ихъ въ хрупкія формы, внутри которыхъ двигались жизненные токи; въ эти формы вносились построенія изъ болѣе твердаго матеріала, послужившія основой для первыхъ минераловъ. Въ нихъ, какъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на рисунки любой книги по кристаллографіи, ясно выступаютъ геометрическія линіи, по которымъ происходитъ построеніе плоскостей кристалла, изъ чего можно убѣдиться, что въ минералахъ идетъ работа жизни, хотя и стѣсненная, замкнутая и сдавленная.

Другимъ указаніемъ на то, что минералъ живетъ, служитъ явленіе утомляемости, *) которое наблюдается у металла, но здѣсь достаточно упомянуть, что оккультное ученіе признаетъ въ металлахъ жизнь потому, что ей извѣстны упомянутые процессы инволюціи жизни. Когда нѣкоторые изъ представителей минеральнаго царства достигли достаточной *устойчивости* формы, развивающаяся Монада начинаетъ вырабатывать въ растительномъ царствѣ бо̀льшую пластичность формы, соединяя это новое свойство *пластичности* съ ранѣе пріобрѣтенной *устойчивостью*. Оба эти свойства получаютъ еще болѣе гармоническое выраженіе въ царствѣ животномъ и достигаютъ своей высшей точки равновѣсія въ человѣкѣ; тѣло послѣдняго, хотя и построено изъ составныхъ частей крайне неустойчиваго равновѣсія, что необходимо для достиженія наивысшей приспособляемости, въ то же время такъ прочно держится въ цѣлости, благодаря соединяющей центральной силѣ, что даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ способно противустоять распаденію своихъ составныхъ частицъ.

Физическое тѣло человѣка состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: твердое тѣло, образующееся изъ составныхъ частей трехъ низшихъ подраздѣленій физической сферы: твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, и изъ *эфирнаго двойника* сѣро-лиловаго или сѣро-

---

*) Професоръ Chandra Bose въ Калькуттѣ, въ рядѣ интересныхъ опытовъ, доказалъ, что такъ-называемая неорганическая матерія способна отвѣчать на раздраженія извнѣ такъ же, какъ растительныя и животныя ткани. Онъ устроилъ аппаратъ съ вращающимся цилиндромъ, на которомъ оставляютъ слѣды (въ кривыхъ линіяхъ) отвѣтныя движенія веществъ, подвергаемыхъ раздраженію. Оказалось, что отвѣтныя движенія олова и мускульной ткани одинаковы. Мало того: металлы проявили такіе же признаки утомляемости, какъ и органическія вещества, и такую же чувствительность къ убивающему дѣйствію ядовъ; но что особенно поразительно, они оказались способными оживать подъ вліяніемъ противоядія (Theos. Review. October 1902, № 128, p. 115—118). *Прим. перев.*

голубого цвѣта, насквозь проникающаго физическое тѣло и состоящаго изъ матерьяловъ, присущихъ четыремъ высшимъ подраздѣленіямъ физической сферы. Главное назначеніе физическаго тѣла: входить въ соприкосновеніе съ физическимъ міромъ, получать впечатлѣнія извнѣ и сообщать о нихъ внутрь; именно эти сообщенія и представляютъ собою тотъ матерьялъ, изъ котораго сознательная, обитающая въ тѣлѣ сущность вырабатываетъ всѣ свои *знанія*. Главное назначеніе эфирнаго двойника: служить проводникомъ для жизненныхъ токовъ, исходящихъ изъ солнца, чтобы они могли быть использованы твердыми частицами физическаго тѣла. Солнце есть великій резервуаръ электрической, магнетической и жизненной силы нашей планетной системы, изливающій въ изобиліи на нашу землю потоки своей жизненной энергіи. Послѣдніе воспринимаются эфирными двойниками минераловъ, растеній, животныхъ и людей и превращаются ими въ различныя жизненныя энергіи, въ которыхъ нуждается каждое изъ названныхъ существъ *). Эфирные двойники втягиваютъ эти токи жизненной энергіи, приспособляютъ ихъ и распредѣляютъ по соотвѣтственнымъ частямъ физическаго тѣла. Наблюдается, что при могучемъ здоровьи превращенію подвергается большее количество жизненной энергіи, чѣмъ это необходимо для потребностей самого организма, и весь избытокъ ея излучается наружу, гдѣ онъ воспринимается и используется болѣе слабыми организмами. То, что называется технически *аура здоровья*, есть та часть эфирнаго двойника, которая выступаетъ на нѣсколько сантиметровъ за предѣлы физическаго тѣла, высылая излученія по всѣмъ направленіямъ. Эти излученія поникаютъ, когда жизненныя силы падаютъ ниже нормы здоровья, и снова выпрямляются съ возвращеніемъ физической бодрости. Именно эта солнечная энергія, проходящая черезъ эфирные двойники, и изливается магнетизеромъ для укрѣпленія слабыхъ и для лѣченія болѣзней, хотя при этомъ часто примѣшиваются токи болѣе разрѣженнаго вида. Вотъ отчего происходитъ истощеніе у магнетизера, если онъ переходитъ границу и расходуетъ свою жизне-энергію черезмѣрно. Ткани человѣческаго тѣла бываютъ или грубѣе или тоньше въ зависимости отъ тѣхъ матерьяловъ, которые извлекаются изъ физической среды

*) Присвоенная отдѣльнымъ существамъ общая жизнь (Jiva) получаетъ названіе Prâna и она становится жизне-дыханіемъ каждаго существа. Слѣдовательно, этимъ именемъ общеміровая жизнь называется тогда, когда она заключена въ воплощенномъ существѣ и поддерживаетъ его отдѣльное бытіе.

для образованія тканей. Каждое подраздѣленіе матеріи доставляетъ болѣе тонкіе или болѣе грубые матерьялы.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть одновременно на мясника и на духовно-развитаго ученаго: у обоихъ тѣло состоитъ изъ твердыхъ частицъ, но въ этихъ частицахъ какая разница!

Далѣе мы знаемъ, что грубое тѣло можетъ быть утончено, а утонченное—огрубѣть. Тѣло постоянно измѣняется, каждая его частица есть жизнь, и жизни эти приходятъ и уходятъ изъ него. Онѣ притягиваются къ тѣлу, соотвѣтствующему имъ, и отталкиваются отъ такого, которое не согласуется съ ними. Чистое тѣло отталкиваетъ грубыя частицы потому, что послѣднія вибрируютъ несоотвѣтственно съ вибраціями его собственныхъ частицъ; наоборотъ, грубое тѣло притягиваетъ ихъ къ себѣ, такъ какъ быстрота ихъ вибрацій совпадаетъ съ его собственными. Слѣдовательно, если тѣло начинаетъ вибрировать быстрѣе, оно постепенно выбрасываетъ изъ себя всѣ составныя частицы, неспособныя приспособиться къ новому ритму, и заполняетъ ихъ мѣсто новыми частицами, способными гармонировать съ нимъ. Природа даетъ матерьялы, вибрирующіе самымъ разнообразнымъ образомъ, и каждому отдѣльному тѣлу предоставлено самостоятельно производить изъ нихъ свой естественный подборъ.

Въ болѣе ранній періодъ строительства человѣческихъ тѣлъ, этотъ подборъ производился помимо человѣка, но теперь, когда человѣкъ достигъ самосознанія, онъ самъ опредѣляетъ составъ своего тѣла. Своими мыслями онъ даетъ тонъ всей музыкѣ своего существа и производитъ ритмъ, который наиболѣе сильно вліяетъ на постоянныя измѣненія, непрестанно совершающіяся въ его физическомъ и другихъ тѣлахъ.

По мѣрѣ того, какъ его знанія увеличиваются, онъ убѣждается, что можно перестроить свое физическое тѣло, употребляя болѣе чистую пищу, и можно сдѣлать его болѣе покорнымъ волѣ человѣка. „Чистая пища, чистый умъ и постоянное памятованье о Богѣ“ такъ выражается путь очищенія. Какъ высшее изъ всѣхъ живущихъ въ физической средѣ существъ, человѣкъ является въ извѣстной степени намѣстникомъ Логоса, отвѣчающимъ по мѣрѣ силъ за порядокъ, миръ и благоденствіе на землѣ; долгъ же этотъ *не* выполнимъ безъ упомянутыхъ трехъ условій.

Физическое тѣло, построенное изъ элементовъ всѣхъ подраздѣленій физической сферы, способно воспринимать всевозможныя впечатлѣнія своей сферы и отвѣчать на нихъ.

Самыя первыя соприкосновенія будутъ и самыя простыя и грубыя, но по мѣрѣ того, какъ жизнь изнутри посылаетъ отвѣтныя вибраціи на возбужденія извнѣ, приводя молекулы физическаго тѣла въ соотвѣтствующія колебанія, на поверхности всего тѣла начинаетъ развиваться чувство осязанія, иначе: распознаванье всего, что приходитъ въ соприкосновеніе съ физическимъ тѣломъ. По мѣрѣ того, какъ развиваются спеціальные органы чувствъ для воспринятія всѣхъ родовъ вибрацій, выростаетъ и значеніе тѣла какъ будущаго носителя *сознательной сущности* въ физической средѣ. Чѣмъ болѣе число впечатлѣній, на которыя оно можетъ отвѣчать, тѣмъ полезнѣе становится тѣло; ибо только тѣ изъ внѣшнихъ впечатлѣній могутъ достигнутъ до сознанія, на которыя оно способно отвѣчать. Даже и теперь существуютъ миріады вибрацій, пульсирующихъ вокругъ насъ въ пространствѣ, на которыя мы не способны отвѣчать благодаря тому, что наше физическое тѣло еще не способно ихъ воспринять и вибрировать въ гармоніи съ ними. Невообразимыя красоты, восхитительные звуки, нѣжныя тончайшія явленія, прикасаясь къ стѣнамъ нашей тюрьмы, проносятся мимо, не замѣченныя нами. Еще не развилось совершенное тѣло, совершенный проводникъ, который былъ бы способенъ вибрировать въ отвѣтъ на жизненный пульсъ *всей* природы, въ родѣ того, какъ Эолова арфа способна отвѣчать на легчайшія дуновенія вѣтерка.

Тѣ вибраціи, которыя физическое тѣло въ состояніи воспринимать, оно переноситъ въ физическіе центры, принадлежащіе къ его высокосложной нервной системѣ. Эфирныя вибраціи, которыя сопровождаютъ вибраціи болѣе плотныхъ физическихъ составныхъ частей, воспринимаются подобнымъ же образомъ эфирнымъ двойникомъ и передаются своимъ соотвѣтствующимъ центрамъ. Большинство вибрацій въ плотной матеріи переходятъ въ химическую, тепловую и другія формы физической энергіи, тогда какъ эфирныя вибраціи даютъ начало магнетическимъ и электрическимъ явленіямъ, и онѣ же передаются астральному тѣлу, откуда, какъ мы увидимъ дальше, онѣ достигаютъ до центра сознанія. Вотъ какимъ образомъ вѣсти изъ внѣшняго міра достигаютъ до сознающей сущности, временно пребывающей въ физическомъ тѣлѣ. По мѣрѣ того, какъ проводники, передающіе впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, упражняются и развиваются, и сознающая сущность растетъ, питаясь тѣмъ матерьяломъ, который проводники доставляютъ ея сознанію; но и по сіе время человѣкъ еще такъ мало развитъ, что даже его эфирный двойникъ еще не до-

стигъ той гармонической законченности, чтобы регулярно передавать сознанію впечатлѣнія, получаемыя имъ независимо отъ своего физическаго двойника, и чтобы запечатлѣвать ихъ въ физическомъ мозгу. Когда это ему отъ времени до времени удается, тогда мы имѣемъ низшую ступень ясновидѣнья, способность видѣть эфирные двойники физическихъ объектовъ, а также и тѣ существа, у которыхъ эфирное тѣло является наружнымъ покровомъ.

Человѣкъ заключенъ, какъ мы это увидимъ, въ различныя тѣла или проводники: физическій, астральный, ментальный *), и необходимо помнить, что на пути нашего развитія разсуждаетъ и контролируетъ ранѣе другихъ сознаній сознаніе нашего физическаго проводника. Физическій мозгъ представляетъ собою орудіе человѣческаго сознанія во время бодрствованія въ физической средѣ, и въ недоразвитомъ человѣкѣ сознаніе работаетъ въ физическомъ мозгу несравненно отчетливѣе, чѣмъ въ остальныхъ проводникахъ. Его потенціальность, т. е. возможность развитія, гораздо ограниченнѣе, чѣмъ у болѣе тонкихъ проводниковъ, зато его силы на настоящей ступени развитія значительнѣе, и современный человѣкъ познаетъ себя какъ „я“ прежде всего въ своемъ физическомъ тѣлѣ. Но если бы онъ былъ и развитѣе средняго человѣка, все же онъ можетъ проявить на землѣ только то, что способно быть переданнымъ его физическимъ организмомъ, ибо сознаніе можетъ проявляться въ физической средѣ только въ той мѣрѣ, въ какой физическій проводникъ способенъ выражать его.

Физическое и эфирное тѣла не раздѣляются во время земной жизни; нормально они функціонируютъ вмѣстѣ какъ высокія и низкія струны одного инструмента, когда изъ него извлекается аккордъ, но рядомъ съ этимъ они могутъ выполнять различныя, хотя и однородныя дѣятельности.

Подъ вліяніемъ слабаго здоровья или нервнаго возбужденія эфирный двойникъ можетъ быть отчасти извлеченъ изъ своего физическаго плотнаго двойника; послѣдній впадаетъ при этомъ или въ полубезсознательное состояніе, или въ трансъ, смотря по меньшему или большему количеству выдѣлившейся эфирной субстанціи. Анестезирующія средства вызываютъ выдѣленіе большей части эфирнаго двойника и прерываютъ всякое взаимодѣйствіе между сознаніемъ и физическимъ тѣломъ благодаря тому, что соединявшій ихъ мостъ разрушенъ. Въ ненормальныхъ индивиду-

*) Тѣло мысли.

умахъ, называемыхъ медіумами, легко наступаетъ распаденіе твердаго и эфирнаго тѣлъ, при чемъ освободившаяся субстанція эфирнаго тѣла даетъ физическую основу для „матеріализаціи“.

Во снѣ, когда сознаніе покидаетъ физическое тѣло, бывшее для него проводникомъ во время бодрствованія, физическое и эфирное тѣла остаются вмѣстѣ, но функціонируютъ они въ мірѣ сновидѣній до извѣстной степени независимо одно отъ другого.

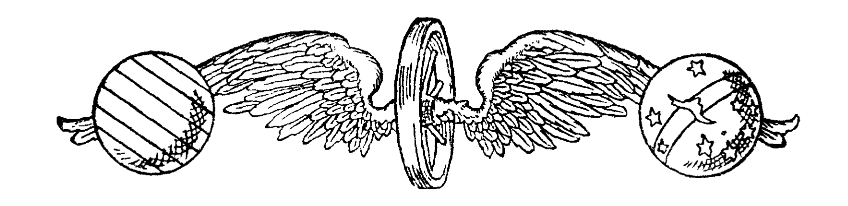
Впечатлѣнія, испытываемыя въ бодрствующемъ состояніи, воспроизводятся во снѣ автоматически, и оба мозга—физическій и эфирный, наполняются безсвязными, обрывочными картинами, при чемъ вибраціи того и другого сталкиваются и вызываютъ всевозможныя причудливыя комбинаціи. Точно такъ же и вибраціи извнѣ вліяютъ на оба проводника; однородные токи изъ астральной сферы легко вызываютъ сновидѣнія, соотвѣтствующія представленіямъ, часто повторявшимся у спящаго во время бодрствованія. Чистота или нечистота бодрствующаго сознанія отразится на возникающихъ во снѣ картинахъ, будутъ ли онѣ возникать самопроизвольно, или же будутъ вызваны извнѣ.

Когда наступаетъ смерть, эфирное тѣло извлекается изъ своего физическаго двойника удаляющимся сознаніемъ; магнетическая связь, существовавшая между обоими тѣлами при жизни, обрывается, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сознаніе остается какъ бы окутанное въ эту эфирную одежду. Въ ней она появляется иногда близкимъ людямъ, имѣя видъ облачной фигуры, съ очень тупымъ сознаніемъ и безъ словъ, это—то, что мы называемъ привидѣніемъ. Когда же сознательная сущность покидаетъ и эфирное тѣло, послѣднее можно увидать какъ бы парящимъ надъ могилой, въ которой положенъ его физическій двойникъ, и медленно распадающимся на составныя части.

Когда наступаетъ время новаго воплощенія, эфирный двойникъ строится ранѣе физическаго тѣла; послѣднее, въ утробномъ своемъ періодѣ, точно копируетъ его. Оба тѣла—физическое и эфирное—намѣчаютъ собою тѣ ограниченья, въ предѣлахъ которыхъ сознательная суть человѣка должна жить и проявляться въ теченіе земного своего существованія. Послѣдній вопросъ мы разсмотримъ подробнѣе въ девятой главѣ, которая будетъ посвящена Кармѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. Е. П.

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра Рудольфа Штейнера.

Глава III *).

Источникомъ для слѣдующихъ сообщеній служитъ тайное преданіе, объ имени и сущности котораго, въ настоящее время, еще не могутъ быть сообщены точныя подробности. Эти сообщенія касаются трехъ ступеней, черезъ которыя тайная школа, сохраняющая это преданіе, ведетъ къ извѣстной степени Посвященія. Но лишь ту часть этого преданія можно найти здѣсь, о которой возможно говорить открыто въ журналѣ. Въ оккультныхъ школахъ проходятъ черезъ совершенно опредѣленный курсъ ученія. Извѣстныя упражненія служатъ для того, чтобы привести душу человѣка къ сознательному общенію съ духовнымъ міромъ. Эти упражненія относятся къ тому, чтó будетъ сообщено въ дальнѣйшемъ, приблизительно такъ же, какъ регулярное преподаваніе въ строго поставленной школѣ относится къ наставленіямъ, пріобрѣтаемымъ случайно во время прогулокъ. Однако же *серьезное* и настойчивое выполненіе того, что здѣсь намѣчено, приведетъ къ средствамъ, которыя могутъ открыть ищущему доступъ къ дѣйствительной оккультной школѣ. Несомнѣнно также и то, что терпѣливыя попытки безъ серьезнаго отношенія къ нимъ и безъ настойчивости не могутъ привести ни къ чему серьезному. Кто увѣренъ, что можетъ желать бóльшаго, тотъ долженъ обратиться къ Учителю. Но успѣшнымъ оккультное обученіе можетъ быть только тогда, когда соблюдено будетъ все то, о чемъ говорилось подробно въ первой и второй главѣ. Три послѣдовательныя ступени, которыя даются указаннымъ преданіемъ, слѣдующія: 1. Под-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 2, стр. 30.

готовленіе. 2. Просвѣтленіе. 3. Посвященіе. Нѣтъ безусловной необходимости, чтобы эти три ступени слѣдовали одна за другой такъ, чтобы первая была пройдена до конца, прежде чѣмъ наступитъ очередь второй и третьей. Относительно нѣкоторыхъ вещей можно быть уже просвѣтленнымъ и даже посвященнымъ, тогда какъ относительно другихъ можно—въ то же время—находиться лишь на ступени подготовленія. Но все же нужно нѣкоторое время посвятить подготовленію, прежде чѣмъ вообще возможно начало просвѣтленія. И также необходимо, хотя до нѣкоторой степени, быть просвѣтленнымъ передъ началомъ Посвященія. Но въ изложеніи, ради ясности, три ступени должны слѣдовать одна за другой.

1. Подготовленіе.

Подготовленіе состоитъ въ совершенно опредѣленномъ уходѣ за жизнью чувствъ и мыслей. При помощи этого ухода душевное и духовное тѣла *) одаряются высшими орудіями чувствъ и высшими органами дѣятельности, такъ же какъ на раннихъ ступеняхъ эволюціи силы природы снабжали физическое тѣло человѣка органами, формировавшимися изъ первичной живой матеріи.

Начинать слѣдуетъ съ того, чтобы вниманіе души направить на извѣстныя явленія въ окружающемъ насъ мірѣ. Одинъ рядъ такихъ явленій—растущая, развивающаяся и зрѣющая жизнь, другой же рядъ—все, что связано съ отцвѣтаніемъ, увяданіемъ и умираніемъ. Повсюду, куда человѣкъ ни взглянетъ, происходятъ одновременно подобныя явленія. И также, естественно вызываютъ они въ человѣкѣ опредѣленныя мысли и чувства. Но при обыкновенныхъ условіяхъ человѣкъ недостаточно отдается этимъ мыслямъ и чувствамъ, потому что слишкомъ скоро перебѣгаетъ отъ одного впечатлѣнія къ другому. Вотъ почему необходимо чтобы онъ интенсивно и совершенно сознательно обращалъ вниманіе на эти факты природы. Онъ долженъ въ тѣ опредѣленныя минуты, когда его душа воспринимаетъ произрастаніе и цвѣтеніе, изгнать изъ нея все остальное и на короткое время предоставить себя исключитело *одному этому* впечатлѣнію. И онъ скоро убѣдится, что чувство *до* этого времени лишь мимолетно пробѣгавшее черезъ его душу, усиливается, что оно принимаетъ сильную и энергическую форму. Этому чувству онъ долженъ предоставить спо-

*) Астральное и ментальное тѣла по терминологіи теософическихъ ученій. *Прим. перев.*

койно отзвучать внутри себя. При этомъ нужно совсѣмъ затихнуть внутренно, замкнуться отъ остального внѣшняго міра и прислушиваться къ тому, какъ душа отзовется на явленія произрастанія и расцвѣтанія.

Но никакъ не слѣдуетъ думать, что можно успѣть въ развитіи, притупляя свои *чувства* по отношенію къ міру. Сначала нужно вглядываться въ объекты какъ можно болѣе живо и точно и лишь *послѣ этого* отдавать себя возникающему въ душѣ чувству и пробуждающейся мысли. Важно съумѣть направить вниманіе одновременно и на чувство, и на мысль, сохраняя при этомъ полное внутреннее равновѣсіе. Если съумѣешь найти необходимый покой и отдать себя тому, чтó возникаетъ въ душѣ, тогда—черезъ соотвѣтствующее время—появятся новые виды чувствъ и мыслей во внутреннемъ мірѣ, какихъ раньше тамъ не было. Чѣмъ чаще устремлять такимъ образомъ вниманіе попеременно то на нѣчто растущее, расцвѣтающее, зрѣющее, то на нѣчто вянущее, умирающее, тѣмъ живѣе будутъ дѣлаться эти чувства. И изъ чувствъ и мыслей, возникающихъ такимъ образомъ, строятся органы ясновидѣнія такъ же, какъ силы природы изъ живой матеріи строятъ глаза и уши физическаго тѣла. Совершенно опредѣленная форма чувства связывается съ ростомъ и возникновеніемъ, другое совершенно опредѣленное чувство съ увяданіемъ и умираніемъ, но только въ томъ случаѣ, когда эти чувства вызываются къ жизни вышеописаннымъ образомъ. Лишь приблизительно можно описать, каковы эти чувства, и живое представленіе о нихъ можно пріобрѣсти только тогда, когда самъ испытаешь всѣ эти внутреннія переживанія. Кто часто устремляетъ вниманіе на процессы возникновенія, произрастанія, цвѣтенія, тотъ начнетъ чувствовать нѣчто, имѣющее *отдаленное сходство* съ чувствомъ, вызываемымъ солнечнымъ восходомъ. И изъ процессовъ увяданія и умиранія ему передастся переживаніе, сходное съ впечатлѣніемъ отъ медленно восходящей въ полѣ зрѣнія луны. Оба эти чувства—двѣ силы, которыя, при надлежащемъ уходѣ и при усиливающемся развитіи, могутъ повести къ величайшимъ оккультнымъ дѣйствіямъ. Кто сознательно и безъ перерывовъ отдается такимъ чувствамъ, для того откроется цѣлый новый міръ. Передъ нимъ начнетъ постепенно выявляться та душевная область, которая называется „астральной сферой“. Ростъ и увяданіе перестанутъ быть для него такими неопредѣленными впечатлѣніями, какими они были раньше; наоборотъ, они начнутъ складываться въ линіи и очертанія, о какихъ онъ ранѣе

и не подозрѣвалъ. И эти линіи и очертанія складываются для различныхъ явленій въ различные образы. Распустившійся цвѣтокъ вызоветъ передъ его душой совершенно опредѣленныя линіи, также и молодое ростущее животное, или умирающее дерево. Міръ души (астральная сфера) медленно развернется передъ нимъ. Ничего произвольнаго нѣтъ въ этихъ линіяхъ и образахъ. Два ученика, находящіеся на одинаковой ступени развитія, при одномъ и томъ же явленіи увидятъ всегда одни и тѣ же линіи и образы. Такъ же какъ два человѣка съ правильно развитымъ зрѣніемъ увидятъ оба круглый столъ круглымъ, а не увидитъ одинъ изъ нихъ столъ круглымъ, а другой четырехугольнымъ, также и передъ двумя душами видъ цвѣтущаго растенія вызоветъ неизбѣжно одинъ и тотъ же духовный обликъ, и какъ въ обыкновенной естественной исторіи описывается наружный видъ растеній и животныхъ, такъ же описываетъ и рисуетъ Учитель оккультной школы очертанія процессовъ произрастанія и увяданія по родамъ и видамъ.

Когда ученикъ дошелъ до того, что можетъ видѣть духовные образы тѣхъ явленій, которыя и физически также видимы для него, тогда онъ не далекъ уже и отъ той ступени, когда видимыми становятся вещи, совсѣмъ не имѣющія физическаго существованія, остающіяся, слѣдовательно, совершенно скрытыми (оккультными) для обыкновенныхъ людей.

Настаивать нужно на томъ, чтобы изслѣдователь скрытыхъ сторонъ природы погружался въ размышленія о *значеніи* того или другого открывающагося для него явленія. Такая разсудочная работа можетъ только отвлечь его отъ правильнаго пути. Бодро, съ здоровымъ смысломъ, съ острой наблюдательностью долженъ онъ глядѣть въ этотъ новый, раскрывающійся передъ нимъ міръ и затѣмъ предоставлять себя ***своимъ*** собственнымъ чувствамъ. Чтó означаетъ видимое имъ—онъ не долженъ разбирать умозрительнымъ образомъ—свой смыслъ должны повѣдать ему сами вещи *).

Далѣе слѣдуетъ то, чтó въ эзотеризмѣ называется *оріентированіемъ* въ высшихъ мірахъ. Это достигается когда ученикъ совершенно проникнутъ сознаніемъ, что чувства и мысли—такіе же дѣйствительные факты въ высшемъ мірѣ, какъ столы и стулья—въ мірѣ физическомъ. Въ психическомъ мірѣ (или астральномъ)

*) Замѣтимъ, что художественная чуткость, соединенная съ такой погруженностью въ самого себя, есть лучшее предварительное условіе для развитія оккультныхъ способностей. Именно эта чуткость проникаетъ черезъ видимость вещей и черезъ это достигаетъ до ихъ скрытаго содержанія.

и въ мірѣ мысли (или ментальномъ) чувства и мысли дѣйствуютъ другъ на друга такъ же, какъ въ физическомъ мірѣ вещи чувственныя. Пока человѣкъ не проникнется этимъ сознаніемъ со всею живостью, онъ не повѣритъ, что его дурная мысль можетъ такъ же вредно подѣйствовать на другія мысли, населяющія ментальный міръ, какъ зря выпущенная ружейная пуля можетъ повредить физическому предмету, въ который она попадаетъ. Онъ, можетъ быть, никогда не позволитъ себѣ совершить физически-видимое дѣйствіе, которое считаетъ лишеннымъ смысла; но онъ не побоится носить въ себѣ дурныя мысли и чувства, думая, что они вполнѣ безопасны для окружающаго міра. Но въ наукѣ духа только тогда и можно итти впередъ, когда къ своимъ мыслямъ и чувствамъ относишься такъ же осмотрительно, какъ и къ своимъ поступкамъ въ физическомъ мірѣ. Когда кто-либо видитъ передъ собой стѣну, онъ не пробуетъ прямо проникнуть черезъ нее, но обходитъ ее, сообразуясь съ законами физическаго міра. Такіе же законы существуютъ и для міровъ чувства и мысли. Только они не достигаютъ сознанія человѣка внѣшнимъ образомъ, они должны сами истекать изъ жизни его души. Этого можно достигнуть, если никогда не допускать въ себя дурныхъ мыслей и чувствъ. Всякое произвольное колебаніе мысли, всякое безцѣльное фантазированье, всѣ случайные подъемы и опусканія чувствъ нужно себѣ запретить. И не слѣдуетъ думать, что можно вслѣдствіе этого внутренно обѣднѣть; наоборотъ, только когда начинаешь управлять своимъ внутреннимъ міромъ какъ слѣдуетъ, вмѣсто мелочной чувствительности и случайной игры ума появляются полныя значенія чувства и плодотворныя мысли. И эти чувства и мысли ведутъ человѣка къ умѣнію разбираться въ духовномъ мірѣ. Онъ вступаетъ въ правильныя отношенія съ вещами духовнаго міра. Такъ же, какъ онъ, будучи физическимъ человѣкомъ, умѣлъ находить направленіе среди физическихъ вещей, такъ же онъ долженъ теперь находить путь въ сверхфизическихъ мірахъ между явленіями *произрастанія* и *увяданія*, съ которыми онъ познакомился на вышеописанной стезѣ.

Дальнѣйшая забота ученика должна сосредоточиться на мірѣ *звуковъ*. Необходимо различать между звуками, производимыми такъ называемымъ *безжизненнымъ* тѣломъ (падающимъ предметомъ, колоколомъ или музыкальнымъ инструментомъ) и тѣми, которые производятся живымъ существомъ (животнымъ или человѣкомъ). Слушая звукъ колокола, мы воспринимаемъ его тонъ и соединенное съ нимъ пріятное чувство; слыша крикъ животнаго,

мы, кромѣ того, можемъ воспринять и откровеніе внутренняго переживанія животнаго—его радости или страданія. На этого рода звукахъ ученикъ и долженъ остановить все свое вниманіе. Онъ долженъ стремиться, чтобы звукъ открылъ ему нѣчто, что лежитъ внѣ его собственной души, и онъ долженъ погрузиться въ это чужое, слить свое собственное чувство съ страданьемъ или съ радостью, которыя передадутся ему черезъ звукъ. Онъ долженъ отдѣлаться отъ того, что *для него* самого представляетъ звукъ, въ смыслѣ пріятности или непріятности, благопріятнаго впечатлѣнія или неблагопріятнаго; только то должно достигать до его души, что испытываетъ живое существо, изъ котораго исходитъ звукъ. Дѣлающій подобныя упражненія по опредѣленному плану и обдуманно можетъ усвоить способность сливаться, такъ сказать, съ существомъ, издающимъ звукъ. Музыкально развитому человѣку такія упражненія дадутся легче, чѣмъ не музыкальному. Но не слѣдуетъ думать, что музыкальное чувство можетъ замѣнить эти упражненія. Нужно такимъ способомъ научиться отзываться на переживанія *всей природы*. Благодаря этому во внутреннемъ мірѣ ученика возникаетъ совершенно новая способность. Вся природа начинаетъ своими звуками передавать человѣку свои тайны. Что ранѣе было для его души непонятнымъ шумомъ, то станетъ для него полнымъ смысла *языкомъ природы*, который будетъ говорить его душѣ. Если ученикъ дѣлаетъ успѣхи въ развитіи внутренняго вниманія, онъ скоро замѣтитъ, что можетъ слышать тамъ, гдѣ ранѣе для него все было тихо; это значитъ, что онъ начинаетъ слышать *душой*.

Къ этому должно присоединиться еще нѣчто новое: ученикъ долженъ совершенно иначе, чѣмъ прежде, *слушать* другого. Онъ долженъ пріучиться слушать такъ, чтобы свое собственное внутреннее содержаніе совершенно *молчало*. Когда кто-нибудь высказываетъ мнѣніе и другой слушаетъ его, то внутри этого послѣдняго возникаетъ обыкновенно или утвержденіе, или отрицаніе. Въ большинствѣ случаевъ такое утвержденіе или отрицаніе немедленно и высказывается, но ученикъ долженъ къ чужой мысли относиться совершенно иначе. Онъ долженъ водворить *внутреннее* молчаніе, когда высказываются другіе. Конечно этого нельзя достигнуть сразу. Вначалѣ этого нужно добиваться въ отдѣльныхъ случаяхъ, избираемыхъ съ этой цѣлью преднамѣренно.

Медленно и постепенно, какъ бы самъ собой, этотъ совершенно новый способъ прислушиванья къ мыслямъ другихъ войдетъ въ его привычки.

Въ оккультныхъ школахъ такія упражненія производятся по опредѣленному плану. Ученики обязаны въ извѣстное время выслушивать мысли, противоположныя ихъ убѣжденіямъ, и при этомъ заставлять умолкнуть внутри себя всякое чувство несогласія и въ особенности недовольства. При этомъ ученикъ долженъ заботливо наблюдать за собой, чтобы чувства не сохранились въ интимной глубинѣ его души. Для этого полезно слушать мнѣнія людей, стоящихъ въ какомъ-нибудь отношеніи много ниже, подавивъ въ себѣ при этомъ *всякое* чувство личнаго превосходства или лучшей освѣдомленности. Полезно ради этого прислушиваться къ дѣтямъ и убѣдиться, что даже самый мудрый можетъ научиться у дѣтей неизмѣримо многому. Такимъ образомъ человѣкъ пріучается выслушивать слова другихъ совершенно *безкорыстно*, вполнѣ погасивъ свое личное „я", его мнѣнія и образъ чувствъ. Когда онъ научится слушать, не критикуя даже и тогда, когда выслушиваемое мнѣніе принадлежитъ къ числу самыхъ превратныхъ съ его точки зрѣнія, тогда онъ постепенно пріобрѣтетъ драгоцѣнную способность сливаться съ сутью другого человѣка, совершенно въ нее входить и слышать черезъ слова самую душу другого. При продолжительныхъ упражненіяхъ звукъ дѣлается истиннымъ средствомъ для вѣрнаго пониманія души. Но при этомъ необходимо самое строгое самовоспитаніе, которое, въ свою очередь, приведетъ человѣка къ высокой цѣли. Когда описанныя упражненія продолжаются и притомъ въ связи съ упомянутыми упражненіями, относящимися до звуковъ въ природѣ, тогда въ душѣ начинаетъ расти *новое чувство внутренняго слуха*. Душа становится способной воспринимать сообщенія изъ духовнаго міра, не могущія быть выраженными внѣшними звуками, доступными для физическаго уха. И тогда воспріятіе „*внутренняго слова*"—пробуждено. Ученикъ начинаетъ слышать, когда съ нимъ говорятъ духовнымъ образомъ *). Всѣ высшія истины постигаются черезъ такую „внутреннюю передачу". И все, что истинный оккультный изслѣдователь передаетъ, все это онъ получилъ именно такимъ путемъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что не нужно изучать оккультныя книги, пока самъ не будешь въ состояніи

*) Только съ тѣмъ, кто, потушивъ себя, свою самость, дѣйствительно достигъ способности слушать изнутри, тихо безъ возбужденія какого-либо *личнаго* мнѣнія или *личнаго* чувства, съ тѣмъ могутъ говорить высшія Существа, называемыя въ оккультизмѣ „Учителями". Но пока въ отвѣтъ на выслушанное все еще вырывается личное мнѣніе или личное чувство, до тѣхъ поръ безмолвствуютъ и Учителя.

услыхать эту *„внутреннюю передачу“*. Наоборотъ, чтеніе такихъ книгъ, слушанье ученій оккультныхъ изслѣдователей всегда подвигаетъ впередъ.

Во всѣхъ оккультныхъ школахъ подобное изученіе составляетъ часть подготовительнаго труда. И какъ бы усердно ученикъ ни предавался всѣмъ остальнымъ упражненіямъ, онъ не достигнетъ цѣли, если не усвоитъ ученій оккультныхъ изслѣдователей. Ибо эти ученія почерпнуты изъ „внутренняго слова“, изъ „внутренней передачи“, и потому они сами обладаютъ духовной жизнью. Это—не только слова, это—живыя силы. И въ то время, когда ученикъ слѣдитъ за словами оккультнаго учителя, когда онъ читаетъ книгу, возникшую изъ дѣйствительнаго внутренняго опыта, въ его душѣ дѣйствуютъ *силы*, которыя дѣлаютъ ясновидящимъ такъ же, какъ силы природы вырабатываютъ изъ живой матеріи его глаза и уши.

2. Просвѣтленіе.

Источникомъ просвѣтленія служатъ очень простые переживанія. И здѣсь все дѣло въ томъ, чтобы развить извѣстныя мысли и чувства, дремлющія въ каждомъ человѣкѣ, которыя нужно только разбудить. Только того, кто съ полнымъ терпѣніемъ, строго и непрерывно продолжаетъ опредѣленныя упражненія, того они могутъ привести къ воспріятію внутреннихъ свѣтовыхъ явленій. Начинать нужно съ того, чтобы опредѣленнымъ образомъ наблюдать представителей различныхъ царствъ природы, именно: прозрачный, хорошо сформированный минералъ (кристаллъ), растеніе и животное. Слѣдуетъ прежде всего все свое вниманіе обратить на сравненіе минерала съ животнымъ, приблизительно такимъ образомъ. Мысли, вызываемыя предметомъ наблюденія, должны сопровождаться живымъ чувствомъ, проходить черезъ душу. И никакая другая мысль, никакое другое чувство, не должны впутываться и мѣшать интенсивно внимательному наблюденію. Разсуждать нужно такъ: кристаллъ имѣетъ форму, животное также имѣетъ форму. Минералъ остается *спокойно* на своемъ мѣстѣ. Животное мѣняетъ свое мѣсто. Влеченіе или желаніе есть то, что заставляетъ животное мѣнять свое мѣсто. И этимъ влеченіямъ служитъ все строеніе животнаго. Его органы, его орудія выработ-

тались сообразно этимъ влеченіямъ. Форма минерала образуется не по его влеченію, форму эту создаетъ безстрастная сила *).

Кто интенсивно погружаетъ себя въ эти мысли, и при этомъ съ напряженнымъ вниманіемъ разсматриваетъ кристаллъ и животное, у того въ душѣ оживаютъ два совершенно противоположныя чувства. Изъ кристалла въ нашу душу стремится одного рода чувство, изъ животнаго—другого рода. Въ началѣ это по всей вѣроятности не будетъ удаваться, но постепенно, при дѣйствительно терпѣливомъ упражненіи, эти чувства возникнутъ въ душѣ наблюдающаго: нужно только не бросать упражненій. Сначала возникшее чувство сохраняется только пока продолжается упражненіе. Позднѣе оно сохраняется и долѣе, пока, наконецъ, не превратится въ нѣчто, что остается въ душѣ, какъ живое. И тогда при одномъ воспоминаніи оба чувства возстаютъ, даже безъ созерцанія внѣшняго предмета. Именно изъ этихъ чувствъ и изъ соединенныхъ съ ними мыслей и образуются *органы ясновидѣнія*. Если къ прежнимъ упражненіямъ присоединить еще и растеніе, то окажется, что чувство, исходящее изъ него, по своему качеству, а также и по силѣ составляетъ среднее между чувствомъ, исходящимъ изъ минерала, и тѣмъ, которое исходитъ изъ животнаго. Органы, образующіеся при этомъ, суть *духовные глаза*. Посредствомъ этихъ органовъ ученикъ начинаетъ постепенно различать астральныя и ментальныя цвѣта. Пока ученикомъ усвоено только то, что было описано, какъ „подготовленіе", духовный міръ съ его линіями и образами остается для него темнымъ, черезъ „просвѣтленіе" онъ озаряется свѣтомъ. Необходимо замѣтить, что слова „темно" и „свѣтло", такъ же какъ и другія приведенныя выраженія, даютъ только приблизительное понятіе о томъ, что надо было выразить. Но если приходится пользоваться общеупотребительнымъ языкомъ, иначе выразиться нельзя; вѣдь этотъ языкъ существуетъ только для физическихъ соотношеній. Тайное ученіе опредѣляетъ то, что для ясновидящаго излучается изъ кристалла *„голубымъ* или *голубовато-краснымъ"*,—то, что воспринимается отъ животнаго *„краснымъ* или *красно-желтымъ"*. На самомъ дѣлѣ, цвѣта, видимые при этомъ,—„духовнаго рода". Цвѣтъ,

*) Приводимыя здѣсь упражненія—поскольку они касаются наблюденія кристала—были поняты извращеннымъ образомъ людьми, не знавшими внутренняго смысла такихъ упражненій; отсюда возникли такія манипуляціи, какъ глядѣніе въ кристаллъ для развитія ясновидѣнья. Но онѣ основаны на недоразумѣніи. И хотя ихъ описываютъ во многихъ книгахъ, но никогда онѣ не служатъ предметомъ истиннаго эзотерическаго ученія.

исходящій изъ растенія—*зеленый*. Растеніе является среди явленій природы тѣмъ, что по своимъ свойствамъ остается себѣ подобнымъ какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ астральномъ. Не то наблюдается у кристалла и у животнаго. Нужно только уяснить себѣ, что въ названныхъ цвѣтахъ обозначены только главные оттѣнки минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ. Въ дѣйствительности имѣются и всевозможные промежуточные оттѣнки. Каждый камень, каждое растеніе, каждое животное имѣетъ свой совершенно опредѣленный цвѣтовой оттѣнокъ. Сюда же принадлежатъ и тѣ существа высшихъ міровъ, которыя никогда физически не воплощаются, съ ихъ часто чудесными, но часто и безобразными цвѣтами. Вообще же богатство цвѣтовъ въ этихъ высшихъ мірахъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ физическомъ мірѣ.

Разъ человѣкъ пріобрѣлъ способность видѣть „духовными глазами", рано или поздно ему придется встрѣтиться съ существами астральнаго міра, никогда не появляющимися въ физическомъ мірѣ, изъ которыхъ нѣкоторые выше его, а нѣкоторые ниже.

Если ученику удается подвинуться въ своемъ развитіи такъ далеко, многіе пути окажутся открытыми для него. Но идти еще далѣе *безъ опытнаго руководителя* не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже и для тѣхъ упражненій, которыя описаны здѣсь, самое лучшее было бы имѣть такого опытнаго руководителя. Впрочемъ, если человѣкъ обладаетъ силой и настойчивостью, необходимой для того, чтобы пойти такъ далеко, онъ навѣрное будетъ искать и найдетъ себѣ руководителя. Но большая осторожность необходима на всѣхъ ступеняхъ оккультнаго развитія, и кто не хочетъ соблюдать ее, тотъ долженъ оставить всякую мысль объ оккультномъ развитіи. Необходимо также, чтобы тотъ, кто желаетъ стать ученикомъ, не терялъ ничего изъ своихъ хорошихъ свойствъ, дѣлающихъ его благороднымъ, хорошимъ и воспріимчивымъ къ физической дѣйствительности человѣкомъ. Болѣе того, онъ долженъ во время своего ученичества постоянно развивать и возвышать свою нравственную силу, свою внутреннюю чистоту, свой даръ наблюденія. Онъ долженъ постоянно помнить, что во время первыхъ упражненій на ступени „просвѣтленія" необходимо развивать чувство состраданія какъ къ людямъ, такъ и къ животнымъ, и усиливать свою любовь къ красотѣ природы. Если онъ объ этомъ не будетъ заботиться, его чувства могутъ притупиться во время этихъ упражненій. Сердце станетъ жесткимъ, и это можетъ повести къ самымъ опаснымъ результатамъ.

Въ чемъ выражается состоянiе „просвѣтленiя“ и какъ нѣжная рука учителя послѣ просвѣтленiя ученика приводитъ его къ посвященiю, объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, насколько это можно и должно сказать.

Въ наше время многiе разыскиваютъ пути къ тайному знанiю. Это дѣлается самымъ различнымъ образомъ до испробованiя опасныхъ и даже недостойныхъ способовъ. Вотъ почему Посвященные въ истинное знанiе разрѣшили обнародовать нѣкоторую часть изъ тайнаго ученiя. И лишь въ этихъ предѣлахъ можемъ мы давать свои сообщенiя. Необходимо, чтобы хотя часть истины стала извѣстна, иначе распространяющiяся заблужденiя могутъ причинить большой вредъ. Идя указаннымъ здѣсь путемъ и не насилуя себя, нельзя причинить себѣ вреда. Но при этомъ необходимо строго соблюдать слѣдующее правило: никто не долженъ тратить на такiя упражненiя времени и силъ болѣе, чѣмъ это ему позволяютъ его обязанности и его жизненное положенiе. И не слѣдуетъ, вступая на „путь“, измѣнять сразу что-либо въ своихъ жизненныхъ отношенiяхъ. Если добиваться дѣйствительныхъ успѣховъ, то нужно имѣть *терпѣнiе*. Надо, послѣ нѣсколькихъ минутъ упражненiй, умѣть прекращать ихъ и спокойно переходить къ своимъ ежедневнымъ занятiямъ, и мысли объ упражненiяхъ не должны смѣшиваться съ ними. Кто не научился *ждать* въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ, тотъ не годится въ ученики и никогда онъ не добьется успѣховъ, имѣющихъ сколько-нибудь значительную цѣнность.

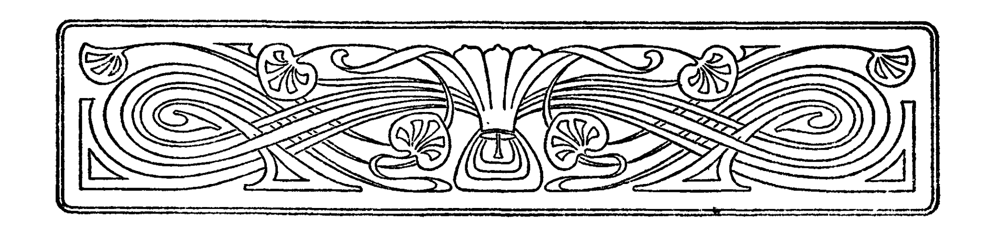
(Продолженiе въ слѣдующемъ №).

Перев. **В. Лалетинъ.**

Когда ты достигнешь начала Пути, звѣзда твоей душа начнетъ свѣтить, и при этомъ свѣтѣ ты увидишь, какъ теменъ мракъ, въ которомъ она горитъ. Душа, сердце, умъ, все погружено въ темноту, пока первая великая битва не выиграна. Не устрашайся и не приходи въ отчаянье отъ этого зрѣлища. Не отводи очей отъ загорѣвшагося свѣта и свѣтъ начнетъ расти. А темнота внутри тебя пусть научитъ твое сердце понимать всю безпомощность тѣхъ, кто еще не увидѣлъ, свѣта, душа которыхъ погружена въ безпросвѣтный мракъ.

„Свѣтъ на Пути“.

Семь началъ человѣка по ученію теософіи.

(Въ связи съ кабалистическимъ ученіемъ о Богѣ и душѣ).

Введеніе.

Всякій, приближающійся къ храму современной теософіи, представляющей частичное откровеніе истинъ древней сокровенной мудрости, встрѣчается прежде всего съ тѣмъ изреченіемъ, которое украшало фронтонъ Дельфійскаго храма: „Познай самого себя". Какъ тогда неофитъ долженъ былъ проникнуть въ тайники собственной души, чтобы соприкоснуться съ міровой тайной и найти ключъ къ ея разгадкѣ, такъ и теперь тотъ, кто стремится познать истину о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, наталкивается на тотъ же непреложный законъ, который гласитъ: „ты не можешь проникнуть въ тайны мірозданія прежде, чѣмъ ты не исчерпаешь до дна тайну твоего собственнаго *я*". Отчаявшись найти истину въ мѣняющихся ежегодно послѣднихъ словахъ современной „точной" науки и непроходимыхъ дебряхъ еще менѣе устойчивыхъ метафизическихъ спекуляцій и „сверхнаучныхъ" теоретикопознавательныхъ построеній, усталый путникъ обращается за рѣшеніемъ мучащихъ его вопросовъ къ древней мудрости. Но, увы, онъ получаетъ не столько самое это рѣшеніе, какъ категорическое указаніе на то, что мудрость эта произведетъ въ его головѣ лишь еще большую путаницу, чѣмъ та, которая въ ней раньше царила, если онъ ограничится тѣмъ, что будетъ усваивать ее тѣмъ же чисто интеллектуальнымъ путемъ, какимъ усваиваются изслѣдованія современныхъ ученыхъ и „научныхъ" философовъ. „Книжное

знаніе еще не есть знаніе“, говоритъ ему Сфинксъ теософіи, котораго онъ вопрошаетъ. „Наблюденіе явленій природы и экспериментъ, при умѣломъ пользованіи ими, могутъ дать больше книгъ: они раскроютъ тебѣ много неизвѣстныхъ сторонъ природы; но и они никогда не позволятъ тебѣ проникнуть въ ея святая святыхъ, въ ея сокровенную сущность. Они могутъ лишь расширить твой кругозоръ и разрѣшить нѣкоторые вопросы, но съ каждымъ шагомъ по этому пути возникаютъ и всегда будутъ возникать все новые вопросы, еще болѣе трудные и даже совсѣмъ неразрѣшимые прежними средствами. Есть лишь одна дверь, ведущая къ познанію истины, познанію, дающему дѣйствительное и полное удовлетвореніе—это познаніе твоего *истиннаго я,* которое едино съ міровымъ *Я,* хранящимъ въ себѣ разгадку всѣхъ тайнъ міозданія“.

То же, что теософія, говоритъ намъ лишь нѣсколько другими словами и Евангеліе: „Ищите прежде всего Царствія Божія, которое *внутри васъ,* и все прочее приложится вамъ“. Но теософія, разумѣется, не ограничивается указаніемъ на необходимость самопознанія, она указываетъ и лучшій и кратчайшій путь къ нему и указываетъ его яснѣе, подробнѣе и систематичнѣе, чѣмъ какое бы то ни было другое религіозное или философское ученіе. Это-то, а не содержащіяся въ теософическихъ книгахъ подробности о манвантарахъ, планетарныхъ цѣпяхъ, расахъ, іерархіяхъ духовныхъ существъ и т. п.—подробности, впрочемъ, очень интересныя и цѣнныя въ своемъ родѣ,—и дѣлаетъ теософію той драгоцѣнной жемчужиной, найдя которую, человѣкъ разумный, выражаясь словами Евангелія, не боится „продать все, что имѣлъ, чтобы купить ее“. Каковъ же этотъ путь самопознанія, указываемый теософіей? Этотъ путь двоякій: съ одной стороны извѣстная нравственная и умственная дисциплина (Іога), подготовляющая его къ посвященію, т. е. къ духовному возрожденію, ведущему на позднѣйшихъ своихъ стадіяхъ къ пріобрѣтенію недосягаемыхъ для непосвященныхъ знанія и власти надъ силами природы; съ другой стороны теоретическое изученіе нашей психофизической организаціи. Это послѣднее является, собственно говоря, лишь подготовительной ступенью къ практикѣ Іоги.

„Для того, чтобы вы могли понять интеллектуальную сторону процесса соединенія съ Божествомъ“, говоритъ Анни Безантъ въ одной изъ своихъ книгъ *), „вамъ необходимо понимать вашу

*) «The Building of the Cosmos», глава о Іогѣ.

собственную психо-физическую организацію. Это первый шагъ на пути къ Іогѣ. Правда, душевная и тѣлесная организація человѣка въ значительной мѣрѣ состоитъ лишь изъ тѣхъ орудій, при помощи которыхъ онъ можетъ найти свое истинное *я*. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ умѣть пользоваться этими орудіями, такъ какъ иначе онъ не будетъ въ состояніи сдѣлать и первоначальныхъ шаговъ; ибо прежде чѣмъ вступить на путь Іоги, необходимо преодолѣть извѣстныя препятствія. А эти препятствія лежатъ въ собственной природѣ человѣка; они входятъ въ составъ его собственной душевной и тѣлесной организаціи. ...Итакъ, достигнуть пониманія, и притомъ пониманія интеллектуальнаго, своей душевной и тѣлесной организаціи—вотъ тотъ первый шагъ, который необходимо сдѣлать каждому, стремящемуся къ Іогѣ". Иными словами, стремящійся къ познанію долженъ прежде всего научиться *въ себѣ самомъ* различать вѣчное отъ преходящаго, кажущееся отъ дѣйствительнаго.

Въ этомъ очеркѣ мы и займемся изученіемъ тѣлесной и душевной организаціи человѣка съ точки зрѣнія теософіи, при чемъ попутно постараемся показать, что психологическія ученія восточныхъ оккультистовъ во всемъ существенномъ вполнѣ согласуются со взглядами оккультистовъ западныхъ, слѣдующихъ въ своихъ классификаціяхъ и построеніяхъ преимущественно древнееврейскому кабалистическому преданію.

I. Общія свѣдѣнія о строеніи человѣка и вселенной.

Теософія различаетъ въ человѣкѣ семь началъ. Она избираетъ это семеричное подраздѣленіе какъ наиболѣе удобное для теоретическихъ цѣлей психологическаго анализа и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ дающее возможность чрезвычайно ясно установить аналогію, существующую между макрокосмомъ и микрокосмомъ. Это подраздѣленіе человѣческаго существа на семь началъ не есть особенность современнаго теософическаго ученія; семеричное дѣленіе существовало также у древнихъ египтянъ, персовъ и китайцевъ, у гностиковъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ мистиковъ, напр. у Парацельза и Якоба Бёме. Большинство христіанскихъ мистиковъ впрочемъ довольствуется тройственнымъ дѣленіемъ на духъ, душу и тѣло, слѣдуя примѣру апостола Павла; но противорѣчія въ этомъ нѣтъ, такъ какъ семерное дѣленіе представляетъ лишь болѣе

подробный анализъ трехъ вышеупомянутыхъ началъ, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ экзотерическихъ религіозныхъ и философскихъ сочиненіяхъ индусовъ чаще всего встрѣчается подраздѣленіе естества человѣка на шесть и на четыре начала (Атманъ и пять покрововъ или „Коша“ и Атманъ и три „Упадхи“ (повозки) т. е. матерьяльныя основы *). Сначала эти различныя классификаціи очень затрудняютъ и сбиваютъ лицъ, ознакомившихся предварительно лишь съ семернымъ теософическимъ дѣленіемъ и приступающихъ къ чтенію священной литературы индусовъ и произведеній ведантистовъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ классификацій нетрудно убѣдиться, что отличаются онѣ другъ отъ друга не по существу, а только благодаря тому, что однѣ изъ нихъ преслѣдуютъ теоретическія, другія практическія цѣли, однѣ болѣе, другія менѣе подробны. То же слѣдуетъ сказать и относительно анализа человѣческаго естества на три, четыре, пять, семь, девять, десять и болѣе началъ, встрѣчающагося въ кабалистическихъ сочиненіяхъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ мистиковъ **).

Однимъ изъ основныхъ положеній оккультизма является законъ аналогіи, гласящій, что микрокосмъ (малый міръ), будь то атомъ, человѣкъ, планета или цѣлая солнечная система, аналогиченъ макрокосму (большому міру), и что все въ мірѣ матерьяльномъ является лишь отраженіемъ міра духовнаго, какъ бы символомъ вѣчныхъ первообразовъ, существующихъ въ божественномъ Разумѣ. Это послѣднее положеніе какъ нельзя болѣе ясно выражено въ первыхъ же строкахъ одного изъ древнихъ памятниковъ египетскаго оккультизма, т.-наз. „Изумрудной скрижали“ Гермеса Трисмегиста: „То, что находится внизу (т. е. міръ матеріальный), аналогично тому, что находится вверху (т. е. міру духовному), и то, что находится вверху, аналогично тому, что находится внизу“. Та же идея многократно развивается и въ Зохарѣ (Sohar), одномъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ кабалистическихъ сочиненій. Такъ, напр., мы читаемъ: „Весь нижній міръ былъ сотворенъ по подобію міра высшаго: все существующее въ высшемъ

*) Объ этихъ классификаціяхъ см. Блаватская, „Secret Doctrine“, т. I, стр. 181 и 182 (3-ье изд.) и Annie Besant, „The Building of the Cosmos“, глава "Yoga".

**) Просимъ читателя помнить, что всякое подраздѣленіе единаго по существу человѣческаго естества на нѣсколько началъ болѣе или менѣе искусственно, что оно необходимо лишь для цѣлей анализа, и что поэтому ему отнюдь не слѣдуетъ придавать абсолютнаго значенія.

мірѣ является намъ здѣсь какъ бы въ видѣ образа". *) Идея эта много разъ подробно развивается въ Зохарѣ. Методъ аналогіи вообще играетъ очень важную роль въ оккультизмѣ, и, безъ примѣненія его, приступающій къ изученію оккультизма не можетъ сдѣлать ни шага, пока онъ не разовьетъ въ себѣ способность интуиціи, дающую ему возможность непосредственно воспринимать проявленія міровой жизни, недоступныя нашимъ несовершеннымъ органамъ чувствъ. Говорю все это потому, что невозможно сколько-нибудь систематично излагать ученія оккультизма, не пользуясь методомъ аналогіи и не идя отъ общаго къ частному, т. е. не примѣняя методъ, прямо противоположный методу современной европейской науки, идущей всегда индуктивнымъ путемъ и не придающей серьезнаго значенія методу аналогіи.

Методъ изложенія, примѣняемый оккультистами, можетъ показаться человѣку, воспитанному на современной наукѣ, догматическимъ, бездоказательнымъ; но это будетъ невѣрно. Оккультистъ принужденъ примѣнять аналогію и дедукцію не потому, что истины, излагаемыя имъ, вообще не допускаютъ опытной провѣрки, а потому, что идя въ своемъ изложеніи отъ частнаго къ общему и указывая шагъ за шагомъ на способы опытной провѣрки отдѣльныхъ положеній оккультизма, невозможно было бы дать той связной и цѣльной картины оккультнаго міросозерцанія, которая получается при пользованіи иными методами, болѣе приспособленными къ изложенію изслѣдуемыхъ оккультизмомъ вопросовъ. Въ оккультномъ ученіи взаимная связь между всѣми отдѣльными областями оккультнаго знанія и между каждой отдѣльной подробностью и общими принципами настолько тѣсна, что при желаніи дать сколько-нибудь ясное изложеніе предмета надо отказаться отъ пользованія общепринятыми въ современной наукѣ методами изложенія и обратиться къ аналогіи и дедукціи, рискуя дать поводъ къ упрекамъ въ догматизмѣ и метафизичности.

Какъ уже сказано, основной законъ оккультизма, законъ аналогіи, гласитъ, что всякій микрокосмъ аналогиченъ **) макрокосму, и что міръ матерьяльный и все, что мы въ немъ видимъ, является какъ бы несовершеннымъ отраженіемъ міра духовнаго, міра вѣч-

---

*) Franck. La Kabbale, стр. 163.

**) Считаемъ нелишнимъ отмѣтить, что аналогія и сходство—вещи совершенно разныя. Такъ, напр., оккультисты считаютъ, что солнце аналогично сердцу, хотя никто не будетъ утверждать, что между ними есть внѣшнее сходство.

ныхъ идей, существующихъ въ Божественномъ Разумѣ. Но по ученію оккультизма Богъ тройственenъ *), тройственenъ и макрокосмъ, т. е. вселенная, разсматриваемая какъ воплощеніе Божества. Тройственны также, въ силу закона аналогіи, и микрокосмъ, т. е. человѣкъ, и природа, понимая подъ ней царства минеральное, растительное и животное, служащія какъ бы той почвой, на которой выростаетъ мистическій цвѣтокъ человѣчества, темными корнями своими глубоко ушедшій въ землю, а лучезарнымъ вѣнчикомъ соприкасающійся съ чистымъ эфиромъ надзвѣздныхъ міровъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этихъ аналогіяхъ между макрокосмомъ и человѣкомъ и между мірами духовнымъ и матеріальнымъ, такъ какъ онѣ позволятъ намъ разобраться въ нѣкоторыхъ трудныхъ пунктахъ теософическаго ученія о строеніи человѣка.

Проявленіе Бога во вселенной, изображаемое обыкновенно какъ процессъ сотворенія міра, дѣйствительно представляетъ извѣстную аналогію съ творчествомъ художника. Параллель тутъ напрашивается сама собой. Для возникновенія какого-нибудь произведенія искусства необходима наличность художника, какъ сознательной личности, т. е.: 1) какъ центра самосознанія, 2) обладающаго способностью воспринимать внѣшній міръ, и 3) сочетать воспроизведенные въ своемъ воображеніи впечатлѣнія въ художественные образы; необходимо кромѣ того, чтобы художникъ умѣлъ воплотить эти мысленные образы въ веществѣ физической сферы, т. е. въ мраморѣ, краскахъ или, по крайней мѣрѣ, въ воспринимаемыхъ физическимъ ухомъ словахъ или музыкальныхъ звукахъ. Точно такъ же возникновеніе вселенной,—разумѣется разсматриваемой не какъ хаосъ, а какъ космосъ, гдѣ все гармонично и цѣлесообразно,—предполагаетъ существованіе: 1) абстрактнаго Божественнаго центра самосознанія, который 2) магическимъ актомъ воли противопоставляетъ себѣ нѣчто внѣшнее, *не я*—въ данномъ случаѣ первоматерію, 3) творческимъ актомъ воображенія создаетъ въ ней идеальный образъ космоса и 4) осуществляетъ этотъ идеальный образъ въ болѣе грубой матеріи низшихъ космическихъ сферъ. Разумѣется, на ряду съ аналогіей ме-

*) Рѣчь идетъ не о Богѣ, какъ абсолютномъ, а о Богѣ, какъ Логосѣ, т. е. міровомъ *Я*, духовномъ центрѣ вселенной, являющемся источникомъ сознанія, жизни и силы во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ.

жду обоими этими процессами творчества—человѣческаго и божественнаго—тотчасъ же бросаются въ глаза и существенныя различія. Во-первыхъ, воспріятію художникомъ внѣшнихъ, объективныхъ, т. е. независимыхъ отъ его личной воли, впечатлѣній соотвѣтствуетъ не воспріятіе внѣшняго міра Божественнымъ *я*—такъ какъ для Бога не можетъ быть ничего внѣшняго—а магическій актъ противопоставленія себѣ первоматеріи, какъ иллюзіи (Майя). Для Бога не можетъ существовать различія между объективнымъ, какъ воспринимаемымъ извнѣ, помимо воли, и субъективнымъ; объ объективности по отношенію къ Нему можетъ итти рѣчь лишь въ другомъ смыслѣ—въ томъ, въ какомъ, напр., мыслимое мною понятіе является объектомъ моего мышленія. Во-вторыхъ, то, что въ творчествѣ художника является раздѣльнымъ во времени (воспріятіе объективнаго міра и переработка и комбинація воспринятыхъ впечатлѣній въ художественный образъ), то въ актѣ Божественнаго творчества мы можемъ раздѣлять лишь логически, а не хронологически. Но за всѣмъ тѣмъ, аналогія все же вполнѣ реальна и позволяетъ даже уму, не привыкшему къ отвлеченному метафизическому мышленію, уловить до извѣстной степени смыслъ теософическаго ученія о троичности Божества. Отмѣтимъ еще, что подобно тому, какъ *я* или самосознаніе художника имманентно его душевной организаціи и—въ періодъ воплощенія—его тѣлесному организму, и міровое *Я* также имманентно природѣ и человѣчеству, хотя, разумѣется, ни то, ни другое *я* не исчерпываются ихъ временными воплощеніями или проявленіями.

Итакъ, въ Богѣ мы можемъ различать:

1) абстрактный Божественный центръ самосознанія (1-ый или непроявленный Логосъ);

2) противопоставленіе Себѣ этимъ міровымъ *Я* своего другого или *не Я*, т. е. первоматеріи (2-ой или проявленный Логосъ), и

3) творческій актъ воображенія, создающій идеальный образъ космоса (3-й Логосъ или творческій Божественный Разумъ, Mahat индусовъ).

Таково въ самой элементарной формѣ теософическое ученіе о троичности Логоса. Посмотримъ теперь, какъ законъ троичности отражается въ макрокосмѣ и микрокосмѣ. Въ послѣднемъ мы можемъ различить духъ (т. е. рождающееся у человѣка на извѣстной ступени развитія сознаніе своего единства съ міровымъ *Я* и со всѣмъ живущимъ), душу и тѣло. Ту же троицу духа, души и

тѣла мы можемъ различить и во вселенной. Здѣсь мы имѣемъ: 1) Духъ макрокосма или Логосъ, 2) міровую душу или человѣчество и 3) тѣло вселенной или природу. Но каждое изъ этихъ трехъ началъ макрокосма въ свою очередь тройственно. Тройственненъ, какъ мы видѣли, Логосъ; тройственно и человѣчество, такъ какъ въ немъ мы можемъ различить:

1) Совершенное богочеловѣчество, т. е. воплощенныхъ на землѣ и другихъ планетахъ адептовъ и живущихъ въ невидимыхъ (для непосвященныхъ) мірахъ сверхчеловѣковъ, достигнувшихъ совершеннаго сознательнаго единенія съ Божествомъ, слившихъ свое *я* съ міровымъ *Я*; въ нихъ въ совершенствѣ проявляются божественное могущество, мудрость и любовь.

2) Людей какъ существа духовныя, т. е. хотя еще не достигнувшихъ постояннаго единенія съ Богомъ, но уже духовно возрожденныхъ и сознающихъ болѣе ярко свое коренное единство съ прочимъ человѣчествомъ и со всѣми вообще живыми существами, чѣмъ свою обособленность отъ нихъ.

3) Людей какъ существа только разумныя, т. е. способныя мыслить отвлеченными понятіями. Сюда относится большая часть живущаго на землѣ человѣчества, т. е. всѣ люди, еще не достигнувшіе духовности, отъ грубыхъ дикарей до многихъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, художниковъ и мыслителей.

Наконецъ, тройственна и природа, такъ какъ и въ ней можно точно также различить три вполнѣ опредѣленныя ступени развитія жизни и сознанія:

1) зачатки мыслительной способности въ высшихъ животныхъ;

2) чувствительность, растительную, инстинктивную и страстную жизнь во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ и ступеняхъ развитія въ царствахъ животномъ и растительномъ и

3) латентное (скрытое) состояніе жизни и сознанія въ царствѣ минеральномъ *).

Такимъ образомъ мы получили въ результатѣ этого анализа девять началъ макрокосма (въ восходящемъ порядкѣ): 1) грубоматерьяльная основа космоса (минеральное царство); 2) индиви-

*) Сюда относятся также и жидкое, газообразное и еще четыре болѣе тонкихъ эфирныхъ состояній матеріи физической сферы. Послѣднія еще только начинаютъ изучаться современной наукой.

дуализированная жизнь въ царствахъ растительномъ и животномъ; 3) зачатки разсудка въ животномъ царствѣ; 4) индивидуализированное въ человѣчествѣ разумное начало; 5) общая жизнь вселенной, единство которой сознается (точнѣе—ощущается) людьми, достигнувшими извѣстной ступени духовнаго сознанія; 6) единый духовный центръ сознанія, объединяющій все человѣчество (Софія христіанскихъ гностиковъ); 7) 3-й Логосъ или творческій Божественный Разумъ, содержащій идеальный образъ всего космоса (мистическій Христосъ); 8) 2-ой или проявленный Логосъ и 9) 1-ый или непроявленный Логосъ. Но эти девять началъ сводятся (если принимать во вниманіе лишь періоды проявленія Божества или то, что индусы называютъ Манвантара) всего къ *семи*, такъ какъ начала 3 и 4, равно какъ и начала 6 и 7, во время манвантары настолько тѣсно связаны, что ихъ можно разсматривать какъ всего два, а не четыре начала *).

Это вовсе не есть какое-нибудь искусственное ухищреніе, къ которому прибѣгаютъ для того, чтобы во что бы то ни стало получить излюбленное мистиками всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ число семь; законность такого сведенія девяти полученныхъ при первоначальномъ анализѣ началъ къ семи подтверждается тѣмъ, что этимъ семи началамъ соотвѣтствуютъ семь вполнѣ опредѣленныхъ состояній сознанія, соотвѣтственно которымъ и макрокосмъ подраздѣляется въ теософіи на семь космическихъ сферъ или „плановъ“, какъ ихъ называютъ нѣкоторые авторы **).

Въ поясненіе къ сказанному приводимъ параллельныя таблички семи началъ макрокосма, семи космическихъ сферъ и семи соотвѣтствующихъ имъ состояній сознанія:

*) Въ предыдущемъ дѣло представлено умышленно въ нѣсколько упрощенномъ видѣ, такъ какъ принятъ во вниманіе лишь процессъ эволюціи духа, какъ болѣе доступный пониманію начинающихъ, и совершенно не затронута по отношенію къ природѣ и человѣчеству сторона инволюціи духа въ матерію. Если принять во вниманіе и эту сторону міровото процесса, то къ началамъ 2-му, 3-му и 4-му пришлось бы, напримѣръ, отнести еще и такъ называемыя элементарныя царства, о которыхъ въ этой статьѣ невозможно было бы распространяться. Пришлось бы коснуться и многочисленныхъ іерархій духовныхъ существъ, населяющихъ высшія сферы вселенной.

**) Терминъ „планъ“ едва ли можно признать удачнымъ, такъ какъ на русскомъ языкѣ онъ совершенно не передаетъ смысла англійскаго слова plane (плоскость).

Начала.	Сферы.	Состоянія сознанія.
1) Тѣло макрокосма (минеральное царство).	Физическая.	Обычное бодрственное („Джагратъ" индусовъ).
2) Индивидуализированная жизнь въ царствахъ растительномъ и животномъ.	Астральная (или Kâma Loka).	Сонъ со сновидѣніями и неглубокія состоянія гипнотическаго и сомнамбулическаго сна (Свапна).
3) Индивидуализированный разумъ.	Ментальная (или Деваханъ).	Глубокій сонъ безъ сновидѣній и глубокій сомнамбулическій сонъ (Сушупти).
4) Общая жизнь вселенной или „общее чувствилище" (sensorium commune) космоса.	Сфера Буддхи.	Экстатическія состоянія сознанія, доступныя лишь мистикамъ (Турія). Эти состоянія сверхличны *).
5) 3-ій Логосъ и слившееся съ нимъ совершенное богочеловѣчество.	Сфера Нирваны.	
6) 2-ой или проявленный Логосъ.	Сфера Паринирваны.	Божественное сознаніе, направленное на идею внѣшняго міра или *не я*.
7) 1-й или непроявленный Логосъ.	Сфера Махапаринирваны.	Абстрактное Божественное самосознаніе.

Сонъ со сновидѣніями и глубокій безъ свовидѣній, собственно говоря, слѣдуетъ считать лишь пограничными областями между нашимъ нормальнымъ сознаніемъ и сознаніемъ астральнымъ („Свапна" индусовъ) и девахавическимъ („Сушупти"). Эти послѣднія состоянія сознанія становятся доступными людямъ—за исключеніемъ адептовъ оккультизма и нѣкоторыхъ прирожденныхъ мистиковъ—лишь въ состояніи гипноза и искусственнаго и естественнаго сомнамбулическаго сна. Когда сознаніе функціонируетъ въ сферѣ астральной, то желаніе и страсти воспринимаются въ видѣ объективныхъ образовъ—какъ бы въ видѣ живыхъ астральныхъ существъ; въ девахаинческой сферѣ такъ же объективно воспринимается всякая мысль; даже отвлеченныя понятія тамъ какъ бы живутъ своей особой жизнью, хотя и не имѣютъ тѣхъ опредѣленныхъ формъ, въ которыхъ воспринимаются мысли кон-

*) Въ первомъ изъ этихъ состояній человѣкъ сливается съ міровой душой. Сначала онъ испытываетъ страданія всѣхъ существъ и грѣхи всѣхъ людей какъ свои собственныя („сораспятіе со Христомъ" христіанскихъ мистиковъ), но потомъ сливается съ единой духовной сущностью міра и испытываетъ неизъяснимое блаженство, ощущая пульсацію единой жизни, одухотворяющей вселенную („совоскресеніе со Христомъ"). Достигая Нирваны, онъ сливается съ міровымъ *Я*, т. е. участвуетъ въ сознаніи Логоса и созерцаетъ міръ Божественныхъ идей или первообразовъ всего сущаго.

кретныя. Четвертое состоянiе сознанiя, соотвѣтствующее сферѣ Буддхи, является переходнымъ отъ тѣхъ состоянiй, гдѣ преобладаетъ чувство обособленности отъ прочихъ существъ, къ сознанiю сверхъ индивидуальному (съ нашей точки зрѣнiя) или сознанiю единства жизни всей вселенной. Въ этомъ промежуточномъ состоянiи еще не утрачено индивидуальное самосознанiе, но въ то же время и душевная жизнь другихъ существъ уже не представляется чѣмъ-то непроницаемымъ, что не можетъ быть воспринято непосредственно, а о чемъ можно догадываться лишь по внѣшнимъ, объективнымъ признакамъ. Человѣкъ въ этой сферѣ живетъ, чувствуетъ и мыслитъ вмѣстѣ съ прочими существами, погружаясь въ безграничный океанъ жизни вселенной. Слѣдующiя три состоянiя сознанiя представляютъ какъ бы противоположный полюсъ по отношенiю къ нашему обычному сознанiю; они такъ глубоко отличаются отъ него, что всякая попытка описать ихъ заранѣе обречена на неудачу, какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ испытавшiе первое изъ нихъ (состоянiе Нирваны или слiянiя съ мистическимъ Христомъ); здѣсь всякая „мысль изреченная есть ложь", и потому на нихъ мы здѣсь совсѣмъ не будемъ останавливаться. Скажемъ только, что ничто не можетъ быть болѣе далекимъ отъ истины, чѣмъ утвержденiе нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей буддизма, будто Нирвана есть уничтоженiе сознанiя. Она, наоборотъ, является такимъ расширенiемъ сознанiя, по сравненiю съ которымъ наша обычная душевная жизнь представляется лишь смутнымъ мимолетнымъ сновидѣнiемъ.

Если человѣкъ, какъ утверждаетъ оккультное ученiе, есть дѣйствительно маленькiй мiръ, микрокосмъ, содержащiй въ себѣ всѣ тѣ силы и начала, которыя дѣйствуютъ во вселенной, если между микрокосмомъ и макрокосмомъ дѣйствительно существуетъ полная аналогiя, то и въ человѣкѣ мы должны найти также три основныхъ и девять (сводящихся къ семи) производныхъ началъ, подобно тому, какъ мы ихъ нашли при анализѣ макрокосма. И дѣйствительно, какъ уже было сказано выше, въ человѣкѣ, какъ и во вселенной, можно различить при самомъ поверхностномъ анализѣ духъ, душу и тѣло. Духъ—это Богъ въ человѣкѣ („Христосъ въ насъ"); душа—это собственно человѣческое начало; тѣло—это та матерiальная основа, чрезъ посредство которой проявляются духъ и душа—начало, соотвѣтствующее природѣ въ макрокосмѣ. Подобно тому, какъ въ человѣчествѣ или душѣ космоса мы можемъ различать какъ бы два полюса—богочеловѣчество, состоящее изъ людей, совершенно поборовшихъ въ себѣ свою

низшую животную природу, и полуживотное человѣчество, дикарей, почти всецѣло поглощенныхъ грубо-матеріальными заботами о пропитаніи, защитѣ отъ холода, нападеній дикихъ звѣрей и враждебныхъ племенъ и вообще объ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ,—такъ и душа каждаго отдѣльнаго человѣка какъ бы поляризована въ двухъ направленіяхъ: въ сторону духа (разумная душа) и въ сторону тѣла (животная душа). И всякій можетъ про себя сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: „Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!". Всякій вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ можетъ воскликнуть: „По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ Законѣ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ" (Римл. гл. VII, 22, 23). Поэтому нѣкоторыя оккультныя школы различаютъ въ человѣкѣ четыре, а не три начала *). Но при болѣе детальномъ анализѣ приходится различать девять началъ, такъ какъ каждое изъ трехъ основныхъ началъ можно подраздѣлить въ свою очередь еще на три.

Въ тѣлѣ оккультисты различаютъ: 1) всѣмъ намъ хорошо знакомое *грубо-матеріальное тѣло,* состоящее изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ веществъ; 2) *эфирное тѣло* или точную копію физическаго тѣла человѣка, состоящую изъ физическаго эфира (т. е. изъ невидимаго еще въ настоящій періодъ эволюціи для нашихъ тѣлесныхъ очей состоянія матеріи **), принадлежащаго, однако наравнѣ съ видимыми всѣмъ твердыми, жидкими и газообразными тѣлами, еще къ физической сферѣ космоса) и 3) *жизненную силу*, дѣйствующую въ каждой клѣткѣ нашего тѣла, какъ она дѣйствуетъ и въ одноклѣточныхъ организмахъ и даже,—въ самой рудиментарной формѣ,—въ минеральномъ царствѣ при процессахъ кристаллизаціи. Подъ вліяніемъ этой силы извѣстныя комбинаціи химическихъ веществъ превращаются въ живое вещество, въ которомъ наблюдаются явленія питанія, роста, размноженія, возбудимости и движенія.

Въ душѣ также можно различить три начала:

1) *Организующее начало*, которое можно, пожалуй, назвать „растительной душой"; это начало есть не что иное, какъ „безсознательная" (съ нашей точки зрѣнія) воля къ чувственной жизни,

*) Объ этомъ см. „Traité élémentaire de science occulte" Папюса и „Secret Doctrine" Блаватской, т. I, стр. 181 и 182.

**) Точнѣе четырехъ состояній матеріи.

координирующая дѣятельность жизненной силы въ отдѣльныхъ клѣткахъ животнаго или растительнаго организма такимъ образомъ, что онѣ складываются въ ткани, органы и, наконецъ, въ цѣлостный организмъ, представляющій гармоническое сочетаніе разнородныхъ частей, стройную кооперацію многихъ милліоновъ клѣтокъ. Въ животныхъ и человѣкѣ это начало дѣйствуетъ главнымъ образомъ черезъ посредство гангліевъ симпатической нервной системы.

2) *Животную душу*, включающую всѣ низшія проявленія сознательной душевной жизни, т. е. ощущенія, животные инстинкты, желанія, страсти и низшія эмоціи.

3) *Умъ*, т. е. способность души сохранять и воспроизводить въ видѣ представленій полученныя отъ внѣшняго міра впечатлѣнія и перерабатывать ощущенія и представленія въ перцепты или воспріятія, а эти послѣднія въ понятія (умъ въ тѣсномъ смыслѣ слова), затѣмъ устанавливать между понятіями логическую связь, сочетая ихъ въ сужденія и умозаключенія (разсудокъ) и, наконецъ, возводить понятія къ наиболѣе общимъ категоріямъ (разумъ). Уму присущи самосознаніе, воля, несовершенная память и способность воображенія. Впрочемъ, разсудокъ, самосознаніе и даже способность образовывать понятія, собственно говоря, являются уже результатомъ воздѣйствія на умъ высшаго духовнаго начала.

Наконецъ духъ человѣка точно также тройствененъ, и въ немъ оккультисты различаютъ:

1) *Высшій интуитивный разумъ*, зачаточными проявленіями котораго въ среднемъ человѣкѣ являются совѣсть и интуитивное (непосредственное) знаніе основныхъ истинъ математики и логики, не требующихъ логическихъ доказательствъ. Въ этомъ началѣ истинный центръ самосознанія и свободной воли человѣка. Оно обладаетъ совершенной памятью всего пережитого человѣкомъ во всѣхъ его воплощеніяхъ, предвидѣніемъ и способностью создавать произвольно, магическимъ актомъ творческаго воображенія, мысленные образы, которые, становясь видимыми, порождаютъ такъ называемыя „коллективныя галлюцинаціи"—терминъ весьма научный, но ровно ничего не объясняющій. Здѣсь, въ этомъ началѣ источникъ геніальныхъ интуицій величайшихъ мыслителей и художниковъ.

2) *Духовное жизненное начало* (Spiritual Soul, Lebensgeist) или сознаніе единой духовной жизни, проявляющейся во всѣхъ живыхъ существахъ.

3) *Божественное Я человѣка* или единый духовный центръ самосознанія, объединяющій въ себѣ все человѣчество и, вообще, все живущее, и обрѣтающійся въ сферѣ Нирваны, которая соотвѣтствуетъ 3-му Логосу. Это—мистическій Христосъ или Атманъ индусовъ.

Послѣднія два начала сверхъ индивидуальны и еще совсѣмъ не проявляются въ огромномъ большинствѣ современнаго человѣчества, но о реальности ихъ свидѣтельствуютъ оккультисты и мистики всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Что же касается интуитивнаго разума, то хотя это начало также развито лишь у незначительнаго меньшинства человѣчества, но въ существованіи его теперь нетрудно убѣдиться, по крайней мѣрѣ теоретически, всякому, кто даетъ себѣ трудъ познакомиться съ обширной научной литературой о гипнотизмѣ, месмеризмѣ и сомнабулизмѣ.

Эти девять началъ, на которыя мы подраздѣлили человѣка, сводятся, въ сущности говоря, къ семи, такъ какъ въ періоды воплощенія на землѣ нѣкоторыя изъ нихъ сливаются другъ съ другомъ, образуя такъ-называемыя „искры", а именно высшее тѣлесное начало сливается съ низшимъ душевнымъ, а высшее душевное—съ низшимъ духовнымъ. Такимъ образомъ получаются семь началъ, которыя мы здѣсь перечислимъ, приводя вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ индусскія названія, обыкновенно употребляемыя въ теософическихъ сочиненіяхъ:

1) Физическое тѣло *(Стхула Бхута или Стхула Шарира)*.
2) Эфирное тѣло *(Линга Шарира)*.
3) Жизненная сила *(Прана)*.
4) Животная душа *(Кама)*.
5) Умъ *(Манасъ)* *).
6) Духовное жизненное начало *(Буддхи)*.
7) Божественное *Я* человѣка *(Атманъ)*.

Три высшихъ начала Атманъ, Буддхи и Манасъ (понимая подъ этимъ послѣднимъ лишь высшій интуитивный разумъ)—теософы обыкновенно называютъ высшей тріадой (троицей) и символизируютъ ихъ треугольникомъ, а четыре низшія (относя къ животной душѣ и Кама-Манасъ, т. е. умъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и разсудокъ) называются кватернеромъ (Quaternary) и символомъ ихъ служитъ квадратъ. Четыре низшихъ начала, составляющихъ

*) Начало двойственное. Различаютъ низшій и высшій разумъ или Кама-Манасъ и Буддхи-Манасъ (во избѣжаніе смѣшенія ихъ лучше называть „умомъ" и „интуитивнымъ разумомъ").

кватернеръ, иногда перечисляютъ и слѣдующимъ образомъ: 1) тѣло (соединяя вмѣстѣ тѣло видимое съ невидимымъ, эфирнымъ), 2) жизненная сила, 3) страстная животная душа (Кама) и 4) животный умъ (Кама-Манасъ), или такъ: 1) физическое тѣло, 2) жизненная сила, 3) астральное тѣло или Кама-рупа (соединяя эфирное тѣло съ дѣйствительно тѣсно связаннымъ съ нимъ въ періодъ воплощенія астральнымъ тѣломъ или объективнымъ проявленіемъ животной души въ своей собственной, астральной сферѣ) и 4) Кама-Манасъ. Всѣ эти различныя классификаціи четырехъ низшихъ началъ не будутъ затруднять читателя, если онъ будетъ помнить, что подраздѣленіе на семь началъ—производное, что въ основѣ его лежитъ подраздѣленіе на девять началъ или на три троицы, и что каждому душевному началу въ его собственной сферѣ соотвѣтствуетъ особая матеріальная *) форма—такъ наз. тѣла астральное, ментальное и др., о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

Семи перечисленнымъ началамъ человѣка соотвѣтствуютъ всего пять сферъ космоса: физическая **), астральная, ментальная, сфера Буддхи и сфера Нирваны. Поэтому человѣка, съ точки зрѣнія теософіи, можно назвать дифференціацией сознанія въ пяти низшихъ космическихъ сферахъ ***). Если мы сравнимъ теперь семь началъ человѣка съ семью перечисленными выше началами вселенной, то увидимъ, что между ними дѣйствительно существуетъ поразительная аналогія, и что человѣкъ не даромъ называется оккультистами микрокосмомъ или „маленькой вселенной“. Міровому *Я* или 1-му Логосу—7-му началу макрокосма—въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ Атманъ или сознаніе единства всѣхъ людей „во Христѣ“ и иллюзорности нашего ограниченнаго личнаго самосознанія, заставляющаго насъ считать себя отдѣльными *я*, обособленными другъ отъ друга эфемерными личностями. Второму Логосу, т. е. противопоставленію себѣ міровыхъ *Я* первоматеріи ****), какъ своего другого или *не Я*, соотвѣтствуетъ въ чело-

---

*) Матеріальная съ точки зрѣнія высшаго начала; такъ напр., мысль есть еще нѣчто матеріальное съ точки зрѣнія духовнаго сознанія.

**) Къ ней относятся три низшихъ начала человѣка: физическое и эфирное тѣла и жизненная сила (Прана).

***) Человѣкъ, въ которомъ еще не развились духовныя начала, живетъ сознательно лишь въ трехъ мірахъ: физическомъ, астральномъ и ментальномъ.

****) Подъ первоматеріей оккультисты разумѣютъ, въ сущности, не что иное, какъ волю къ жизни, т. е. хаотическое, безпредѣльное стремленіе всего живущаго къ полнотѣ Божественнаго бытія. Съ точки зрѣнія мірового *Я* или Логоса это стремленіе представляется еще чѣмъ-то объективнымъ, матеріальнымъ.

вѣкѣ начало Буддхи, приводящее его въ связь съ единой духовной жизнью, проявляющейся во всей вселенной. 3-му Логосу, содержащему первообразы всякаго проявленнаго бытія (міръ идей), аналогиченъ разумъ человѣка. Далѣе есть извѣстная аналогія между 4-ымъ началомъ вселенной и 4-ымъ началомъ человѣка (Кама и Кама-Манасъ), такъ какъ Кама—начало чувственной жизни, страстей и низшихъ, окрашенныхъ животнымъ эгоизмомъ эмоцій, сфера же Буддхи, соотвѣтствующая 4-му началу макрокосма, есть сфера чистой безкорыстной любви и состраданія, т. е., если можно такъ выразиться, космическихъ, сверхличныхъ эмоцій. Точно также индивидуализированный разумъ (Манасъ) или 3-ье начало вселенной аналогиченъ жизненной силѣ въ человѣкѣ; функція разума—организовать въ стройную систему безпорядочный матеріалъ опыта, пріобрѣтеннаго нашимъ *Я* при соприкосновеніи со страстными переживаніями астральной сферы и съ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ; жизненное же начало является какъ бы „безсознательнымъ разумомъ“ *), объединяющимъ и регулирующимъ хаотическую жизнедѣятельность отдѣльныхъ клѣтокъ нашего организма. Наконецъ 2-ое начало макрокосма или астральную сферу, въ тонкой матеріи которой сохраняются отпечатки всего, существующаго въ физической сферѣ—даже всякаго желанія и всякой конкретной мысли человѣка,—можно сравнить съ эфирнымъ двойникомъ нашего тѣла, а вся физическая сфера является какъ бы физическимъ тѣломъ макрокосма.

Всѣ эти аналогіи представляютъ собой не отвлеченныя только построенія, а имѣютъ вполнѣ реальное, а потому и несомнѣнное практическое значеніе. Дѣло въ томъ, что путь къ тому расширенію сознанія, которое приводитъ человѣка въ соприкосновеніе съ высшими космическими сферами и къ которому и сводится вся практика истиннаго оккультизма—этотъ путь лежитъ черезъ развитіе въ себѣ тѣхъ началъ, которыя аналогичны соотвѣтствующимъ началамъ вселенной. Такъ, напр., способность ясновидѣнія въ астральной сферѣ можетъ развить въ себѣ въ высокой степени лишь тотъ, кто очиститъ свое эфирное тѣло, строго соблюдая извѣстную физическую діэту. Ясновидѣніе въ ментальной сферѣ требуетъ высокой степени сосредоточенія мысли, которое находится въ тѣсной связи съ умѣньемъ регулировать токи Праны въ нашемъ

---

*) Безсознательнымъ, конечно, лишь съ точки нашего человѣческаго сознанія.

организмѣ *). Проникнуть въ сферу Буддхи или чистой духовности можетъ лишь тотъ, у кого сильно развита эмоціональная природа; для холодныхъ, бездушныхъ эгоистовъ, для людей боящихся сильныхъ чувствъ, не умѣющихъ безкорыстно, до самозабвенія любить другое существо и не знавшихъ никогда ни святого гнѣва противъ угнетателей слабыхъ и беззащитныхъ, ни жгучихъ мукъ раскаянія—эта сфера не доступна. Потому и сказано: „О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ!" (Апок. гл. 3, ст. 15—16). Точно такъ же въ сферу Нирваны, въ сверхъ индивидуальный міръ Божественныхъ идей можетъ проникнуть не тотъ, кто себя обезличилъ, подчиняясь всѣмъ нелѣпымъ предразсудкамъ и суевѣріямъ окружающаго общества, а тотъ, кто, развивъ въ себѣ могучую и богатую индивидуальность, смѣлость и самостоятельность мышленія, затѣмъ сумѣлъ сломить гордую самонадѣянность своего разума и свою личную волю и склониться передъ тѣмъ, что дѣйствительно выше его личнаго, ограниченнаго *я*.

Три высшихъ начала человѣка—Атманъ, Буддхи и Манасъ (высшій) являются индивидуаціей трехъ высшихъ началъ макрокосма или трехъ Логосовъ, и такимъ образомъ черезъ высшую Тріаду (или духъ) человѣкъ соприкасается съ Богомъ, и, если онъ изъ личнаго опыта знаетъ о существованіи въ себѣ этихъ трехъ началъ, то онъ воистину имѣетъ право назвать себя сыномъ Божіимъ и воскликнуть: „я и Отецъ—одно". Ибо Атманъ, Буддхи и Манасъ только въ періодъ манвантары или проявленія Божества представляются чѣмъ то отдѣльнымъ отъ трехъ Логосовъ; но когда наступаетъ „пралайя", когда завершенъ циклъ эволюціи, то они сливаются со своими Божественными первообразами. Тогда Сынъ (т. е. совершенное коллективное Богочеловѣчество) снова чувствуетъ себя единымъ съ Отцомъ, изъ котораго Онъ изошелъ. Тогда совершается великая тайна Божественной любви, ради которой существуютъ всѣ безчисленные звѣздные міры, наполняющіе безпредѣльное пространство мірового эфира. И этотъ всесожига-

*) Считаемъ необходимымъ сдѣлать по этому поводу слѣдующую оговорку: такъ называемая „Пранаяма", т. е. извѣстные пріемы регулированія дыханія, примѣняемые индійскими іогами, вещь *чрезвычайно опасная*. Учителями Раджа-Іоги (единственной формой Іоги, признаваемой теософіей) эти пріемы примѣняются далеко не всегда и во всякомъ случаѣ крайне осторожно, сообразуясь съ индивидуальными особенностями ученика; примѣнять же ихъ безъ руководства опытнаго учителя не совѣтуемъ никому, такъ какъ, повторяемъ, это сопряжено съ величайшими опасностями для физическаго и душевнаго здоровья.

ющій экстазъ Божественной любви искупаетъ всѣ страданія и все зло, противъ которыхъ мы такъ ропщемъ въ своемъ ослѣпленіи, видя своимъ слабымъ, ограниченнымъ зрѣніемъ лишь мрачный переходный моментъ мірового процесса и не видя его лучезарнаго начала и конца *). Объ этомъ концѣ говоритъ апостолъ Павелъ въ 1-омъ своемъ Посланіи къ Коринфянамъ: „Когда же все покоритъ Ему, тогда и Самъ Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ“ (Гл. 15, ст. 28). И всепроницающимъ взоромъ мистика провидя этотъ блаженный исходъ эволюціи нашей вселенной, онъ далѣе восклицаетъ словами пророка Осіи: „Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда“?

Этимъ мы закончимъ общій очеркъ теософическаго ученія о семи началахъ человѣка и объ аналогіи между микрокосмомъ и макрокосмомъ, и въ дальнѣйшихъ главахъ уже будемъ подробно разсматривать каждое начало въ отдѣльности.

Д. Странденъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

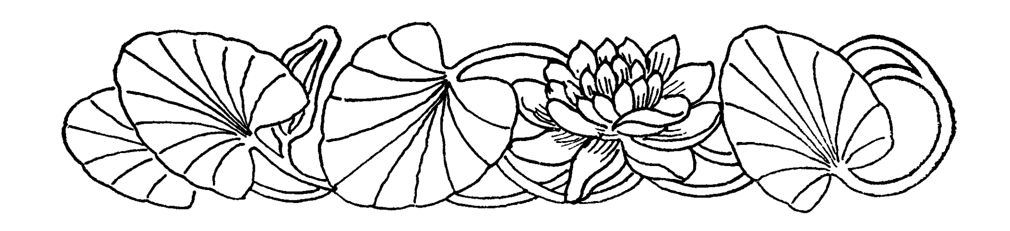

Какъ дождь неудержимо проникаетъ въ скудно прикрытое зданіе, такъ и страсти легко проникаютъ въ сердце, не защищенное размышленіемъ.

Но какъ плотно покрытое зданіе не пропуститъ ливня, такъ и въ сердце, охраняемое размышленіемъ, не прорвутся страсти.

(Изъ „Дхаммапады“).

*) Когда мы говорили о началѣ и концѣ, то надо помнить, что тутъ мы опять таки разсуждаемъ съ ограниченной, человѣческой точки зрѣнія. Въ дѣйствительности процессъ зарожденія и созрѣванія (а не „смерти“) міровъ вѣченъ, такъ какъ въ то время, какъ одни міры рождаются, другіе уже приносятъ свой плодъ. Въ абсолютномъ рожденіе и смерть, начало и конецъ, Альфа и Омега вѣчно совпадаютъ. Время лишь иллюзія, Майя.

Основы теософскаго Синтеза.

Въ глубинѣ всякаго познанія, въ глубинѣ всѣхъ научныхъ дисциплинъ, философскнхъ системъ и всѣхъ религій лежитъ единая *Истина.*

Теософія стремится раскрыть и познать эту единую Истину въ ея сущности. Для этого она ищетъ то единое *мистическое зерно*, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ религій. Во всѣхъ наукахъ (позитивныхъ и оккультныхъ) она стремится найти тотъ же основной общій ихъ корень, ту же божественную искру міровой и внѣміровой Истины. Въ отвлеченныхъ міровоззрѣніяхъ философіи она стремится уловить все тотъ же отсвѣтъ божественнаго свѣта; и, такъ какъ этотъ свѣтъ *единъ*, эта истина вездѣ одна и та же, то теософія, въ своемъ результатѣ, является грандіознымъ *синтезомъ философіи, науки и религіи.*

Но Бого- и міро-познаніе лишь *одна* сторона теософіи: подобно всякому другому знанію, она стремится и къ *жизнетворчеству*. Есть двѣ великія жизнетворческія силы: *этика* и *эстетика.*

Теософія во всѣхъ религіяхъ и во всѣхъ системахъ философій ищетъ обоснованія для возможно болѣе широкой этики, ибо какъ единa Истина, такъ же *единъ и нравственный законъ*, лежащій въ глубинѣ каждой философіи и каждой религіозной системы. Въ глубинѣ каждаго проявленія искусства, въ глубинѣ каждаго эстетическаго теченія теософія ищетъ то безсмертное и единое зерно божественной *Красоты*, которое разлито во всемъ мірѣ и проявляется и воплощается въ каждомъ актѣ художественнаго творчества.

Но эстетику и этику теософія стремится связать съ тѣмъ *мистическимъ вѣдѣніемъ*, которое лежитъ въ глубинѣ всякаго

творчества. Такимъ образомъ, теософія стремится къ гигантскому синтезу всѣхъ сторонъ духовной культуры.

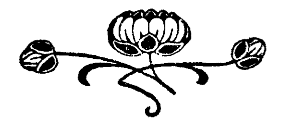
Матеріалъ для своихъ исканій теософія обрѣтаетъ въ тѣхъ великихъ попыткахъ синтеза, которыя были сдѣланы въ прошломъ: наиболѣе близкая по духу къ теософіи попытка есть та священная мудрость древнихъ тайныхъ ученій, которая, преломляясь въ безчисленномъ множествѣ философскихъ и религіозныхъ системъ, затуманенная, искаженная, все-таки дошла до нашего времени, и бѣдные остатки ея собраны въ томъ великомъ произведеніи, которое легло въ основу современнаго теософскаго ученія: въ „*Тайной Доктринѣ*" Е. П. Блаватской.

Теософія зоветъ насъ въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ въ чистой духовности сіяетъ *бѣлая вѣчность*, гдѣ въ *одномъ* мистическомъ порывѣ *всѣ* стороны духовной культуры, *всѣ* стороны душъ человѣческихъ сливаются *воедино съ великой сущностью всего* и съ тѣмъ вѣчнымъ „*Я*" міра, о которомъ такъ поэтично сказано у Бенедиктова:

„Не оно ль горить звѣздами
И у Солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?
Не оно ль въ стихійномъ спорѣ
Плещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?"

П. Батюшковъ.

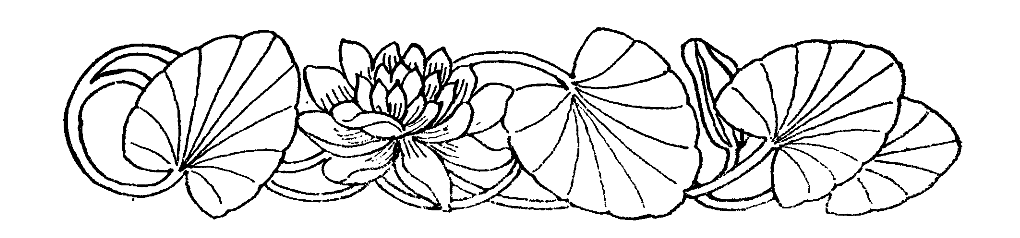
Москва.
22 февраля 1908 г.

Неустанно бодрствуя, пребывая въ размышленіи, обуздывая себя, мудрецъ созидаетъ себѣ неприступный островъ, куда не достигнетъ до него никакой приливъ.

Какъ стрѣлокъ выпрямляетъ стрѣлу, такъ выпрямляетъ мудрецъ свою неустойчивую и колеблющуюся мысль, строптивую и непокорную,

(Изъ „Дхаммапады").

Жизнь и церковное искусство.

Отражать жизнь не есть собственно задача искусства. Задача его гораздно выше и труднѣе—отразить вѣчность и тѣмъ поднимать жизнь къ болѣе совершеннымъ, согласованнымъ съ Вѣчной Правдой формамъ.

Тѣмъ не менѣе искусство все же зеркало жизни, и церковная пластика не составляетъ въ этомъ исключенія. Подобно поэзіи, драмѣ, роману,—она столь же правдиво и неизмѣнно отмѣчаетъ всѣ характерныя черты вѣрованія, настроенія и чувства создавшаго ее народа и эпохи. Мало того, какъ это ни покажется страннымъ и какъ бы несовмѣстимымъ съ ея задачей—передавать только религіозныя настроенія—даже политическія и соціальныя условія, при которыхъ она создалась, находятъ въ ней своего вѣрнаго выразителя.

Но, вдумываясь, нужно признать, что иначе и быть не могло.

Культъ—а церковная пластика ничто иное, какъ одна изъ принадлежностей культа—не можетъ не находиться въ тѣсной неразрывной связи съ вѣрою, чьимъ видимымъ проявленіемъ она и служитъ.

Но вѣра (я говорю объ искренней, убѣжденной), будучи самымъ интимнымъ, дорогимъ человѣческимъ чувствомъ, въ силу этого самаго является и наиболѣе субъективнымъ, наиболѣе чуткимъ ко всякимъ колебаніямъ общественной и философской мысли эпохи.

Дѣйствительно, сокровища церковнаго искусства являются поразительной книгой, раскрывающей для умѣющаго ее читать тайны давно угасшей жизни, интимнѣйшія стороны души людей былыхъ временъ.

Кто не знаетъ, съ какой ненавистью относились христіане первыхъ вѣковъ къ языческимъ богамъ. Легенды о святыхъ и му-

ченикахъ переполнены разсказами о паденіи идоловъ по слову служителей Христа.

Но искусство того времени съ неотразимой ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что Олимпъ еще не побѣжденъ даже въ сердцахъ ревнителей новой вѣры.

Стоитъ заглянуть подъ задумчивые, темные своды христіанскихъ катакомбъ, чтобъ увидѣть тѣхъ же боговъ-демоновъ, хотя и приноровленныхъ къ новымъ—христіанскимъ уже понятіямъ. То это крылатые или безкрылые амуры, повѣствующіе въ лицахъ священную ветхозавѣтную исторію, то видимъ мы Орфея, сидящаго на скалѣ и покоряющаго игрой животныхъ, какъ символъ новаго ученья, смиряющаго дурныя страсти; то это добрый пастырь, точно скопированный съ древнѣйшихъ изображеній языческихъ временъ, или Адонисъ, онъ же и Ной, отдыхающій подъ трельяжемъ виноградника.

Сопоставленіе формъ готическаго храма съ господствующими стремленіями эпохи—страстными порывами къ небу и далекой обѣтованной землѣ—давно уже стало исторической, даже учебной аксіомой.

Не столь, можетъ быть, извѣстнымъ является тотъ фактъ, что этотъ же самый храмъ служилъ широкой ареной для сатиры даже противъ самого всемогущаго тогда духовенства.

„На этихъ смѣлыхъ и дивныхъ зданіяхъ“—говоритъ Деможо,*) „несущихъ какъ будто къ самому небу даръ молитвы, сатира отвела мѣсто и себѣ; съ удивленіемъ видишь тамъ тысячи странныхъ изваяній монаховъ, предающихся всевозможнымъ порокамъ, священниковъ съ головой лисицъ, проповѣдующихъ съ каѳедръ, окруженныхъ аудиторіей куръ и мелкихъ пташекъ. Насупротивъ каѳедры Страсбургскаго собора одна изъ капителей нефа изображала осла, читающаго обѣдню, въ то время какъ другія животныя прислуживали ему“.

Въ этихъ изображеніяхъ нельзя не видѣть результата вліянія чисто свѣтской литературы и между прочимъ повѣствованія о Рейнеке Лисѣ, столь распространеннаго въ средніе вѣка.

Бурное, страстное, многогранное Возрожденіе создаетъ новую церковную пластику, столь же сложную, богатую и разнообразную, какъ и породившее ее время. По однимъ только образамъ можно составить себѣ ясное представленіе о всѣхъ теченіяхъ, волнова-

*) «Demogeot, Histoire de la litterature française» par Demogeot, Paris 1892, page 131.

вшихъ тогдашнихъ людей. Мистическая Царица Небесная Беато Анжелико, коронуемая на облакахъ Божественнымъ Сыномъ своимъ, мало по малу сходитъ на землю—сначала въ образѣ тоже мистической Матери, окруженной трепетомъ ангельскихъ крыльевъ и хорами небесныхъ голосовъ, какъ изображаетъ ее Боттичелли, затѣмъ, все болѣе и болѣе измѣняясь подъ давленіемъ раціоналистическихъ идей и античныхъ формъ, она превращается у Рафаэля (римскаго періода) въ почти обыкновенную, идеализированную лишь со стороны чисто внѣшней красоты женщину-мать. У современника же Санціо-Андреа-дель-Сарто и этого даже нѣтъ: подъ его кистью изображенія Св. Семейства становятся повседневными бытовыми картинами, какъ это можно наблюдать въ экземплярѣ, хранящемся въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.

Правда, какъ на нѣкоторую уступку религіозности сюжета, можно указать на тоненькіе вѣнчики вокругъ головъ или на вводимыхъ въ композицію крылатыхъ юношей, какихъ мы видимъ въ Св. Семействѣ Лувра.

Но красивыя декоративныя крылья за спиной являются единственными признаками, по которымъ можно признать въ нихъ небожителей; безъ этихъ аттрибутовъ они превратились бы въ обыкновенныхъ bambini и putti, какихъ не мало и теперь въ задумчивой столицѣ Тосканы.

Но какъ художнику было не смѣшивать священнаго съ просто мірскимъ, когда постоянное смѣшеніе христіанства съ язычествомъ является самой характерной чертой тогдашней жизни, когда самыя понятія этихъ двухъ міросозерцаній настолько сближались, что трудно было подчасъ отличить, гдѣ кончается Олимпъ и начинается Голгоѳа. Нѣкоторые этой границы даже и не пытались проводить: Бахусъ и Іоаннъ Предтеча у Леонарда да-Винчи изображались одинаково.

Но никогда, кажется, религіозная пластика не отражала столь ярко и выпукло чисто политическое и государственное устроеніе народа и эпохи, какъ въ великой Византіи.

Трудно даже сказать, что было прототипомъ: земная ли жизнь стремилась подражать устроенію неба, или же это послѣднее являлось лишь заоблачнымъ повтореніемъ жизни земной. Дѣйствительно, подобно тому, какъ Богъ держитъ и движетъ вселенную, и, говоря словами псалмопѣвца, „вида Его боятся и трепещутъ бездны“, такъ и сіяющій въ славѣ своей императоръ Византіи является въ своемъ золотомъ дворцѣ тоже всемогущимъ власте-

линомъ, наводящимъ трепетъ и священный ужасъ въ сердцахъ своихъ многочисленныхъ рабовъ.

„Императоръ былъ какъ бы земнымъ Богомъ—говоритъ Байе въ своей исторіи византійскаго искусства"; все было разсчитано, чтобы дать малѣйшимъ актамъ его общественной жизни характеръ могущества и необычайнаго блеска. Залъ пріемовъ, тронъ, на которомъ онъ возсѣдалъ, его одѣяніе, окружающая его свита, все должно было производить на умы впечатлѣніе величія и благоговѣнія, которое зависѣло не отъ достоинства самого человѣка, но отъ внѣшнихъ знаковъ этого оффиціальнаго представительства.

„Самый характеръ возгласовъ, которыми народъ привѣтствовалъ Царя, былъ неизмѣнно регламентированъ" *).

Не лишнее поэтому кинуть хоть бѣглый взглядъ на нѣкоторыя детали, тѣмъ болѣе что онѣ дадутъ намъ матеріалъ для нелишенныхъ интереса сопоставленій.

Обратимся къ описанію, сдѣланному другимъ ученымъ—Лабартомъ *).

„Императоръ садился на тронъ, стоящій въ абсидѣ и называемый трономъ Соломона. Этотъ тронъ былъ весь изъ золота и украшенъ драгоцѣнными камнями. На немъ виднѣлись птицы, которыя посредствомъ остроумнаго механизма наполняли покой мелодичнымъ щебетаньемъ. Вблизи трона возвышался огромный крестъ, также усыпанный каменьями.

„Внизу были расположены золотыя сидѣнья для членовъ царской семьи. У послѣднихъ ступеней эстрады, гдѣ возвышался тронъ, два льва поднимались на лапы, испуская ревъ.

„Невдалекѣ отъ трона, на вѣткахъ высокихъ золотыхъ деревьевъ, сидѣли птицы различныхъ породъ, подражая пѣнью тѣхъ, чьи формы онѣ изображали".

Объ этомъ великолѣпіи, помимо описаній, свидѣтельствуютъ и многочисленныя изображенія византійскаго императора, на которыхъ видимъ его сидящимъ на золотомъ тронѣ, то окруженнымъ толпой тѣлохранителей и придворныхъ, то съ припавшими къ ногамъ царями покоренныхъ народовъ **).

*) Labarte «Le palais de Constantinople et ses abords, St. Sophie, le Forum, Augustaeon et L'Hippodrome» Paris 1861, page 65. См. также Байе, стр. 122.

**) См. Миніатюры изъ Псалтыря Василія II (Kraus. Geschichte der christlichen Kunst) т. I, стр. 57. Изображеніе Никифора Ботаніота Парижской націон. библ. и друг.

Если отъ этихъ изображенiй императора мы обратимся къ образамъ священнымъ, то увидимъ разительное сходство какъ въ самой композицiи, такъ и въ манерѣ ея трактовки.

Богъ византiйцевъ—это Богъ-Царь, Пантократоръ (Вседержитель). Такъ, напримѣръ, въ S-ta Maria Magiore въ Римѣ (V в.) сцена поклоненiя волхвовъ изображаетъ младенца Христа сидящимъ на богато орнаментированномъ и украшенномъ каменьями тронѣ. По бокамъ, на отдѣльныхъ сидѣньяхъ, виднѣются двѣ фигуры, изъ которыхъ одна, несомнѣнно, изображаетъ Божiю Матерь. За спинкой трона четыре ангела, исполняя ту же роль, что и приближенные императора, увеличиваютъ своимъ присутствiемъ оффицiальную торжественность сцены поклоненiя.

Въ другомъ мѣстѣ—въ церкви св. Пуденцiаны (IV в.) позади изображенiя Спасителя, опять возсѣдающаго на возвышенномъ тронѣ, виднѣется такой же высокiй украшенный драгоцѣнными каменьями крестъ, какъ и во дворцѣ императора. Короче говоря—Богъ въ глазахъ византiйцевъ былъ только послѣдней высшей ступенью безконечной iерархической лѣстницы, былъ какъ бы членомъ самого государства, тотъ единственный Царь, котораго еще никто не побѣдилъ. Въ то время, какъ стяги Византiи не разъ падали передъ зелеными знаменами невѣрныхъ и безопасность государства постыдно покупалась цѣною злата у дикихъ, невѣжественныхъ варваровъ, безчисленное воинство Царя Небеснаго съ непобѣдимымъ архистратигомъ Михаиломъ во главѣ никогда не вѣдало пораженiя, и вѣчно попиралъ онъ пятой главу могучаго сверженнаго врага.

Вотъ почему императоръ Византiи склонялъ предъ этимъ Властелиномъ, Царемъ царей, свою вѣнчанную голову въ такой же покорной рабской позѣ, какъ склонялись передъ нимъ самимъ другiе, болѣе слабые цари.

Такъ передаетъ намъ его изображенiе большая мозаика св. Софiи въ Царьградѣ.

Христiанская Русь всецѣло подпала подъ обаянiе византiйскаго блеска и вмѣстѣ съ двуглавымъ орломъ восприняла и образъ Бога Вседержителя и Царицы Небесной. Правда, народъ подъ влiянiемъ расколовъ и другихъ теченiй религiозной мысли создалъ серiю иныхъ священныхъ изображенiй, чуждыхъ влiянiя политики и мiрской жизни, но и этотъ фактъ является только подтвержденiемъ уже сказаннаго: политическая жизнь и не могла отражаться по той простой причинѣ, что ею народъ и не жилъ. Онъ жилъ одной только религiей и потому ничего другого въ

священныя изображенія не могъ и вносить, за исключеніемъ, развѣ, чисто бытовыхъ чертъ.

Петръ Великій, толкнувъ Россію на новый путь, подчинивъ Церковь идеѣ государства, помимо своей воли создалъ и новую иконографію, отразившую новыя вѣянія.

Какъ на характерный образецъ этой новой церковной живописи можно указать на „Запорожскую икону", выставленную во время XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ *).

Икона эта „Покрова св. Богородицы"—характерна тѣмъ, что рядомъ съ амвономъ, гдѣ стоитъ діаконъ, на самомъ видномъ мѣстѣ изображенъ самъ царь Петръ великій въ военныхъ доспѣхахъ; фигура его отнюдь не играетъ второстепенной роли даже по сравненію съ Богородицей. Наоборотъ, онъ выдвигается впередъ, словно принимая и раздѣляя часть поклоненія вѣрныхъ и тѣмъ какъ бы символизируя неотдѣльность церкви отъ государства.

Изображеніе царя земного помѣщается и въ самомъ храмѣ: еще въ концѣ прошлаго столѣтія можно было видѣть въ великой церкви Кіево-Печерской лавры по стѣнамъ изображенія Петра и соправителя его Іоанна, Алексѣя Михайловича и др.—всѣ работы конца XVIII вѣка. Съ этого времени, строго говоря, слѣдуетъ различать два вида церковной живописи: оффиціальную для высшаго бюрократическаго общества и чисто народную, чуждую новымъ вѣяніямъ и зачастую враждебную имъ.

Знакомство съ Западомъ и его „художествомъ" вызываетъ потребность въ лучшей техникѣ, болѣе согласованной съ задачами мірского искусства, почему писаніе иконъ уже зачастую поручается не профессіональному живописцу, а художнику, воспитанному на западныхъ образцахъ. При Елизаветѣ Петровнѣ, напримѣръ, довольно значительное распространеніе получаетъ изображеніе Богородицы подъ названіемъ „Умиленіе", являющееся ничѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе удачной копіей рафаэлевской мадонны „della Sedia" **). Но эта же „Мадонна" ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что религіозной жизни въ русскомъ обществѣ (я говорю, конечно, объ интеллигенціи) въ сущности уже нѣтъ. Духъ религіи изъ него исчезъ, осталась только внѣшняя видимая форма, оболочка, тѣло.

---

*) Снимокъ съ нея помѣщенъ въ моей статьѣ о съѣздѣ; См. „Искусство и художеств. промышлен." 1900г. и въ „Кіевской старинѣ".

**) Первая копія была сдѣлана худ. Никитинымъ, посланнымъ во Флоренцію Петромъ Великимъ и впослѣдствіи сосланнымъ въ Сибирь.

Переживъ барокко, русская иконопись вслѣдъ за Брюлловымъ одѣваетъ тогу классицизма.

У насъ повторяется то же, что происходило на Западѣ въ XVI в.—икона дѣлается картиной и компануется по тѣмъ же правиламъ, какъ любая академическая тема на золотую медаль.

Но на смѣну классикамъ и академическому романтизму нарождается школа реалистическая, вся проникнутая тенденціями раціонализма шестидесятыхъ годовъ, и церковная живопись уподобляется слабому, безпомощному ребенку, оставленному далеко ушедшимъ впередъ старшимъ братомъ.

Если сошедшій со сцены академическій стиль не вполнѣ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ церковной живописи, если онъ лишенъ былъ средствъ выразить самыя интимныя стороны культа, все же присущій ему пафосъ, торжественность настроенія не только не противорѣчили, но хотя односторонне, а все же выражали извѣстный подъемъ духа, соотвѣтствующій важности церковныхъ сюжетовъ.

Наконецъ и въ современномъ ему обществѣ—обществѣ временъ Александра Благословеннаго и начала царствованія Николая Павловича замѣчается снова нѣкоторый поворотъ въ сторону религіи и связанныхъ съ нею вопросовъ, но поворотъ, не идущій въ глубину, а довольствующійся болѣе игрою въ религію, безъ глубокаго искренняго чувства, а потому и безъ серьезнаго результата.

Для передачи „этихъ“ религіозныхъ настроеній классицизмъ—живопись формъ—имѣлъ достаточно средствъ.

Раціонализмъ же съ культомъ становился въ явное противорѣчіе, такъ какъ жизнь культа—это преданіе, новая же школа признавала лишь провѣренные наукой и повседневнымъ, такъ сказать, разумомъ факты.

То, что не могло произойти и сегодня при самой обыденной обстановкѣ, при свѣтѣ дня, то, что не могло быть разложено на анатомическій столъ новой научной мысли, попросту отвергалось какъ грубое суевѣріе, достойное лишь непросвѣщенной черни.

Если между Брюлловымъ, Бруни и культомъ возможенъ былъ нѣкоторый компромиссъ, то реалистическія картины на священные сюдеты Ге его уже не допускали. Да это и понятно.

Художественный классицизмъ—въ лицѣ своихъ представителей—къ культу, какъ къ убѣжденію, религіи, относился въ сущности совершенно безразлично, видя въ немъ лишь „высокіе

сюжеты“; раціонализмъ же Ге вытекалъ изъ глубокаго, страстнаго убѣжденія, находящагося въ непосредственной связи съ *религіознымъ* міросозерцаніемъ автора „Распятія“ и „Тайной Вечери“.

Вслѣдствіе этого, какъ я уже сказалъ, церковная живопись очутилась въ странномъ положеніи—она не могла итти за господствующимъ направленіемъ искусства, куда устремились лучшія художественныя силы эпохи, не могла остаться вѣрной традиціямъ отжившаго классицизма, котораго уже никто не признавалъ. Общество фактически не вѣрило и въ дѣлѣ религіи было на сторонѣ Ге и раціоналистовъ. Но съ другой стороны „вѣрить“ полагалось и потому спросъ на образа и иконы не прекращался.

И въ отвѣтъ на это религіозно - оффиціальное требованіе явилось и предложеніе въ видѣ искусства столь же безличнаго какъ и копіи старыхъ образцовъ, но съ той лишь разницей, что искренняя, хотя порою и наивная вѣра, характеризующая этихъ послѣднихъ, замѣняется здѣсь поддѣлкой подъ истинное чувство—приторной чувствительностью рабскаго угодничества.

Да это и не могло быть иначе: никакой внутренней идеей неодухотворенный, ни религіозной, ни художественной, выросшій на почвѣ чисто спекулятивной, новый родъ церковной живописи и могъ создать лишь товаръ, характеризующій собою средняго буржуа, отвыкшаго отъ старины и не рѣшающагося еще признать болѣе смѣлые новаторскіе пріемы.

Художникъ здѣсь низводится до роли простой рабочей машины, послушно управляемой волей заказчика.

Характерная черта этого „стиля“ заключается въ томъ, что къ даваемымъ имъ образцамъ съ перваго взгляда какъ будто и придраться нельзя. Они вводятъ въ обманъ не только совсѣмъ несвѣдущихъ въ искусствѣ, но даже и людей, требующихъ отъ художника извѣстнаго „savoir faire“.

Рисунокъ, краски, композиція никого не обидятъ и всѣмъ угодятъ—и традиціи и заказчику. Къ нимъ придраться нельзя, но... и къ мертвому нельзя придраться. Въ немъ нѣтъ зла лишь потому, что и жизни нѣтъ.

И эта смерть нашей религіозной мысли, нашей церковности написана на всѣхъ стѣнахъ нашихъ церквей, глядитъ на насъ мертвыми, бездушными глазами съ высотъ нашихъ золоченыхъ и раздѣланныхъ „подъ мраморъ“ или „подъ орѣхъ“ иконостасовъ, вѣетъ отъ каждой утвари церковнаго богослуженія.

Вездѣ товаръ, товаръ, товаръ, работа торгаша, не создающаго съ вѣрою и любовью произведеніе искусства, а „сбывающаго“ выгодный и ходкій товаръ.

Не холодный эстетъ былъ тотъ итальянскій рыцарь, который на смертномъ одрѣ отвернулся отъ поданнаго ему на цѣлованіе креста и потребовалъ другой, работы Донателло; онъ только чувствовалъ святость всякой работы великаго генія, скрытую въ ней частицу истиннаго Божества, равно какъ чувствовалъ и всю демоничность, грубую матеріальность бездушной, не одухотворенной искреннимъ творчествомъ формы.

Вѣдь форма, образъ, такъ часто презираемая „внѣшность„— ни что иное, какъ чувственное воплощеніе идеи: „Слово плоть бысть“, и въ дурной, безличной формѣ нельзя не видѣть искаженія этой самой идеи, кощунственнаго глумленія надъ ней. Вотъ почему къ паденію художественности въ нашемъ культѣ нельзя относиться равнодушно или даже снисходительно: „была бы суть“; въ томъ то и дѣло, что это паденіе свидѣтельствуетъ и объ отсутствіи сути, той самой жемчужины, для которой форма является лишь необходимой оправой.

Образа машиннаго производства, штампуемые тысячами, воистину являются болѣе характерными показателями времени, чѣмъ сотни исписанныхъ томовъ. И невольно напрашиваются на сопоставленіе требованія къ иконописцамъ нашей сѣдой и „грубой“ древности.

Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ указахъ царя Алексѣя Михайловича: „Въ нѣкоторой веси Суздальскаго уѣзда, иже именуется село Холуй, и того села Холую поселяне, неразумѣющіе прочитанія книгъ божественнаго писанія, дерзаютъ и пишутъ святыя иконы безъ всякаго разсужденія и страха, ихъ же честь святыхъ иконъ по божественному писанію не первообразно восходитъ. А тѣ поселяне отъ своего неразумія то воображеніе св. иконъ пишутъ съ небреженіемъ и Великій Государь ревнуя поревновахъ о чести святыхъ иконъ указалъ... въ Москвѣ и во градѣхъ воображеніе св. иконъ самымъ искуснымъ иконописцамъ... чтобы ни кто неискусенъ иконнаго воображенія не писалъ“ (матеріалъ для исторіи русской иконописи собр. Забѣлинымъ, стр. 84—85). Но древность для „иконописнаго мастерства“ одну только „искусность“ считало еще недостаточной. Въ 43-й главѣ Стоглава иконописцу предписывается еще быть „смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не

пьяницѣ, не грабителю, не убійцѣ; особенно же хранить чистоту душевную и тѣлесную, со всякимъ опасеніемъ...

...И если нынѣшніе мастера живописцы по сказанному будутъ вести жизнь, храня эти заповѣди и тщаніе о дѣлѣ Божіемъ будутъ имѣть, то Царю такихъ живописцевъ жаловать, а святителемъ ихъ беречь и почитать больше простыхъ людей". „Не всѣмъ—далѣе говорится—иконописцами быть; много есть другихъ ремеселъ, которыми люди кормятся, кромѣ иконнаго писанія".

Я знаю,—многимъ этотъ взглядъ покажется смѣшнымъ и наивнымъ, но есть и несомнѣнные признаки того, что сознаніе справедливости этого взгляда начинаетъ уже чувствоваться.

На ряду съ пробужденіемъ религіозной мысли въ писаніяхъ Мережковскаго, Розанова, Бердяева, Булгакова и др. и церковная живопись проявляетъ стремленіе, правда еще слабое, выйти на болѣе сознательный путь. Именъ еще не много, но тѣмъ болѣе заслуживаютъ они вниманія.

Викторъ Васнецовъ, Нестеровъ, Врубель—вотъ единственные художники, которыхъ можно назвать и которые внесли непосредственное, хотя и разной силы творчество въ дѣло обновленія церковной живописи.

Наибольшей извѣстностью въ публикѣ пользуется, несомнѣнно, Васнецовъ; этого и слѣдовало ожидать—онъ и наиболѣе ей понятенъ. Считать его новаторомъ, какъ нѣкоторые это дѣлаютъ, нельзя: публика за новаторами не идетъ.

Заслуга его отнюдь не заключается въ созданіи новыхъ образовъ—онъ только соединилъ то, что до сихъ поръ было разрознено: древнее русское народное искусство, его духовное преданіе и завѣты съ техникой XX вѣка.

Кислородъ и водородъ—элементы воды—даже въ смѣшеніи остаются все же безцвѣтными летучими газами, пока ихъ не пронижетъ электрическая искра, превращающая ихъ въ одно цѣлое, въ живительную, свѣтлую воду. Этой искрой въ искусствѣ служитъ жизнь. Васнецовъ только брызнулъ живой водой на омертвѣвшее тѣло древней иконописи, и мертвые лики, застывшіе строгіе глаза заиграли свѣжими красками жизни. Нѣтъ новыхъ формъ, нѣтъ и новыхъ идей; онѣ были и прежде, у старыхъ мастеровъ; Васнецовъ только сдѣлалъ ихъ понятными своимъ современникамъ, заставилъ ихъ полюбить и почувствовать ихъ красоту.

Владѣя всѣми орудіями новѣйшей техники, онъ подчеркнулъ то, о чемъ у старыхъ мастеровъ иконописцевъ можно было догадываться, выдвинулъ болѣе цѣнное для насъ—людей двадцатаго

вѣка, стушевалъ то, что могло насъ оскорбить. И древнее, отжившее сдѣлалось новымъ, современнымъ.

Если Васнецовъ является представителемъ модернизованной старины, Нестеровъ принадлежитъ къ явленіямъ скорѣе обратнаго характера.

Все, что есть болѣзненнаго, напряженнаго въ современномъ русскомъ мистицизмѣ, мучительно ищущемъ новаго, чисто русскаго идеала въ карамазовскомъ Алешѣ или князѣ Мышкинѣ — этихъ „блаженныхъ“ нашего вѣка, находитъ своего своеобразнаго изобразителя въ лицѣ Нестерова. Этого художника старина интересуетъ лишь, поскольку находитъ онъ въ ней черты, родственныя избранному имъ современному теченію общественной мысли; даже въ изображаемыхъ имъ святыхъ онъ въ сущности видитъ лишь тѣхъ же Алешей и Мышкиныхъ, жившихъ только нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Но если содержаніе, духъ Нестеровскихъ твореній передаетъ собою позднѣйшія вѣянія нашей эпохи, въ дѣлѣ формы онъ является прямымъ и сознательнымъ послѣдователемъ итальянскихъ кватрочентистовъ въ родѣ Витторе Пизано *) и Беато Анжелико **).

Но и въ этомъ увлеченіи прошлымъ Нестеровъ является истымъ сыномъ своей эпохи.

Если всмотрѣться въ главныя теченія позднѣйшаго искусства, мы увидимъ, что они во многихъ деталяхъ представляютъ собой возрожденіе подъ современной оболочкой примитивовъ XIV—XV вѣковъ. Но какъ XVI вѣкъ—великое Возрожденіе античныхъ классиковъ привило формамъ древняго Олимпа новую, чисто современную страстность борьбы и отчаянья, такъ и нынѣшнее возрожденіе древнихъ мастеровъ такъ же далеко отъ своихъ наивныхъ, дѣтскихъ душой прообразовъ, какъ Боттичелевская Примавера далека отъ классической Флоры или какъ бюстъ Перикла Лондонскаго музея далекъ отъ образа Лоренцо Медичи ***)—этого Перикла временъ Борджіевъ и Макіавелей. Эта разница еще болѣе подчеркнута у Врубеля.

Врубель, какъ представитель церковной живописи, пользуется, несомнѣнно, наименьшею извѣстностью, хотя то немногое, что онъ успѣлъ создать, даетъ полное основаніе признать въ немъ на-

*) См. Благовѣщеніе въ S-t. Fermo въ Веронѣ.

**) Съ послѣднимъ Нестеровъ сходенъ особенно въ пейзажѣ: срав. его „Чудо“ съ „Казнью Косьмы и Дамьяна“ Беато въ Луврскомъ музеѣ.

***) Работы Вазари въ Чффиціяхъ во Флоренціи.

иболѣе крупнаго и своеобразнаго мастера въ этой интересной области искусства.

Это сказывается въ его работахъ въ Кіево-Кирилловской церкви при богоугодномъ заведеніи того же наименованія и главнымъ образомъ въ фрескѣ на хорахъ, изображающей сошествіе св. Духа *).

Я отнюдь не хочу этимъ умалить достоинство образовъ иконостаса. Ихъ дивная техника, чудесныя сочетанія красокъ, изумительная передача свѣта, строгая красота копмозиціи внѣ всякаго сомнѣнія, но въ нихъ еще чувствуется вліяніе Венеціи, гдѣ они и писались, а главнымъ образомъ Джіовани Беллини.

Сошествіе Св. Духа, если разсматривать его съ чисто внѣшней стороны, также написано подъ вліяніемъ прошедшаго и даже въ строгомъ и выдержанномъ стилѣ XI—XIII вѣковъ.

Вся традиція здѣсь соблюдена: апостолы сидятъ полукругомъ, посрединѣ виднѣется нѣсколько условно удлиненная фигура Божьей Матери, и Духъ Божій нисходитъ на ихъ главы въ видѣ широкихъ огненныхъ сноповъ. Есть даже изображеніе Старца-Космоса, которымъ древніе мастера изографы и миньятюристы символически изображали „всякаго народа подъ небесами“, о которомъ говорятъ Дѣянія Апостоловъ при описаніи событія.

Но всмотритесь въ лица апостоловъ—какія мощныя, вдохновенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто современныя лица. Въ сущности это вовсе не тѣ историческіе апостолы, которые возсѣдали въ Іерусалимѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Это наши новые апостолы XX вѣка, на которыхъ тоже сошла благодать Св. Духа и которые такимъ же огненнымъ словомъ и на „разныхъ языкахъ“ проповѣдуютъ Правду Его.

Подчинившись общему стилю храма, художникъ сумѣлъ вложить въ свою работу такъ много личнаго и непосредственнаго творчества, что вся условность прошедшаго стушевывается, исчезаетъ, служа какъ бы стильной рамой для выраженія новаго вдохновенія.

Здѣсь, въ этомъ вдохновеніи, сказалась вся правда и сила современности. Впрочемъ, если нужно установить извѣстную преемственность, то во Врубелѣ чудесно сочетались оригинальнѣйшія черты самыхъ разнообразныхъ эпохъ и мастеровъ. Я уже упоминалъ о вліяніи венеціанскаго Возрожденія въ лицѣ Беллини; въ фрескѣ на хорахъ—это уже архаичная стилизація Византіи; изъ

*) Издана въ „Мірѣ Искусства“ 1901 г. № 2—3.

русскихъ же мастеровъ родственнымъ ему по духу является одинъ только Ивановъ. Конечно, я здѣсь имѣю въ виду не извѣстное и испорченное поправками и замѣчаніями патентованныхъ критиковъ „Явленіе Христа народу", а эскизы этого чуднаго мастера на ветхозавѣтныя темы, полные трепета крыльевъ, священнаго ужаса и глубокаго мистицизма отдаленной древности Востока.

Но какъ бы искренно ни было увлеченіе прошедшимъ, какъ бы ни казалось оно прекраснымъ, яркимъ въ сравненіи съ будничной сутолокой, среди которой мы живемъ, эти сѣрые, какъ принято ихъ называть, будни все же сильнѣе прошлаго, потому что они жизнь, потому что они—мы сами, а не отраженіе чужихъ, хотя бы и великихъ душъ. Только въ творчествѣ сказывается истинная жизнь, а творить можно только изъ себя самого. Эта идея должна лечь въ основу не только формъ культа, но и *въ самую религіозную жизнь народа.*

Если церковь не мертвое наслѣдіе прошлаго, а олицетвореніе и воплощеніе духовной жизни, однимъ словомъ если она дѣйствительно живетъ, то она должна и расти и не только въ ширину, но и въ высоту.

Всѣ яркія страницы исторіи церкви, какъ и всякой исторіи, характеризуются именно новымъ порывомъ къ самостоятельному творчеству, стремленіемъ итти все впередъ. Отдавая дань прошлому, традиціи, преданію, мы отнюдь не должны ими порабощаться, а, созидая новыя идеи, найти имъ и новыя пластическія формы.

Если случайная буря сломитъ старое дерево, его нужно выкорчевать и бросить въ огонь. Взамѣнъ же его нужно посадить дерево молодое, сильное. Въ искусствѣ каждаго вѣка это дерево современное, юное и свободное творчество послѣднихъ лѣтъ.

Будущее опредѣлитъ его истинныя заслуги, укажетъ ему мѣсто въ творчествѣ вѣковъ; для современниковъ же это должна быть лучшая, совершеннѣйшая часть ихъ духовнаго „я", т. е. единственное, что можетъ заслужить безсмертіе.

Нужно поэтому надѣяться и вѣрить, что у насъ, именно у насъ, гдѣ теперь такъ тревожно и напряженно бурлятъ новыя творческія силы, появится новый Прометей кисти, который создастъ новые образы и воплотитъ въ нихъ всю нашу вѣру, всѣ наши надежды, всѣ наши тревоги и вмѣстѣ съ тѣмъ откроетъ лучезарный путь куда итти, къ чему стремиться. Пусть подъ его творческими руками съ высоты нашихъ иконостасовъ взглянутъ на насъ новые, намъ близкіе, родные лики, которые заставятъ

насъ вновь молиться, которымъ мы сможемъ повѣрить всю нашу тоску, всю нашу душевную муку.

Пусть наши храмы снова сдѣлаются, какъ первымъ христіанамъ, мѣстомъ отдыха, братской любви и братской простоты, и пусть въ каждой бездѣлкѣ нашего церковнаго служенія наши отдаленные потомки увидятъ ту же лучистость души, сіяніе духа, какую мы чувствуемъ въ кельи смиреннаго Беато Анжелико, на колѣняхъ писавшаго своихъ кроткихъ мадоннъ.

Е. Кузьминъ.

Если не поранена рука человѣка, онъ можетъ коснуться змѣинаго яда—не опасенъ ядъ здоровой рукѣ; лишь для того безвредно зло, кто самъ не творитъ зла.

Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ и не убивай и не причиняй страданія.

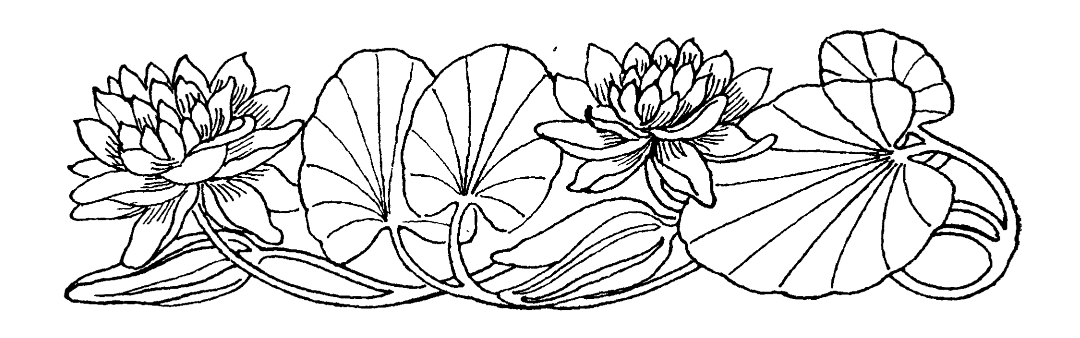
Только тотъ поучающій, который сумѣлъ обуздать самого себя, можетъ побѣдить другихъ, ибо всего труднѣе побѣдить себя самого.

Лишь того назову я вѣрнымъ возничимъ, кто сдерживаетъ свой гнѣвъ, несущійся подобно стремительной колесницѣ; другіе же, безсильные, только держатся за поводья.

Побѣждай ярость любовью, отвѣчай добромъ на зло, скупость побѣждай щедростью, лжеца словомъ правды.

Ибо не ненавистью побѣждается исходящіе изъ ненависти, оно угашается любовью: таковъ вѣчный законъ.

„(Изъ Дхаммапады").

Исторія Года.

Глава III *).

Слѣдующій большой праздникъ рожденія—праздникъ Любви. Онъ приходитъ въ круговоротѣ года черезъ четыре дня послѣ Посвященія.

Вотъ описаніе части этой Церемоніи, какъ она записана ученикомъ, присутствовавшимъ сознательно во время ея совершенія.

„Сегодня весь чертогъ, гдѣ происходитъ церемонія, окрашенъ зеленымъ и пурпуромъ. Большая рѣка, протекающая изъ конца въ конецъ и часто невидимая для глаза, на этотъ разъ совсѣмъ открыта. Она напоминаетъ тихую луговую рѣку, окаймленную высокими травами, какую можно видѣть лѣтомъ въ прохладной странѣ.

„Камыши и тростники возвышаются надъ травами, словно группы стройныхъ привидѣній. Всѣ стѣны горятъ драгоцѣнными камнями, которые сами собой складываются въ слова для тѣхъ, кто способенъ читать.

Снаружи тѣснится толпа, ожидающая войти. Это мѣсто, которое мы зовемъ „Чертогъ Обученія“, стоитъ посреди большой, широкой, призрачной страны, гдѣ очень трудно подвигаться впередъ такъ сильно смущаютъ путника непрестанно движущіяся тѣни. Тѣни эти появляются и исчезаютъ, и приводятъ идущаго въ странное замѣшательство.

Въ этомъ смутномъ смѣшеніи тѣней трудно увидать Чертогъ Обученія, несмотря на всю его обширность. Но это только вначалѣ; когда разъ увидишь его, онъ будетъ виденъ всегда, ярко освѣщенный, исключая только одного момента, когда совершается

*) См. „Вѣстн. Теософіи“ № 2, стр. 53.

церемонія, о которой была уже рѣчь, названная нами „Переживаніе Ужаса“. Въ остальное время Чертогъ наполненъ такимъ сіяніемъ, равнаго которому не найти во всемъ мірѣ. Это—свѣтъ познанія. При входѣ—длинный рядъ ступеней, которыя иной разъ кажутся горами, а иной разъ сглаживаются въ ничто. Бываетъ, что проходитъ такъ много времени, пока ученикъ поднимется на одну лишь ступень, что когда онъ достигнетъ до входа, дверь оказывается закрытой и войти уже нельзя. Но даже если дверь стоитъ и полуоткрытой, она поддается такъ тяжело, что совсѣмъ раскрыть ее чрезвычайно трудно. На тѣхъ учениковъ, которымъ удается войти, немедленно набрасывается покрывало, чтобы глаза ихъ не ослѣпли отъ свѣта, а слухъ не погибъ навсегда для земныхъ звуковъ, разъ до него коснется невыразимая сладость музыки этого внутренняго міра.

„Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ формулы Церемоніи Любви:

„Любовь есть единый властелинъ,
„Единый повелитель,
„Единый творецъ.

„Ненависть и Сатана—одно: Мятежникъ, производитель смутъ, разрушитель.

„Дѣйствіе любви—милосердіе.
„Дѣйствіе ненависти—злоба.

„У любви лишь одно наказаніе для грѣшника, наказаніе это—*Прощеніе*.

„Жить сообразно закону любви—мы знаемъ это—въ тысячу разъ труднѣе, чѣмъ жить по закону ненависти: настолько же, на сколько труднѣе быть божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ.

„Ради этого великаго усилія мы жертвуемъ собою и обязываемся соединиться воедино для осуществленія его. Ибо въ одиночествѣ это не выполнимо.

„Жить сообразно закону любви означаетъ, прежде всего, принятіе всякаго зла за добро. Этимъ принятіемъ, совершеннымъ въ духѣ любви, зло преобразуется въ добро. Преображенію зла въ добро какъ въ собственной душѣ, такъ и въ душѣ другихъ, а также въ дѣлахъ земной жизни мы посвящаемъ себя. Этому усилію любви мы отдаемъ себя на все время, пока длится жизнь наша. Отнынѣ мы не будемъ избѣгать зла. Любовью мы преобразимъ его. Любя его, мы дѣлаемся частью творческаго начала (ко-

торое есть Любовь), слѣдовательно облекаемся властью давать всему, что любимъ, новую жизнь.

„Потоки Любви смываютъ всякую порчу.

„Потоки любви разрушаютъ всѣ преграды, ихъ сила, являющаяся частью движенія вѣчной Жизни, и ихъ стремительность уносятъ всѣ временныя соединенія и разрушаютъ ихъ. Они увлекаютъ человѣка въ глубину великаго центра Любви, и все менѣе важное остается—какъ не имѣющее значенія—по сторонамъ потока. „Тотъ, кто въ состояніи погрузить хотя бы ноги или руки въ этотъ потокъ, уже получаетъ силу встрѣчать лицомъ къ лицу Жестокость земной жизни и презирать ее, страдая при этомъ въ тысячу разъ болѣе тѣхъ, кто ни разу не слыхалъ о Водахъ Жизни и никогда не приближался къ нимъ.

„Но кто способенъ *весь* погрузиться въ нихъ, тотъ переходитъ въ такое состояніе, когда міръ и вся его жестокость уже не могутъ болѣе затронуть его".

Тотъ же ученикъ, который записалъ выше изложенное, на слѣдующій годъ проникъ одной степенью далѣе въ Мистеріи, и тогда Чертогъ предсталъ передъ нимъ въ совершенно другомъ видѣ.

„Чертогъ обученія казался совершенно бѣлымъ. Можно бы подумать, что полъ покрытъ бѣлымъ бархатомъ, если бы всѣ поверхности не имѣли того же вида, словно всѣ онѣ были засыпаны снѣгомъ, который и придавалъ всему эту странную глубокую бѣлизну. Но холода не могло быть, иначе бы вдоль стѣнъ не стояли бѣлыя лилія, стройныя и высокія, въ ростъ человѣческій.

„Многіе изъ присутствующихъ видятъ Чертогъ, повидимому, совершенно инымъ, и я никогда не видалъ его ранѣе въ такомъ видѣ. Для меня нѣтъ болѣе той сверкающей игры цвѣтовъ, которую я всегда видѣлъ здѣсь ранѣе.

„Бѣлизна эта появляется, когда миръ любви снизошелъ въ сердце, когда любовь сдѣлалась абсолютно безкорыстной. То—чистота любви, которая дѣлаетъ ее совершенной, но чистота не въ смыслѣ аскета, который даромъ растрачиваетъ предоставленную ему природой возможность пройти черезъ весь подготовительный опытъ, но въ смыслѣ оккультиста, который хорошо знаетъ, до какой степени мало имѣетъ значенія та форма, въ которой любовь проявляется въ земномъ мірѣ, пока она по сущности своей остается безкорыстной.

„Цвѣтъ въ этихъ церемоніяхъ указываетъ на разрядъ вибрацій, на которыя мысль и чувство ученика способны отзываться;

такимъ образомъ каждый, понимающій языкъ красокъ, знаетъ опредѣленно по тому, *что̀* видитъ передъ собой, въ *какомъ мѣстѣ* Божественнаго порядка онъ стоитъ. И тотъ же языкъ складываетъ для присутствующихъ *ту* формулу, какую каждый изъ нихъ въ состояніи понять и принять.

„Безкорыстіе создаетъ кристальное качество, которое угашаетъ живую окраску цвѣтовъ и драгоцѣнныхъ камней, подобно тому, какъ при чрезвычайно сильномъ солнечномъ свѣтѣ блѣднѣетъ яркость цвѣтовъ.

„Получить нѣкоторое понятіе объ этой бѣлизнѣ возможно только тогда, когда сердце раскрылось не только для тѣхъ, кто ему приноситъ радость, но и для всего большого печальнаго міра, и даже для той его части, одно воспоминаніе о которой вызываетъ боль и томленіе.

„Драгоцѣнные камни, которыя я ранѣе видѣлъ сверкающими по стѣнамъ Чертога съ переливами самоцвѣтнаго блеска, сегодня подобны звѣздамъ или же очамъ, исполненнымъ свѣта. Виднѣющійся по ту сторону алтаря садъ, который я всегда видѣлъ наполненнымъ роскошно окрашенными цвѣтами, сегодня сіяетъ сплошной бѣлизной и производитъ впечатлѣніе снѣга — странно призрачное впечатлѣніе, когда знаешь, что все кругомъ согрѣто тепломъ.

„Я не вижу никого, все пространство кажется мнѣ пустымъ, и въ то же время я чувствую вокругъ себя присутствіе большой, трепещущей толпы. Мнѣ ка̀жется, что я слышу біеніе многихъ сердецъ и знаю, что всѣ они исполнены однимъ желаніемъ, оживлены единымъ стремленіемъ.

„Я нашелъ моего Учителя въ саду, я услыхалъ его слова: „Кто разъ увидалъ эту бѣлизну, которую вы видите сегодня передъ собой, или кто только слышалъ о ней съ пониманіемъ, тотъ уже не можетъ оставаться по прежнему въ лѣнивомъ нерадѣніи, которое дѣлаетъ изъ міра мѣсто печали. И если бы тотъ, кто видѣлъ эту бѣлизну или кто слышалъ о ней, даже захотѣлъ отказаться отъ битвы и стать снова какъ другіе, это оказалось бы невозможнымъ. Духъ пробудился и долженъ работать и бороться до конца безъ отдыха и безъ перерыва, кромѣ глубокаго сознанія, которое поддерживаетъ его невредимымъ въ водоворотѣ бурь и скорбей, ибо въ его глубинѣ пребываетъ благоговѣйный, безпредѣльный покой“.

Перев. *Е. П.*

Сатурнъ.

Посвящается Мих. Ал. Эртелю.

На тверди видимой алмазно и лазурно
Созвѣздій медленныхъ мерцаетъ блѣдный свѣтъ,
Но въ небѣ времени снопы иныхъ планетъ
Несутся кольцами и въ безднахъ гибнутъ бурно.
Пусть темной памяти источенная Урна
Ихъ пепелъ огненный развѣяла какъ бредъ—
Въ седмичномъ кругѣ дней горитъ ихъ бѣглый слѣдъ...
О пращуръ Лунъ и Солнцъ—вселенная Сатурна!
Гдѣ ткало въ дымныхъ снахъ сознаніе-паукъ
Живыя ткани тѣлъ, а тѣло было звукъ;
Гдѣ лился музыкой, непознанной для слуха,
Творящихъ числъ и воль мерцающій потокъ;
Гдѣ въ горькомъ сердцѣ тьмы сгущался звѣздный сокъ,
Что темнымъ языкомъ лепечетъ въ венахъ глухо...

Максимиліанъ Волошинъ.

Призывъ.

(изъ Ланжери).

Гдѣ жъ были звѣзды, планеты,
Свѣточи дальнихъ міровъ
Въ безднѣ безбрежныхъ вѣковъ
Темью слѣпою одѣты?
Можно-ль таиться Лучу?
Вашихъ признаній хочу,
Тайнъ неразгаданныхъ свѣты!

Неба лазурнаго сводъ —
Отблескъ заката лиловый,
Вѣчными красками новый,
Въ сердцѣ поэта живетъ.
Радостной тихой бесѣдой
Правду святую повѣдай:
Гдѣ же ты былъ, небосводъ!

Вы, плодоносныя воды,
Въ васъ существа рождены,
Вы мнѣ отвѣтить должны,
Соки обилья природы,
Слезы предвѣчныхъ идей,
До сотворенья морей
Гдѣ вы покоились, воды?

Гдѣ жъ были вольныхъ вѣтровъ
Шелесты, бури, метели,
Свѣдать бы, чѣмъ вы владѣли
Въ лонѣ предвѣчныхъ основъ!
Сущности ваши почуя,
Съ вами, о вѣтры, лечу я
Въ область невѣдомыхъ сновъ!

Свѣтъ разлитой по вселенной,
Свѣтъ и небесъ и земли,
Жажду души утоли.
Буду мечтой вдохновенной
Вѣчно съ тобой пламенѣть.
Гдѣ же онъ, гдѣ же отвѣть,
Истины храмъ сокровенный?

Гдѣ же была теплота?
Вешнихъ ростковъ прозябанье,
Алой крови трепетанье,
Спящей природы мечта?
Таянье блѣднаго снѣга,
Лицъ зарумяненныхъ нѣга
Пышная розъ красота?

Гдѣ же таились вы, звуки,
Грознаго грома раскатъ,
Пѣсенъ таинственный ладъ

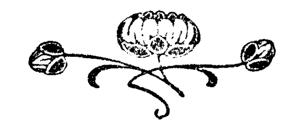
Чаянья, ужасы, муки?
Въ глуби-ль густыхъ облаковъ,
Въ хорѣ-ль живыхъ голосовъ?
Гдѣ пробудились вы, звуки?

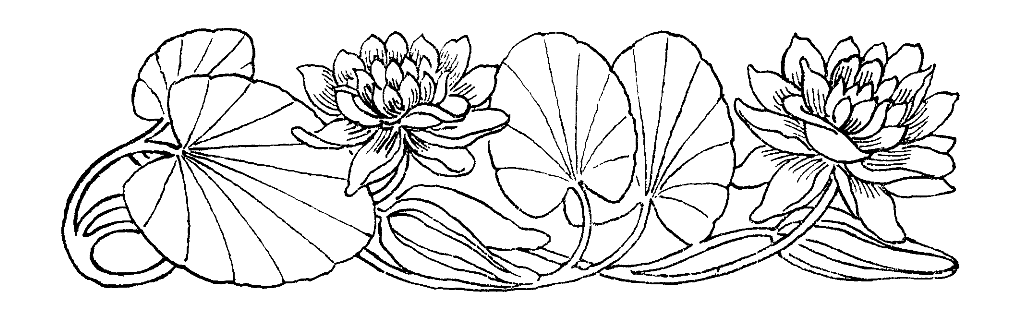
Солнце, отвѣтишь ли мнѣ?
Ты, озарившее земли,
Жаркимъ моленьямъ внемли:
Какъ ты таилось во снѣ,
Скрытое въ безднѣ глубоко,
Сущаго вѣщее око?
Солнце, отвѣтишь ли мнѣ?

Ахъ! слабый умъ человѣка
Можетъ ли онъ уловить
Тайную тонкую нить,
Ту, что связуетъ отъ вѣка
Всю безконечность міровъ?
Сброситъ ли бремя оковъ
Умъ, слабый умъ человѣка?

Всѣ вы, Начала Всего,
Власти Ума Мірового,
Гдѣ вы таились до Слова,
Давшаго намъ естество?
Къ вамъ я взываю мольбою,
Въ вашемъ отвѣтѣ построю
Смыслъ существа своего.

Б. Ф.

Теософія въ Англіи.

Въ 1878 г., три года спустя послѣ основанія Теософическаго Общества, въ Англіи была образована первая Теософическая Ложа (Лондонская Ложа), сдѣлавшаяся Британскимъ Отдѣломъ Теософическаго Общества. Первый президентъ этой ложи былъ м-ръ С. С. Массей, а первый секретарь миссъ Кислингбури. При открытіи этой ложи 27 іюля 1878 г. присутствовали всѣ семь членовъ: (С. С. Массей, д-ръ С. Картеръ, Блэкъ, д-ръ Жоржъ Вайлдъ, д-ръ Ж. Биллингъ, миссъ Кислингбури), а также Ж. Коббъ, представитель президента Г. Олькоттъ. Эта древнѣйшая изъ всѣхъ англійскихъ ложъ пережила всѣ перипетіи и треволненія О-ва. Изъ нея со временемъ выросла обширная Британская Секція, къ которой позже примкнули теософическіе кружки на континентѣ, совмѣстно образовавъ такъ-называемую Европейскую Секцію Теософическаго Общества. Это объединеніе совершилось въ 1890 году, когда Е. П. Блаватская уже работала въ Англіи. Съ 1890 года по 1903 годъ существовали только двѣ секціи: Азіатская и Европейская, къ которой примыкали и Американскіе кружки и кружки, образовавшіеся въ Австраліи и въ Южной Африкѣ.

На Европейскомъ съѣздѣ въ Лондонѣ (1903 года) предсѣдательницей, Анни Безантъ, было предложено образовать Федерацію Европейскихъ Секцій, такъ какъ во многихъ странахъ работали уже многочисленные кружки и было желательно, чтобы работа шла совершенно самостоятельно, сообразно историческимъ условіямъ и національнымъ особенностямъ.

Предложеніе было принято. Каждая страна, въ которой работало не менѣе 7 центровъ, могла выработать свой собственный уставъ, вести дѣло по симпатичнымъ ей линіямъ и, выбравъ своего представителя (sécretaire-général), примкнуть, какъ автономное

цѣлое, къ Европейской Федераціи. Тѣ страны, въ которыхъ не было еще столько центровъ и въ которыхъ потребность въ организаціи не назрѣла, могли или примкнуть, какъ отдѣлы, къ Британской Секціи (такъ сдѣлали Испанія, Бельгія, Южная Африка) или продолжать работать индивидуально, внѣ оффиціальной связи съ міровымъ движеніемъ. Такое положеніе продолжается и нынѣ.

Въ тотъ же (1903) годъ было рѣшено устраивать ежегодно Европейскіе Конгрессы въ одной изъ Секцій. Въ 1904 году былъ конгрессъ въ Амстердамѣ; въ 1905 г.—въ Лондонѣ; въ 1906 г.—въ Парижѣ; въ 1907 г.—въ Мюнхенѣ. Послѣ Мюнхенскаго съѣзда рѣшено созывать конгрессы каждые два года, такъ какъ практика показала, что за годъ Секціи очень трудно подготовиться къ Съѣзду. Слѣдующій конгрессъ назначенъ въ 1909 году въ Буда-Пештѣ, въ новой Венгерской Секціи.

При общемъ подъемѣ и воодушевленіи, вызванныхъ единствомъ духовныхъ стремленій, Международные Съѣзды, на которыхъ представлены столь различныя страны и рѣчи говорятся на столь разныхъ языкахъ, имѣютъ какъ-будто какое-то особое символическое и пророческое значеніе. Не говорятъ-ли они намъ о томъ времени, когда всѣ народы заключатъ братскій союзъ между собой и вмѣсто войнъ и вражды настанетъ эпоха дружной, совмѣстной работы на благо всего міра?

Въ настоящее время Британская Секція имѣетъ 45 ложъ и 15 примыкающихъ къ ней центровъ. Англійскіе кружки вступаютъ между собой еще въ болѣе тѣсные союзы. Такъ 14 Лондонскихъ ложъ образовали Лондонскую Федерацію. Сѣверные города образовали Сѣверную Федерацію; въ южномъ краѣ дѣйствуетъ Южный Союзъ и т. д. Каждая такая Федерація имѣетъ свой ежегодный маленькій съѣздъ, на который съѣзжаются и представители другихъ союзовъ. Такимъ образомъ, поддерживается самое живое общеніе между различными центрами теософическаго движенія.

Теософическая работа носитъ разнообразный характеръ, смотря по тому въ какой мѣстности она ведется и изъ кого данная группа состоитъ, но нигдѣ можетъ быть не существуетъ такого разнообразія въ этомъ отношеніи, какъ въ Англіи; каждый кружокъ почти имѣетъ свою совершенно особую, индивидуальную физіономію. Есть кружки, увлеченные задачами искусства; они изучаютъ исторію искусства и задачи эстетики въ свѣтѣ Теософіи. Есть другіе кружки, для которыхъ главный интересъ Теософіи заключается въ ея научной сторонѣ (такихъ кружковъ много, но особенно выдается въ этомъ отношеніи Эдинбургская ложа). Дру-

гіе кружки интересуются задачами общественными (ложи въ Манчестерѣ, гдѣ большинство членовъ—рабочіе). Цѣлый рядъ кружковъ разрабатываетъ вопросы философскіе и религіозные, изучаетъ иностранную литературу и старается поближе познакомиться съ психикой другихъ народовъ. Въ одномъ такомъ кружкѣ (въ Шеффильдѣ) прошлая зима была посвящена изученію русской литературы. Особенный интересъ возбудилъ Достоевскій. Нѣкоторые кружки увлекаются изученіемъ психическихъ силъ и собираютъ цѣнный матеріалъ по этому вопросу, но нигдѣ никогда не сеансируютъ *). Единственные эксперименты, которые практикуются, касаются области телепатіи, при чемъ опыты тщательно обставляются и производятся по извѣстному плану въ кругу людей хорошо другъ другу извѣстныхъ и при самомъ тщательномъ контролѣ.

Есть кружки больше всего заинтересованные духовными вопросами; они изучаютъ религіозный эзотеризмъ и интересуются всѣми духовными теченіями времени. Такой одухотворенный центръ съ особымъ, глубоко-религіознымъ настроеніемъ, представляетъ собою мѣстечко Гаррогэтъ. Маленькій провинціальный городокъ, недавно выстроившій первый свой театръ, и не представляющій ничего интереснаго ни въ торговомъ, ни въ ученомъ отношеніи (единственно чѣмъ онъ славится, это цѣлебныя воды, на которыя въ августѣ съѣзжается довольно много народа), основалъ 15 лѣтъ тому назадъ маленькую ложу, изъ которой выросла одна изъ самыхъ замѣчательныхъ группъ работниковъ-теософовъ въ Англіи. Гаррогэтъ—центръ Сѣверной Федераціи.

Объѣзжая въ этомъ году всѣ британскія ложи, Президентъ Теософическаго Общества, Анни Безантъ, призывала теософовъ къ той глубокой духовной работѣ, которая должна всюду привести къ преображенію жизни и къ возрожденію общества. Она также указывала на то, что Теософы должны стремиться къ сближенію съ другими духовными теченіями, которыя, узнавъ ближе Теософію, будутъ смотрѣть на нее, какъ на друга.

Подъ вліяніемъ этого горячаго призыва, Лондонскія ложи въ этомъ году пригласили къ себѣ лекторами рядъ выдающихся христіанскихъ проповѣдниковъ (Rev. Dr. Cobbe, Mr. Lilley, Rev. Mr. Voysey, Rev. Mr. Campbell) **). Произошелъ оживленный

---

*) Теософы индивидуально могутъ, конечно, заниматься медіумизмомъ, но кружки теософическіе никогда не пользуются этимъ опаснымъ методомъ изслѣдованія.

**) Авторъ талантливой книги: „Новое Богословіе", надѣлавшей много шума въ Англіи.

обмѣнъ мнѣній по духовнымъ вопросамъ и въ результатѣ, естественно, явилось сближеніе. Послѣдствія сближенія не замедлили обнаружиться, и въ нѣсколькихъ философскихъ и духовныхъ журналахъ появились интересныя статьи представителей Христіанской Церкви, въ которыхъ религіозные вопросы разбираются въ свѣтѣ той широкой терпимости, которая является естественнымъ послѣдствіемъ серьезнаго изученія эзотеризма, т. е. глубокаго теософическаго проникновенія въ религіозныя истины. Пока человѣкъ держится буквы, онъ видитъ однѣ формы, въ которыя облекаются различныя религіозныя ученія, и приходитъ къ убѣжденію, что между ними нѣтъ ничего общаго. Когда-же онъ проникаетъ въ сокровенный смыслъ ихъ, то ему раскрывается поразительное тожество ученій, скрытыхъ подъ столь различными покровами; тогда чужія религіи перестаютъ быть для него опасными соперницами и дѣлаются дорогими сестрами, къ которымъ онъ относится не съ подозрительностью и враждой, а съ нѣжной любовью. Онъ знаетъ, что всѣ религіи—дѣти Премудрости Божьей, всѣ родныя сестры.

Среди Лондонскихъ теософическихъ ложъ есть оригинальная ложа Аллана и Бесси Лео, изучающая астрологію, съ точки зрѣнія Теософіи. Ораторскій талантъ и серьезныя знанія А. и Б. Лео привлекаютъ многочисленныхъ членовъ. Они издаютъ журналъ: „Modern Astrology".

Есть также въ Британской Секціи теченіе чисто интеллектуальное, сильно окрашенное позитивизмомъ. Оно группируется вокругъ личности г. Синнетта *), автора эзотерическаго буддизма, и относится въ высшей степени скептически къ духовно-религіозной работѣ Теософическаго Общества.

Наиболѣе дѣятельныя ложи: Гарогэт'ская, Эдинбургская и многочисленная и богатая ложа имени Блаватской въ Лондонѣ. Недавно образовалась въ Лондонѣ новая ложа Н. Р. В. (сокращеніе имени Е. П. Блаватской) и выработала интересную программу, обнимающую вопросы религіозные и задачи искусства.

При ложѣ имени Блаватской, являющейся центромъ всей Британской Секціи, есть большое помѣщеніе **) для лекцій, библіотека и читальня, въ которой члены могутъ отдохнуть, выпить чаю и спокойно поработать въ уютной и симпатичной обстановкѣ. Здѣсь же есть маленькая пріемная для гостей, кабинетъ секретаря и канцелярія.

*) Президентъ London Lodge, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ О-ва.

**) Albemarle str., 28.

Въ этомъ году Британской Секціей предпринято нѣсколько интересныхъ научныхъ и библіографическихъ изслѣдованій; наиболѣе интересна работа союза, во главѣ котораго работаетъ Mrs. I. Куперъ-Оклей.

Этотъ союзъ задался цѣлью объединить работу по вопросамъ миѳологіи, исторіи, философіи и мистицизма во всѣхъ странахъ, гдѣ работаютъ теософы. Одновременно въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ теософы дѣлаютъ изслѣдованія какого-нибудь интереснаго вопроса и стараются проникнуть въ старые архивы и библіотеки.

Весь добытый матеріалъ пересылается Mrs. Куперъ-Оклей, которая дѣлаетъ общую сводку. Предполагается періодическое изданіе, которое будетъ выходить 4 раза въ годъ и въ которомъ будетъ даваться этотъ интересный матеріалъ.

Изъ 47 теософическихъ журналовъ 18 выходятъ на англійскомъ языкѣ.

Только-что пришедшій изъ Индіи журналъ даетъ свѣдѣнія о путешествіи Mrs. Анни Безантъ по Индіи, о Теософическомъ съѣздѣ въ Бенаресѣ и о торжествѣ въ Адіарѣ по случаю открытія памятника умершему президенту Г. С. Олькотту, работы Индусскаго художника Говинда Пиллай. Въ своей рѣчи, произнесенной по этому случаю, Анни Безантъ напомнила собравшимся, что до своей теософической дѣятельности Генри Олькоттъ былъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ Америкѣ, стяжавшимъ себѣ всеобщее уваженіе и любовь своимъ безкорыстіемъ, честностью и прямотой. Этому обстоятельству А. Безантъ придаетъ большое значеніе: высокая, духовная работа требуетъ подготовку и дисциплину, которыя даются исполненіемъ задачъ практическихъ. Не блестящія рѣчи и не мечты подготовляютъ духовныхъ вождей, а активное отношеніе къ жизни, напряженный, серьезный трудъ на благо всѣхъ. Совершеннымъ исполненіемъ своего долга въ настоящемъ мы готовимъ себѣ высшія возможности и высшій долгъ въ будущемъ.

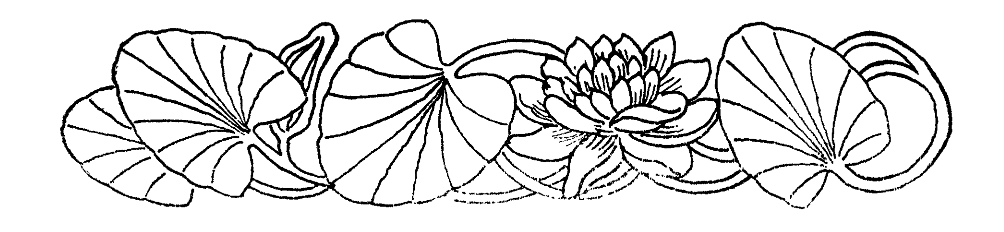
— -

Нынѣшній годъ обнаруживаетъ подъемъ настроенія и дѣятельности во всѣхъ секціяхъ Теософическсго Общества. Въ Англіи создался особый комитетъ (Bureau of Theosophical Activities), имѣющій 4 отдѣла: 1) Отдѣлъ пропаганды, взявшій на себя вы-

работку плана лекцій, которыя должны познакомить неподготовленную публику съ основнымъ положеніемъ теософіи, и подготовляющій группу лекторовъ, которые по желанію любого города или кружка будутъ всегда готовы организовать теософическія лекціи. 2) Отдѣлъ прессы, который будетъ слѣдить за періодической печатью, отмѣчать интересныя и близкія Теософіи по духу теченія и по возможности систематически знакомить общество съ теософическими идеями. 3) Отдѣлъ гостепріимства, поставившій себѣ цѣлью встрѣчать и устраивать пріѣзжихъ, знакомить ихъ съ мѣстными достопримѣчательностями, всячески помогать имъ и вводить въ курсъ теософическаго дѣла. 4) Отдѣлъ корреспонденціи, взявшій на себя переписку съ новыми членами, живущими вдали отъ центровъ, а также со всѣми, кто заинтересованъ Теософіей и желаетъ получить отвѣтъ на свои вопросы.

При такихъ условіяхъ является страннымъ утвержденіе, неоднократно высказываемое нѣкоторыми органами печати, что міровое Теософическое движеніе является будто бы носителемъ „теоретической Теософіи“ въ противоположность другой „практической Теософіи“. Внимательное чтеніе хотя бы одного нашего февральскаго номера (статья „Теософія въ Индіи“), указывающаго на работу цѣлой секціи, занятой задачами народнаго образованія, должно въ корнѣ уничтожить это недоразумѣніе. Мы твердо вѣримъ, что современемъ Теософія, озаряя всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, непремѣнно преобразитъ всю жизнь и создастъ новую культуру, но ей должна предшествовать работа мысли—этого „вѣчнаго ткача жизни“ по прекрасному выраженію А. Безантъ. То, что выливается въ опредѣленныя формы въ мірѣ физическомъ, есть лишь кристаллизація творческой силы мысли въ мірѣ духовномъ. Чѣмъ сильнѣе, ярче и глубже будетъ эта работа духовная, тѣмъ благороднѣе и прекраснѣе будутъ формы жизни, въ которыя современемъ онѣ выльются. Глубокое пониманіе Теософіи не позволяетъ дѣлать разрыва между мыслью и дѣломъ, какъ это дѣлаетъ позитивистическое умозрѣніе: мысль и дѣло—одно дерево; мысль—это невидимый корень, дѣло—это его видимые стволъ и вѣтви. Чѣмъ здоровѣе и крѣпче корни, тѣмъ сильнѣе будетъ дерево. Теософія насъ учитъ понимать, что самая важная работа для человѣчества происходитъ въ нѣдрахъ духа. Только то, что выношено и выстрадано въ этихъ нѣдрахъ, будетъ имѣть цѣну и значеніе для будущаго всего человѣчества.

Alba.

Изъ литературной теософической жизни.

Въ „Revue Théosophique“ (Lotus bleu) есть интересная статья г-жи Куперъ-Оклей о мистическихъ теченіяхъ на Западѣ, являющихся предшественниками Теософіи; она озаглавлена: „Précurseurs théosophiques en Occident“.

Древняя мудрость или Теософія, говоритъ авторъ, имѣла во всѣ времена своихъ апостоловъ и своихъ учениковъ. Она именовалась различно, но суть ея была всегда та же. Католическая церковь враждебно относилась къ мистикамъ, свободно толковавшимъ религіозныя истины и отказывавшимся отъ догматическаго пониманія христіанства. Она видѣла въ нихъ опасныхъ вольнодумцевъ, подкапывавшихся подъ ея основы, и, окрестивъ ихъ „еретиками“, она жестоко ихъ преслѣдовала. Это было вполнѣ естественно въ такое время, когда даже чтеніе библіи было запрещено подъ страхомъ отлученія отъ церкви и когда Папа Гонорій III (XIV в.) проклиналъ всѣхъ, кто думалъ иначе, чѣмъ ортодоксальная церковь. „Мы предаемъ вѣчному проклятію, говорится въ одной его энцикликѣ, Катаровъ, Патареновъ, Леонистовъ, Сперонистовъ и Арнолдистовъ, а также всѣхъ еретиковъ обоего пола, какимъ-бы именемъ они ни назывались...“ За проклятіями и отлученіемъ шли пытки и казни.

Но, несмотря на эти страшныя гоненія, мистическія традиціи продолжали жить въ Европѣ и подъ разными наименованіями переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Послѣ гностиковъ, сыгравшихъ яркую роль въ исторіи христіанства первыхъ вѣковъ, каждое столѣтіе рождало какое-нибудь новое мистическое теченіе имѣвшее свои школы и своихъ послѣдователей.

Въ VII вѣкѣ: Павликіяне.

Въ X вѣкѣ: Богомилы.

Въ XI вѣкѣ: Катары и Патарены, осужденные Римомъ, ведущіе свое начало отъ Манихеевъ; Павликіяне, обладавшіе тѣмъ же преданіемъ и точно такъ же подвергавшіеся гоненіямъ; Родосскіе и Мальтійскіе рыцари; мистическое направленіе среди схоластиковъ.

Въ XII вѣкѣ: Альбигойцы, происшедшіе вѣроятно отъ Манихеевъ, поселившихся въ Альбѣ; всѣмъ извѣстные Рыцари Храма или Храмовики; сильно распространившіеся въ Италіи Катары; Герметисты.

Въ XIII вѣкѣ: братство Винкелеровъ; Апостольскіе христіане; Бегарды и Бегинки; Братья и Сестры Свободнаго Духа; Лолларды; Альбигойцы; Трубадуры.

Въ XIV вѣкѣ: Хезихасты, предшественники Квіетистовъ; Божіи Друзья, нѣмецкіе мистики и ихъ вождь Николай Базельскій; Іоганнъ Таулеръ; Христіанъ Розенкрейцъ; Темпліеры; Фратичелли.

Въ XV вѣкѣ: Братья Свѣта (Fratres Lucis) во Флоренціи и Академія Платона; Общество Алхимиковъ; Орденъ Rex Physicorum; Темпліеры; Богэмскіе братья или Unitas Fratrum; Розенкрейцеры.

Въ XVI вѣкѣ: Розенкрейцеры; Орденъ Христа, замѣнившій Темпліеровъ; Корнелій Агриппа изъ Неттесгейма и его тайное общество; Святая Тереза; Святой Іоаннъ Креста; Филиппъ Парацельзій; Философы Огня; Орденъ Militia crucifera Evangelica, во главѣ котораго стоялъ Симонъ Студійскій; Мистеріи герметическихъ Учителей.

Въ XVII вѣкѣ: Розенкрейцеры; Темпліеры; Азіатскіе Братья; Квіетисты и Михаилъ Молиносъ; Испанскіе мистики.

Въ XVIII вѣкѣ: Рыцари Свѣта, Fratres Lucis, Розенкрейцеры; Азіатскіе Рыцари и Посвященные братья Іоанна Богослова или Азіатскіе братья, Мартинисты; Квіетисты; Темпліеры; масонскія общества.

Этотъ краткій перечень ясно указываетъ, какъ глубоко въ человѣчествѣ живутъ мистическія традиціи; искоренить ихъ не могутъ ни гоненія, ни церковный догматизмъ, ни догматизмъ матеріалистически настроенной науки.

„Theosophical Review“ сохраняетъ свой ученый характеръ, заслужившій ему названіе Теософическаго университета. Среди статей (The Ladder of the luminous cross, Андерсона, изслѣдованіе гностическихъ ученій о Божествѣ; Сонъ и Время, Седлака; объ Эмоціяхъ, Альбаруси, и др.) выдается талантливая статья Дж. Мида, издателя обозрѣнія. Въ январьскомъ номерѣ онъ далъ очеркъ о Символизмѣ. Взявъ эпиграфомъ для своей статьи изреченіе халдей-

скаго оракула: „Разумъ Отца разсѣялъ символы въ міровомъ пространствѣ“, г. Мидъ даетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ опредѣленій символизма. Символическій языкъ можно назвать „языкомъ о трехъ измѣреніяхъ“ сравнительно съ обыкновенной „плоской рѣчью“. Изъ символизма нельзя сдѣлать „точной науки“; онъ долженъ побуждать умъ къ созданію живыхъ идей, а не вгонять его въ застывшія конфигураціи. Изучая великій языкъ символовъ, нужно сохранять свой умъ свободнымъ, пластичнымъ, гибкимъ. Направляя его по проторенньмъ колеямъ, мы никогда не научимся понимать весь глубокій смыслъ символовъ. Тайна толкованія символовъ въ томъ, чтобы умѣть „погрузить символъ въ свой умъ“ и внутри ума обозрѣвать его со всѣхъ сторонъ, а не „умъ погружать въ символъ“. Космическіе символы—выраженіе творческой энергіи; когда творческія силы дѣйствуютъ, онѣ рисуютъ опредѣленные узоры и проекціи, а не случайные, и эти образы и идеи суть космическіе символы... Истинный символъ есть нѣчто живое, способное сохранять въ себѣ жизненное начало...

Статья полна тонкихъ и глубокихъ мыслей.

Интересна также статья Эджерса о третьей задачѣ теософическаго общества, т. е. объ изслѣдованіи силъ, скрытыхъ въ человѣкѣ. Авторъ убѣжденъ, что всякое искусственное развитіе психическихъ силъ, скрытыхъ въ человѣкѣ, если только этому не предшествуетъ огромная нравственная работа очищенія, ведетъ скорѣй къ пониженію духовности, а не къ увеличенію ея. *Духовность, это осуществленное единство души со всѣмъ, что живетъ и дышитъ.*

Жизнь, полная дѣятельной любви и служенія міру, развиваетъ духовность, а вмѣстѣ, какъ естественное послѣдствіе, и психическія силы. Наоборотъ, одно развитіе психическихъ силъ ведетъ почти всегда къ усиленію эгоизма, слѣдовательно отдаляетъ отъ единства; въ этомъ отношеніи, чѣмъ воля сильнѣе, тѣмъ путь опаснѣе: человѣкъ легко и незамѣтно для себя можетъ подойти къ тому, что оккультизмомъ именуется „черной магіей“. Такимъ образомъ, человѣкъ не только создаетъ себѣ тяжелую карму, но и отрѣзаетъ себѣ путь отъ нормальнаго духовнаго развитія.

Въ „Theosophist“, вступившемъ въ 28-й годъ своего существованія, продолжается изящный разсказъ М. Коллинсъ „Ученица“ и очеркъ N. Девид'а о значеніи слова „Израиль“. Идетъ также статья Смэдд'а объ эмоціяхъ, очеркъ Л. Эппель о современной наукѣ, продолженіе: „Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ“,

д-ра Р. Штейнера и статья А. Безантъ объ оккультной химіи, въ которой даются интересные рисунки атомовъ болѣе тонкой, эфирной матеріи и разсказывается какимъ образомъ эти наблюденія были произведены при помощи ясновидѣнія. „Знакомя читателей съ результатами нашей *) работы, говоритъ Анни Безантъ, мы конечно не считаемъ ихъ еще доказанными, пока они не будутъ подтверждены другими изслѣдователями; но мы надѣемся, что многіе заинтересуются нашей работой, исполненной при помощи того древняго инструмента, который можетъ изслѣдовать то, отъ чего отказываются самыя тонкія научныя орудія, при помощи расширеннаго человѣческаго зрѣнія".

Январьская книга „Theosophsit'a имѣетъ особый интересъ для Теософовъ, такъ какъ въ ней ежегодно печатается отчетъ о всемъ теософическомъ движеніи.

Болгарскій маленькій журналъ „Путь въ тебѣ" вступаетъ во второй годъ своего существованія. Онъ выходитъ маленькими книжечками и посвященъ главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ духовныхъ. Въ послѣднемъ № напечатаны отрывки изъ „Ученія сердца", статья А. Безантъ: „Учителя и ихъ мѣсто въ религіяхъ" Ея же статья объ Исламѣ, Очеркъ Метерлинка „Сокровенная жизнь" и прелестный разсказъ изъ Японской жизни Лафкадіо Херна: „Хару".

Пробывшій долгіе годы въ Японіи профессоръ Хернъ хорошо изучилъ японскую жизнь. Съ любовью и тонкимъ пониманіемъ описываетъ онъ ее. Его изящные очерки не только полны художественной красоты, но они представляютъ собой и цѣнные психологическіе этюды, знакомящіе насъ съ глубокими душевными переживаніями этого удивительнаго маленькаго народа.

Въ январьской книжкѣ „Теософическаго обозрѣнія" помѣщены изящная поэма въ прозѣ М. Коллинзъ „Идилія Бѣлаго Лотоса", отрывокъ изъ „Великихъ посвященныхъ", Шюре (подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи религіи"), и статья Ч. Джанстона „Религія древняго Египта". Журналъ открылъ Дѣтскій отдѣлъ, посвященный вопросамъ воспитанія. Статья Л. Мищенко („Какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей") написана горячо. За ней слѣдуетъ хорошенькая сказка „Я люблю весь міръ". Рыдванъ-Рытвинскій продолжаетъ знакомить насъ съ методомъ изученія международнаго языка эсперанто.

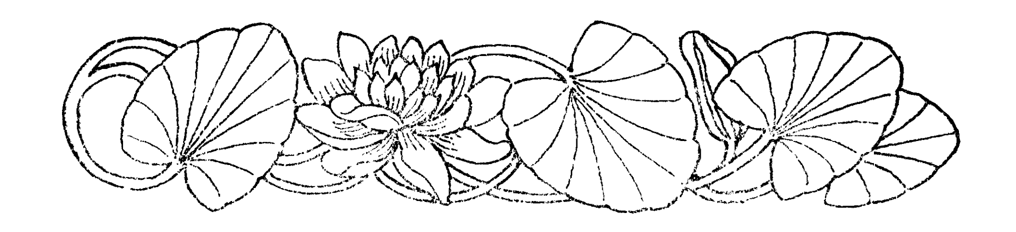
*) Эти изслѣдованія Анни Безантъ дѣлала совмѣстно съ С. Ледбитеромъ.

Вышелъ № 5-й „Теософической жизни“ (органа Смоленскаго Христіанскаго братства). Январьская книжка оповѣщаетъ объ образованіи оккультно-ментальной группы для изученія и практическаго примѣненія духовной силы человѣка. Статья „Ментальная энергія“ всецѣло посвящена этому вопросу. Надо отдать справедливость автору: призывая къ участію въ этой работѣ, онъ указываетъ на чистоту, какъ на основное условіе ея. Ментальная энергія должна служить общему благу—говоритъ авторъ; соединенная молитва всѣхъ членовъ союза будетъ направлена на цѣли высшія. Пожелаемъ отъ всего сердца союзу остаться на высотахъ, имъ намѣченныхъ въ симпатичной статьѣ, и не спускаться въ опасныя низины желаній индивидуальныхъ, на которыхъ такъ часто въ настоящее время сосредоточиваются другіе кружки менталистовъ.

Обращаемъ вниманіе также на опасность образовывать оккультный союзъ, въ который можетъ вступить каждый желающій. Не все равно *кто* вступаетъ въ цѣпь и съ *какими* побужденіями. Духовные союзы, на которые указывается въ статьѣ, всегда заключались между людьми, которые хорошо другъ друга знали и были связаны самыми тѣсными духовными узами.

Alba.

Научное обозрѣніе.

I.

О единствѣ задачъ религіи и науки.

(Выдержка изъ рѣчи академика P. Painlevé).

На одномъ изъ засѣданій филотехническаго общества съ Сорбоннѣ, французскій академикъ P. Painlevé произнесъ рѣчь о единствѣ задачъ истинной религіи и истинной науки. Считая подобное мнѣніе ученаго заслуживающимъ большого вниманія и представляющимъ несомнѣнный интересъ для нашего читателя, мы постараемся вкратцѣ передать содержаніе этой рѣчи.

Между наукой и религіей или вѣрнѣе между истинной наукой и истинной религіей, одушевленными чистымъ духомъ исканія истины, не существуетъ никакого антагонизма; таковой является лишь тамъ, гдѣ царствуютъ поклоненіе буквѣ и кристаллизованное, догматическое знаніе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наука? Потребность познать истинный смыслъ вселенной, каковъ бы онъ ни былъ, ободряющій или устрашающій. Что такое религія? Потребность познать истину относительно нашей судьбы, нашего происхожденія и того мѣста, которое мы занимаемъ въ природѣ. Стремленія эти не противорѣчатъ другъ друга. Ихъ корень тотъ же: это тоска, которая овладѣваетъ человѣкомъ передъ таинственной необъятностью пространства и времени.

Наука и религія — два проявленія страстной человѣческой любознательности.

Одно изъ нихъ обращено къ области не *познаннаго*, но уже освѣщеннаго проблесками ума и разума; другое обращено къ тому, что не *познаваемо* для насъ еще сегодня, стараясь мечтой и интуиціей проникнуть сквозь его темные покровы. Цѣль и источ-

никъ ихъ одинаковы и преграды, якобы стоящія между ними, чистая иллюзія. Вотъ примѣръ неустойчивости такихъ преградъ.

А. Comte утверждалъ, что знаніе строенія звѣздъ абсолютно недостижимо для человѣческаго ума. Нѣсколько лѣтъ спустя открытіе спектральнаго анализа дало возможность съ полной точностью опредѣлить строеніе небесныхъ свѣтилъ.

Въ настоящее время человѣчество лучше знакомо съ ними, чѣмъ если бы оно могло перенестись въ эти отдаленные міры вмѣстѣ со своими ретортами и ступками; ученый ближе знаетъ ихъ, чѣмъ много явленій, къ которымъ онъ въ состояніи прикоснуться рукой. Напримѣръ, на солнцѣ было открыто присутствіе нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ раньше, чѣмъ таковыя были найдены на землѣ. Описанія звѣздныхъ спектровъ ежегодно заполняютъ цѣлые томы астрономическихъ наблюденій. Итакъ, вотъ судьба одного изъ „*непознаваемыхъ*“ А. Comte'а.

Сколько тайнъ, кажущихся намъ непроницаемыми, станутъ ясными нашимъ ближайшимъ послѣдователямъ! Предвидѣть то не далекое время, когда наука и религія, эти два стремленія человѣческой души, пойдутъ рука объ руку, какъ это бывало на зарѣ цивилизацій, совсѣмъ не абсурдъ; религіозное исканіе всегда предшествовало наукѣ, служа ей стимуломъ въ тѣхъ областяхъ, которыхъ она достигнуть еще не могла, но оно всегда бывало готово добровольно уступить ей каждую новую позицію, когда наука прочно завоевывала ее.

Химерично утверждать вѣчную недосягаемость тѣхъ областей, куда нашъ умъ еще не проникъ сегодня. Ошибочно считать непреодолимыми преграды, которыя будутъ разрушены завтра.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Ренанъ упоминаетъ о героѣ кельтической сказки, который, увидѣвъ чудную красавицу во снѣ, принялся искать ее по всему свѣту и умеръ не найдя ея. „Также точно, говоритъ онъ, человѣкъ, который хоть разъ задумался надъ своей судьбой, носитъ въ сердцѣ своемъ стрѣлу, которую вырвать онъ больше не въ силахъ“.

Всѣмъ мыслителямъ, философамъ, ученымъ и религіознымъ людямъ, будь то Паскаль или Галилей, Кантъ или Декартъ, слышался тотъ же властный призывъ. Всѣмъ имъ хотѣлось знать истину, хотя бы „она выжгла имъ глаза“; всѣ они несли одинаковыя муки, переживали одинаковыя страданія.

Наука и религія—не враги; это двѣ сестры, затерявшіяся въ одной и той же темной рощѣ.

За то столкновеніе всегда возможно и даже неизбѣжно между наукой, отрицающей еще непознанное, и догматической вѣрой церкви, эксплоатируемой людьми, которые всячески мѣшаютъ духу развиваться согласно ритму жизни и втискиваютъ его въ узкія рамки, не позволяя никому прикасаться къ нимъ.

Въ концѣ своей рѣчи P. Painlevé призываетъ къ уваженію всѣхъ искреннихъ мнѣній, ибо всякая попытка человѣка приблизиться къ „идеалу", всякое усиліе, сдѣланное имъ въ этомъ направленіи между рожденіемъ и смертью, достойны восхищенія и участвуютъ въ міровомъ движеніи.

Даже среди увлеченія боя и не останавливаясь передъ безплоднымъ сожалѣніемъ о прошломъ, будемъ любить и уважать каждое проявленіе человѣческой мысли, какъ отблескъ чувствительнѣйшаго и прекраснѣйшаго зеркала вселенной.

М. К.

II.

О вліяніи чрезмѣрнаго питанія на организмъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Revue scientifique" (отъ 8 февраля сего года) докторъ Albahary, работающій въ біологической лабораторіи медицинскаго факультета въ Парижѣ, сообщаетъ результаты своихъ наблюденій надъ послѣдствіями чрезмѣрнаго питанія въ дѣтскомъ возрастѣ. На основаніи строго провѣренныхъ опытовъ и установленной современной медициной таблицы цифръ нормальнаго питанія, т. е. того ежедневнаго количества пищи, которое, въ связи съ возрастомъ и вѣсомъ, необходимо для правильнаго развитія и роста организма, авторъ упомянутой статьи приходитъ къ заключенію, что, съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни, ребенокъ получаетъ черезчуръ обильную пищу, съ которой его внутренніе органы справиться не могутъ. Правда, излишекъ пищевыхъ веществъ вызываетъ полноту, но правильная дѣятельность организма слабѣетъ. Такъ, вычислено, что годовалому ребенку, начинающему ходить, вполнѣ достаточно одного литра коровьяго молока въ день и 20 граммовъ жидкой каши изъ муки какого-нибудь хлѣбнаго растенія, разведенной въ 150 граммахъ молока, взятаго изъ того же литра. Подобный режимъ можетъ длиться 6 мѣсяцевъ, т. е. до 18-мѣсячнаго возраста, когда

нормальный вѣсъ опредѣляется въ 10 килогр. 350 граммовъ. При этомъ дѣти вполнѣ здоровы, полнѣютъ и даже выдѣляютъ не использованной часть жировыхъ веществъ. Между тѣмъ, совершенно иное происходитъ на практикѣ, т. е. въ семейной обстановкѣ, ибо родители давно привыкли считать избытокъ пищи залогомъ будущаго здоровья дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, уже на второмъ году жизни, ребенокъ получаетъ вдвое больше того, что его организмъ въ состояніи воспринять съ пользой. Къ указанной порціи прибавляются яйца, молоко дается въ неограниченномъ количествѣ, послѣдствіемъ чего является разстроенное и затрудненное пищевареніе. Одному врачу, Auvard, пришло даже въ голову кормить полуторогодовалыхъ дѣтей дичью, жирными супами, бѣлымъ мясомъ, на что д-ръ Alhahary справедливо замѣчаетъ, что пищевые продукты, получаемые отъ убитыхъ животныхъ, всегда находятся въ болѣе или менѣе выраженной степени трупнаго разложенія, а поэтому заключаютъ себѣ ядовитыя вещества, какъ-то: лейкомаины, птомаины и токсальбумины, содержаніемъ которыхъ особенно богаты такъ называемые мясные экстракты, жирные отвары, супы.

Однако, оставивъ въ сторонѣ теорію доктора Auvard, на которую можно смотрѣть, какъ на кратковременное и модное увлеченіе, вернемся къ той обыденной, т. е. удвоенной порціи пищи, которую принято давать младенцу въ 18-и мѣсячномъ возрастѣ.

Примѣняемый продолжительное время, подобный режимъ вызываетъ слабость, тревожный сонъ, затрудненное пищевареніе. Весь организмъ недомогаетъ. Усталость органовъ смѣняется ихъ вялостью, затѣмъ атрофіей. Такимъ образомъ, сама родительская безпечность какъ бы создаетъ и культивируетъ почву для будущаго артритизма и усиливаетъ съ младенческихъ лѣтъ воспріимчивость организма къ инфекціоннымъ заболѣваніямъ. Въ чрезмѣрномъ питаніи дѣтскаго возраста д-ръ Albahary усматриваетъ причину и многихъ болѣзней взрослыхъ, какъ-то: ожирѣнія, подагры, діабета и пр.

Интересъ этой замѣтки усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что чрезмѣрное питаніе дѣтей является до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ заблужденій воспитательнаго режима запада, а систематическое переѣданіе взрослыхъ—главной причиной неустойчивости организма въ борьбѣ съ болѣзнетворными началами, а также вѣроятной и частой причиной нервности и раздражительности.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одно животное не поглощаетъ такого огромнаго количества разнообразной пищи, какъ человѣкъ; ни въ одной изъ частей земного шара чрезмѣрное питаніе не стало столь обычнымъ явленіемъ какъ въ Европѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ открыть любой учебникъ физіологіи. Такъ, напр., профессоръ Дюваль устанавливаетъ слѣдующую норму для суточнаго питанія взрослаго человѣка: бѣлковъ отъ 115 до 130 гр., жировъ отъ 48 до 50 гр., углеводовъ отъ 350 до 400 гр., солей—30 гр. (и 2—3 литра воды), что составляетъ одинъ фунтъ по заграничному вѣсу, если сложить среднія цифры. Замѣтимъ, что эти цифры подвергаются лишь незчачительнымъ колебаніямъ въ медицинскихъ изслѣдованіяхъ, при чемъ наиболѣе спорна указанная цифра для бѣлковинныхъ тѣлъ. Многіе ученые ее значительно сокращаютъ. Такъ, напримѣръ, Lapicque считаетъ, что для взрослаго человѣка вполнѣ достаточно половины указаннаго количества, т. е. 65 гр. въ день. Правда въ чистомъ химическомъ видѣ человѣкъ пищи не принимаетъ, а изъ растительныхъ веществъ принято думать, что онъ получаетъ только 50 на 100 удобоваримыхъ частей; за то изъ мясной пищи организмъ извлекаетъ почти 100 на 100 частей. Между тѣмъ обычное количество принимаемой человѣкомъ пищи въ 24 часа значительно превышаетъ указанную норму. Согласно установившимся въ Европѣ обычаямъ, завтракъ, обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, хлѣбъ утромъ и вечеромъ, молоко, сливки, сахаръ, шеколадъ, не говоря уже о спиртныхъ напиткахъ, ежедневно принимаемыхъ за каждой трапезой, систематически переполняютъ желудокъ, расширяютъ его, вызывая ложное чувство недоѣданія и пустоты, когда въ него введена только нормальная порція пищевыхъ веществъ. Во многихъ странахъ, напр. въ Бельгіи, въ Англіи, въ Голландіи съ самаго утра принято подавать холодное мясо, яйца и всякія закуски на столъ. Не лишне упомянуть о томъ, что внутренніе органы городскихъ жителей особенно непригодны къ усиленной работѣ, вызываемой чрезмѣрнымъ питаніемъ, вслѣдствіе того, что сидячій образъ жизни и долгое пребываніе въ закрытыхъ помѣщеніяхъ вызываютъ ихъ вялость и малокровіе. Недостатокъ свѣта и физическихъ упражненій отнюдь не можетъ быть пополненъ избыткомъ пищи, ибо маложизненныя ткани не въ силахъ производить быструю и совершенную работу окисленія, ассимиляціи и дезассимиляціи, такъ же точно, какъ испорченная печь, съ вывалившимися кирпичами и плохой тягой, даетъ мало тепла, сколько бы мы ни подкладывали въ нее дровъ; усиленной топкой мы только рискуемъ вызвать пожаръ или окончательно разрушить печь.

Человѣчество подвержено одной мучительнѣйшей болѣзни, исключительно свойственной богатымъ классамъ населенія и особенно распространенной въ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтаютъ торговля и промышленность, какъ то въ Англіи, въ Америкѣ, въ Германіи. Эта болѣзнь носитъ названіе подагры. Кровь людей, заболѣвшихъ этимъ недугомъ, насыщена продуктами черезчуръ обильнаго питанія; не будучи въ состояніи удержать ихъ въ себѣ, она осаждаетъ ихъ въ видѣ солей въ тканяхъ суставовъ, гдѣ кровообращеніе слабѣе и сопротивленіе меньше; тамъ, дѣйствуя какъ посторонния тѣла, эти соли вызываютъ воспалительные процессы, мучительнѣйшіе приступы боли, неподвижность сочлененія. Эта болѣзнь длится годами; поражая постепенно одинъ суставъ за другимъ, она направляется отъ нижнихъ конечностей къ верхнимъ, доходитъ до клапановъ сердца и вызываетъ опасныя для жизни измѣненія и перерожденія этого органа. Дѣти же подагриковъ страдаютъ ранними мигренями, наклонностью къ носовымъ кровотеченіямъ, къ кожнымъ высыпямъ, къ одышкѣ, къ облысѣнію, къ полнотѣ, къ затрудненному пищеваренію.

Такова яркая картина одного изъ наиболѣе частыхъ послѣдствій переѣданія. Въ древности подагра процвѣтала въ Римѣ; въ эпоху 30-ти-лѣтней войны она исчезла, затѣмъ появилась вновь въ Англіи, въ Германіи, въ Бельгіи. Въ учебникахъ патологіи она прямо носитъ названіе „болѣзни имущихъ классовъ".

Не говоря уже о катаррахъ, расширеніяхъ, вялости органовъ, исключительно завѣдующихъ функціей питанія, паразитахъ, гнѣздящихся въ кишечникѣ человѣка вслѣдствіе злоупотребленія имъ мясной пищей *), въ этіологіи множества болѣзней излишества въ пищѣ упоминаются какъ одна изъ частыхъ причинъ ихъ: таковы болѣзни сосудовъ, печени, жировое перерожденіе сердца, желчные камни, полнокровіе, діабетъ, пороки сердца и т. д. Кромѣ того, между большинствомъ патологическихъ явленій существуетъ тѣсная связь. Напримѣръ, водянка часто зависитъ отъ неправильной работы сердца; неправильная же дѣятельность этого органа часто вызывается недостаткомъ его, а пороки сердца въ свою очередь являются не рѣдкимъ послѣдствіемъ подагры или вообще чрезмѣрнаго питанія.

*) Въ 1891 г. д-ръ Гречаниновъ нашелъ глисты у солдатъ, квартировавшихъ въ Новгородѣ въ 75,4% случаяхъ, а д-ръ Губаревъ, производившій свои изслѣдованія среди войска Кавказскаго округа, въ 70 и 80% случаяхъ, смотря по губерніямъ.

Что качество и количество принимаемой пищи играетъ огромную роль —видно хотя бы изъ того общеизвѣстнаго факта, что при инфекціонныхъ, кожныхъ и вообще тяжелыхъ общихъ заболѣваніяхъ больному немедленно предписывается строгій режимъ; его переводятъ на такъ называемую дѣтскую діэту, легкую, молочную. Даже въ хирургіи добрая половина оперативныхъ вмѣшательствъ вызвана присутствіемъ такъ называемыхъ опухолей, наростовъ, природа и этіологія которыхъ еще совершенно темна, а слѣдовательно и роль питанія въ ихъ развитіи далеко не выяснена (несмотря на множество существующихъ теорій, главнымъ образомъ насчетъ злокачественныхъ новообразованій).

Наконецъ, обыденный опытъ учитъ насъ тому, что работоспособность наиболѣе сильна въ утренніе часы, когда желудокъ не обремененъ, или послѣ легкой трапезы. Пріемъ большого количества пищи вызываетъ вялость и сонъ.

Въ противоположность восточнымъ народамъ, всегда соблюдавшихъ большую умѣренность въ пищѣ, въ Европѣ чисто физіологическій процессъ питанія превратился въ одно изъ главныхъ развлеченій и наслажденій жизни.

Между тѣмъ, когда подъ вліяніемъ этическихъ или гигіеническихъ соображеній человѣкъ, привыкшій питаться мясомъ, переходитъ на растительную пищу, или отъ обильнаго къ болѣе легкому столу или отъ гастрономическихъ излишествъ къ строго медицинскому режиму, и когда онъ это дѣлаетъ по своей собственной волѣ, въ силу сознанной имъ самимъ необходимости, то въ очень скоромъ времени онъ начинаетъ замѣчать, что результаты этой перемѣны не соотвѣтствуютъ его предположеніямъ, а именно, хотя пищи онъ поглащаетъ меньше, однако организмъ его крѣпнетъ; чувство сытости или довольства получается при уменьшенной дозѣ вводимыхъ въ кишечникъ веществъ. Отдыхая отъ систематическаго переутомленія, организмъ пріобрѣтаетъ новыя силы, освобождается отъ накопившихся пассивныхъ и ненужныхъ матеріаловъ и медленно возвращается къ нормѣ.

То большое число одутловатыхъ, отекшихъ, ненормально полныхъ лицъ и фигуръ, которое приходится наблюдать въ большихъ центрахъ, является большею частью симптомомъ усиленной и излишней топки усталаго организма.

Не кроется ли въ этой систематически практикуемой почти съ первыхъ часовъ жизни дѣтей ошибкѣ не только причина ихъ нервности и болѣзненности, но и частыхъ случаевъ ранней душевной дряблости и неуравновѣшенности?

Западъ не перестаетъ твердить афоризмъ далекой древности, во времена процвѣтанія котораго слабыхъ дѣтей, какъ не подающихъ надежды сдѣлаться сильными индивидуумами и производителями, сбрасывали съ Тарпейской скалы въ море. Этотъ афоризмъ гласитъ: только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровый духъ. Но, утверждая это, европейцы совершенно упускаютъ изъ вида, что ни тѣло циркового атлета, ни тѣло силача, переносящаго тяжелыя мясныя туши на своихъ плечахъ, ни тѣло гимнаста, профессіональнаго носильщика, большинства спортсменовъ или человѣка, ежедневно поглащающаго ненормальное количество пищи, не можетъ быть названо здоровымъ. Развитіе одного органа или одной ткани всегда идетъ въ ущербъ другимъ. Мышечная сила борцовъ и силачей—ихъ смертный приговоръ; всѣ они умираютъ молодыми отъ болѣзней переутомленнаго сердца.

Поэтому тѣло, т. е. матеріальный остовъ души, не можетъ быть названо здоровымъ, если чрезмѣрнымъ развитіемъ одной или большинства своихъ тканей оно, выражаясь аллегорически, вытѣсняетъ одухотворяющее его начало. Въ такомъ сосудѣ здоровому духу тѣсно. Вмѣстилище остается пустымъ и тяжелымъ, всей своей массой тяготѣющимъ къ землѣ.

Наоборотъ, люди съ сильной духовностью, какъ то апостолы, проповѣдники, пророки всю жизнь странствовали по своей и чужимъ землямъ, легко перенося физическія лишенія и томительный путь по знойнымъ пустынямъ, ибо мощный духъ ихъ повелѣвалъ тѣлу.

Говоря о подчиненіи плоти высшему началу человѣка, мы отнюдь не подразумѣваемъ бичеванія и терзанія ея, а только указываемъ на необходимость гармоническаго и умѣреннаго ея развитія, дабы она, какъ слишкомъ тяжелый балластъ для несущагося къ небесамъ аэростата, не мѣшала его полету.

М. К.

Письма къ читателямъ.

Одинъ изъ моихъ читателей, подписавшійся буквами В. А. К., проситъ сообщить открыто „тѣ сокровенные методы и практическіе пріемы къ освобожденію человѣка, которыми обладаетъ наука *Іога*" *) и желаетъ, чтобы свѣдѣнія эти были даны „въ свѣтѣ современнаго научнаго знанія". Знаетъ ли мой корреспондентъ В. А. К., какую трудную задачу задаетъ онъ „другу читателей"? „Царственная Іога", какъ называютъ этотъ методъ Индусы, ведетъ человѣка на самый верхъ горы, и достигается эта вершина лишь тѣмъ, кто побѣдоносно прошелъ весь путь борьбы и земныхъ испытаній, кто повергъ къ ногамъ своимъ самаго страшнаго и самаго сильнаго изъ всѣхъ враговъ, свое собственное жадное, страстное, жестокое, себялюбивое, тревожное *я*. Но прежде чѣмъ дойти до этой вершины, гдѣ стоятъ Побѣдители, нужно совершить огромный путь борьбы и труда. Правда, „Царственная Іога" указываетъ *какъ* ускорить этотъ путь, но сдѣлать чудо, незрѣлаго человѣка превратить сразу въ сверхчеловѣка, это—не только не-

*) Наука *Раджа-Іога* есть психологическій методъ ускоренія духовнаго развитія, который сообщается ученикамъ восточныхъ оккультныхъ школъ. Рядомъ съ Раджа-Іогой есть другой методъ ускоренія развитія психическихъ силъ, называемый *Хата-Іога*, который дѣйствуетъ путемъ физическихъ процессовъ *снизу* вверхъ, въ противоположность Раджа-Іогѣ, раскрывающей ихъ *сверху*, черезъ пробужденіе и развитіе *духовности*. Хата-Іога практикуется на Востокѣ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ опытнаго наставника. Неправильное примѣненіе этого метода, въ томъ числѣ и глядѣніе въ кристаллы и особый способъ дыханія, рекомендуемый неразборчивыми книгами, можетъ привести къ полному разстройству нервной системы и даже къ сумасшествію. Кромѣ того, этотъ методъ совершенно не вліяетъ на умственное и нравственное развитіе человѣка; можно, благодаря ему, выполнять такъ-называемыя „сверхъестественныя" вещи и оставаться совершенно неразвитымъ и даже злымъ. Желающіе познакомиться съ идеями Раджа-Іоги, найдутъ указанія въ послѣдней главѣ книги *брамана Чаттерджи* „Сокровенная рел. фил. Индіи" и въ книгахъ: „Голосъ Безмолвія" и „Свѣтъ на Пути".

возможно, но и не желательно. Методы Раджа-Іоги, такъ же какъ и всѣ ученія древней Мудрости, безукоризненно *научны*, они не признаютъ ничего сверхъестественнаго и во всемъ, отъ простѣйшихъ явленій жизни до высокой интуиціи мудреца и святого, видятъ послѣдовательное развитіе, естественные переходы отъ простого и несовершеннаго къ совершенному и сложному. „Но, если ученія эти дѣйствительно научны, почему же они были „оккультны“ до сихъ поръ“?

Да потому же, почему дифференціалы остаются оккультными для учениковъ младшихъ классовъ, почему такъ долго оккультнымъ оставалось дѣйствіе пара, электричества, магнетизма и т. д. и т. д.

Каждый опытный педагогъ знаетъ, что все, что дается преждевременно, только подрываетъ здоровую энергію души.

Въ страстномъ исканіи, въ напряженіи труда, въ завоевательномъ движеніи человѣческой мысли, шагъ за шагомъ вырывавшей у природы ея сокровенныя тайны, закалялась гибкая и устойчивая сила человѣческаго ума и раскрывались ея сложныя и многообразныя способности. Только путемъ этихъ послѣдовательныхъ и настойчивыхъ усилій разгадать *скрытое* развилось то великолѣпное физическое орудіе сознанія, которымъ мы владѣемъ въ настоящее время, нашъ тонко развитой мозгъ. Но какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духа, наступаютъ свои кризисы, переломы, свои взрывы долго накоплявшейся энергіи. Мы живемъ въ такую эпоху. Человѣчество выросло и переходитъ въ старшій классъ. Это чувствуется въ томъ углубленіи, въ тѣхъ серьезныхъ запросахъ, которые раздаются со всѣхъ сторонъ, въ обострившемся требованіи достойнаго смысла жизни, и болѣе всего—въ ярко выраженномъ чувствѣ неудовлетворенія. И чѣмъ сильнѣе звучитъ эта нота неудовлетворенія, тѣмъ непреложнѣе становится, что эта наша земная жизнь—не *вся* жизнь. Если бы съ нею кончалась *вся* наша жизнь, невозможна была бы эта божественная тревога, вѣчно устремляющаяся вдаль отъ испытанныхъ радостей къ неизвѣданному, вѣчно подстрекающая духъ человѣка къ высшимъ и высшимъ достиженіямъ... безсмысленна была бы эта неутомимая жажда *неземной* полноты. Въ отвѣтъ на эту жажду возстаютъ изъ пепла вѣковъ давно забытыя сокровища древней Мудрости, и, какъ бы новое благое откровеніе, доносится до нашихъ отчаявшихся и усталыхъ сердецъ вѣра молодаго человѣчества въ божественность своей природы, въ реальность потустороннихъ міровъ, въ безсмертіе души и въ возможность познать Бога. Кто разъ прикос-

нулся къ этимъ сокровищамъ духа, кто проникъ хотя бы минутнымъ прозрѣніемъ въ глубины древнихъ мистерій, тотъ уже не въ состояніи будетъ забыть ихъ.

И можно навѣрно сказать, что придетъ день, когда Европейцы будутъ изучать духовную культуру древняго Востока съ такой же страстью, съ какой въ XIV и XV вѣкѣ Европа изучала античный міръ. И это будетъ великимъ толчкомъ для нашего духовнаго развитія, потому что нигдѣ культура духовности не достигала такой идеальной высоты, какъ въ древней Индіи.

Но да не подумаетъ читатель, что Теософія рекомендуетъ возвратъ къ древности. Нѣтъ, она зоветъ только впередъ, къ новому жизненному творчеству, но она учитъ расширять сознаніе, включая въ него все цѣнное, что выработало человѣчество; она доказываетъ, что весь человѣческій родъ—*одна семья*, и всѣ народы работаютъ для одной и той же цѣли; что Индусы и Китайцы, Англичане и Русскіе лишь различные проводники одной *Жизни*, единаго *Сознанія*, которое въ различныя эпохи и различными средствами развивало все новыя стороны своихъ безчисленныхъ граней. Въ эпоху древней Индіи задачи были совсѣмъ другія: то было время духовной автократіи и древніе индусы были чистыми созерцателями, они поднимались въ своей духовности высоко надъ грѣшной землей и считали единственно достойной задачей для мыслителя—искать единства, гармоніи, синтеза всей міровой жизни въ божественномъ Единствѣ. Наша задача совсѣмъ иная: задача христіанскихъ народовъ—развитіе общественности, самодѣятельность, созданіе *совершенныхъ* формъ жизни.

Но наше творчество пока только *извнѣ* совершенствуется, оно только по имени христіанское, по существу же оно не только не проникнуто высокими завѣтами Христа, наоборотъ, оно грубо и жестоко, что неизбѣжно, когда мотивомъ творчества продолжаетъ быть эгоизмъ, лишь расширившійся изъ эгоизма личнаго въ болѣе безпощадный эгоизмъ классовъ и народовъ. Чтобы внести въ наше творчество внутреннюю красоту, необходимо измѣнить самый *мотивъ* дѣятельности, а что иной мотивъ возможенъ этому учитъ высоко духовная психологія древняго Востока, вѣнцомъ которой является „Царственная Іога“.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ символовъ душевной силы созданъ древними индусами: Побѣдитель своихъ страстей, съ гордо поднятой головой, стоитъ на колесницѣ, спокойно и увѣренно держитъ онъ поводья, и покорно несутъ его укрощенные кони, съ быстротою вѣтра если онъ захочетъ того, или же оста-

навливаются, какъ вкопанные, по легкому мановенію его руки. „Даже боги завидуютъ тому, чьи обузданы страсти какъ кони, укрощенные возницей"... говорится въ одной изъ св. книгъ Востока *).

Въ длинномъ рядѣ поколѣній развивали Индусы власть надъ своими страстями и мыслями, и, до какой сказочной для насъ степени достигаетъ эта власть, можетъ дать понятіе разсказъ А. Безантъ о знакомомъ ей индусѣ, и даже не браманѣ, который не соглашался принять хлороформъ во время очень мучительной операціи; когда же докторъ началъ убѣждать его, что лучше не подвергаться безполезнымъ мученьямъ, индусъ спокойно отвѣчалъ, что никакихъ мученій онъ испытывать *не* будетъ. Операція была сдѣлана, индусъ вынесъ ее не поморщившись, а когда г-жа Безантъ стала его разспрашивать о перенесенной боли, онъ отвѣтилъ, что совсѣмъ не чувствовалъ боли, потому что вниманіе его, во время операціи, было устремлено на опредѣленную идею. Для насъ это—невѣроятно, а для индуса это—нормальное явленіе. Такая могучая власть надъ своей волей несетъ на себѣ печать высокаго аристократизма, и когда представишь себѣ такого изящнаго индуса съ его тонкимъ чувствомъ уваженія ко всякой чужой жизни, въ совершенствѣ владѣющаго собой, спокойно сдержаннаго и душевно вѣжливаго ко всѣмъ, и пробуешь вообразить его среди представителей людныхъ западныхъ теченій, хотя бы лицомъ къ лицу съ героями Пшибышевскаго, или нашего Соллогуба и Арцыбашева,—какое глубокое изумленіе должно бы отразиться на спокойномъ лицѣ индуса! Какими вульгарными показались бы ему идеи этихъ героевъ, какимъ дурнымъ тономъ повѣяло бы на поклонника богоподобной красоты отъ ихъ нехорошаго бреда... Не могу себѣ даже представить, *что* отразилось бы въ его душѣ, воспитавшейся на тысячелѣтнихъ усиліяхъ укротить внутри себя животное для того, чтобы побѣда осталась за богомъ, если бы онъ, не предупрежденный, встрѣтилъ въ XX вѣкѣ въ культурной христіанской странѣ людей, открыто проповѣдующихъ униженіе бога и возведеніе животнаго на тронъ... Это была бы знаменательная встрѣча: древнихъ идеаловъ съ современными вѣяньями, самаго античнаго изъ всѣхъ кодексовъ нравственности съ самымъ послѣднимъ культомъ разнузданности.

Итакъ, устремлять фокусъ вниманія на Цѣлое, а не на части, на Вѣчное и Прекрасное, а не на временное и несовершенное—

*) Дхаммапада, 94.

вотъ одна изъ тайнъ „Царственной Іоги“. Могу открыть моему читателю В. А. К. и еще одну тайну. Іогъ борется и побѣждаетъ не для себя одного, а для всего міра. Онъ проникнутъ чувствомъ глубочайшаго единства своего *я* со всей вселенной. Онъ говоритъ глядя вокругъ себя: *Tat twam asi*, т. е. *это—ты*. Онъ видитъ себя въ мірѣ и міръ видитъ отраженнымъ въ себѣ. И это—вовсе не абстракція. Онъ знаетъ, что всѣ его мысли, чувства, каждое усиліе воли, есть живая сила въ общей экономіи духовнаго міра. Мудрая мысль, праведное чувство, безкорыстное усиліе каждаго отдѣльнаго человѣка увеличиваютъ силу того невидимаго рычага, который поднимаетъ *все* человѣчество къ совершенству; и наоборотъ, всѣ злыя, эгоистическія и корыстныя мысли, чувства и стремленія уменьшаютъ силу этого рычага. Онъ знаетъ, что побѣдившіе свой эгоизмъ ради блага *всѣхъ* протягиваютъ свои сильныя руки, чтобы помочь болѣе слабымъ братьямъ своимъ, а чѣмъ болѣе сильныхъ рукъ протягивается къ отставшимъ, къ задержавшимся въ темнотѣ, тѣмъ быстрѣе *все* человѣчество пойдетъ впередъ. Этотъ могучій мотивъ и даетъ Іогу его огромную силу: онъ знаетъ, что *его* побѣда и *его* праведность приближаютъ побѣду, и увеличиваютъ праведность *всего* міра. И не думайте, что для этого нужно уйти въ пустыню или запереться въ монастырь. Совершенный Іогъ долженъ работать въ мірѣ и для міра и твердо знать, что каждая безкорыстная дѣятельность, совершаемая не для себя, а для блага другихъ,—такая же духовная сила, какъ самая пламенная молитва праведника. „Раджа Іога“ стремится къ тому, чтобы человѣкъ сталъ *прекраснымъ и богоподобнымъ*. И это не ересь. То же самое заповѣдалъ и намъ нашъ Учитель Христосъ, сказавъ: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“. Для *этого* существуетъ вселенная. Для этого Господь зажегъ всѣ эти жизни... Пускай искра Его огня еле теплится въ иной изъ нихъ, но всѣ онѣ зажглись отъ божественнаго огня и должны разгорѣться въ божественную красоту.

Другъ читателей.

Отзывы о книгахъ.

Лхасса и ея тайны. Аустинъ Іоддель. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1906 г.

Заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Все изложеніе сводится къ описанію „мирной“ тибетской экспедиціи 1903—1904 гг., посланной Англіей въ глубь Тибета подъ прикрытіемъ вооруженной силы и проникшей въ Лхассу при помощи пушекъ и пулеметовъ,—но „тайнъ Лхассы“ не раскрыто ни одной. Авторъ увѣренъ даже, что тайнъ въ Лхассѣ не существовало никакихъ, и что только замкнутость этой далекой восточной Мекки создала ея славу центра мистическихъ познаній,—славу, которая разсѣялась при первомъ посѣщеніи европейцевъ (стр. 307 и 334).

Авторъ утверждаетъ, что тибетскіе ламы ничего не знаютъ о существованіи такъ наз. „махатмъ“; отмѣчая обиліе суевѣрій, идолопоклонство, и низкое состояніе знаній даже среди ламъ, авторъ незамѣтно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, когда пишетъ, что „никто изъ ламъ не учитъ мірянъ, они также не проповѣдуютъ народу и *всѣ знанія хранятъ про себя*“ (стр. 270); въ другомъ мѣстѣ, описывая монастырь Серу, авторъ пишетъ, что онъ состоитъ изъ трехъ коллегій: одна для элементарнаго обученія доктринѣ и обрядамъ (самая большая), другая для братьевъ, отправляющихся странствовать по Тибету, и, наконецъ, самая избранная и маленькая—*эзотерическая и мистическая* (стр. 274—5). До тѣхъ поръ, пока существуетъ эзотерическая и мистическая школа, нельзя говорить объ упадкѣ тибетской религіозной мысли и отрицать существованіе „тайнъ“. Авторъ упустилъ изъ вида, что достигнуть Лхассы не значитъ постичь духъ ламаизма; проникнуть въ храмъ—не значитъ пріобщиться къ его мистеріямъ.

Низкій уровень развитія народа и даже ламъ не даетъ права отвергать ламаизмъ какъ серьезную доктрину, какъ нельзя по низкому состоянію народа и русскаго духовенства судить о духѣ ученія Христа. Къ тому же авторъ, повидимому, самъ не силенъ въ вопросахъ эзотеризма. Какъ на образчикъ невѣжества ламъ, авторъ указываетъ на то, что они неправильно изображаютъ крестъ „свастику", а именно: „его концы загибались не въ сторону движенія солнца или часовой стрѣлки, а имѣли противоположное направленіе" (стр. 237). Смѣемъ увѣрить почтеннаго изслѣдователя, что онъ ошибается: свастика есть изображеніе огненнаго креста, вращающагося съ востока на западъ (по движенію часовой стрѣлки); крестъ этотъ, при движеніи, отбрасываетъ пламя въ *обратномъ направленіи*, какъ-то правильно изображено на тибетскихъ храмахъ и монастыряхъ. Это есть свастика „праваго" пути. Свастика, концы которой загибаются въ сторону движенія солнца, т. е. вращающаяся въ лѣвую сторону, есть свастика „лѣваго" пути и составляетъ форму символа не буддистовъ, а „черныхъ шапокъ", употребленіе котораго ламы считаютъ грѣховнымъ *). Интереснымъ представляется замѣченное авторомъ „поразительное сходство многихъ ламайскихъ обрядовъ со службой римской церкви" (стр. 172). Это лишній разъ наводитъ на мысль объ единствѣ корня всѣхъ религіозныхъ культовъ. И если вращающіеся въ народѣ ламы схватываютъ часто только внѣшнія черты доктрины и истолковываютъ ихъ въ грубо-матеріалистическомъ смыслѣ (аскетизмъ въ крайнихъ его проявленіяхъ), то это не должно служить поводомъ къ отрицанію всей религіозной системы Тибета.

Ни одинъ серьезно относящійся къ своей религіи лама не станетъ раскрывать чужестранцу мистическихъ глубинъ своей вѣры, и „тайны" Лхассы остались во всей своей неприкосновенности и послѣ посѣщенія „мирной" англійской экспедиціи.

Запросы мысли. Юрій Николаевъ. Спб. 1906 г., цѣна 1 р. 50 к.

Книга написана подъ мистическимъ покровомъ ночи. Съ чисто женскою чуткостью авторъ передаетъ мучительныя переживанія современнаго человѣчества, стоящаго между религіей безъ идеала и наукой безъ знанія. Глубокое одиночество отдѣляетъ его отъ всего окружаю-

*) Правильное изображеніе „свастики" дано въ сборникѣ „Вопросы Теософіи" см. статью „О символизмѣ", стр. 145. Характерно, что въ энциклопедическомъ словарѣ Эфрона и Брокгауза, т. 57, стр. 72, изображеніе свастики приведено *неправильно*.

щаго міра и смерть не манитъ къ себѣ только потому, что она не разрѣшаетъ загадки бытія. Дальше итти некуда: впереди глухая стѣна непознаваемаго!.. „Кто пойметъ эту бездну отчаянія, этотъ вопль наболѣвшей души“! *). Порывъ къ подвигу разбивается о мелочность и условность повседневной жизни, о сознаніе загубленныхъ силъ, и сопровождается неусыпнымъ чувствомъ тоски. Отсюда—первые робкіе шаги къ мистикѣ, которая одна только можетъ дать просторъ духовнымъ силамъ человѣка.

Но авторъ заблуждается, полагая, что „ключъ къ древней мистикѣ потерянъ“ (стр. 6). Авторъ смутно предчувствуетъ, что во всемъ, когда-либо продуманномъ, есть проблескъ единой, далекой, „недоступной“ истины. Вдумчивое отношеніе ко всему, существующему въ мірѣ, приводитъ его къ терпимости и побуждаетъ къ дальнѣйшему исканію смысла жизни. „И даже въ собственное ничтожество не хочетъ вѣрить духъ, ибо чуетъ онъ въ себѣ мощь“ (стр. 14). Интуиція проникновенно озаряетъ написавшаго эти строки и ведетъ его на путь Служенія. Этотъ порывъ мысли авторъ считаетъ почему-то „нелогичнымъ и необъяснимымъ“ (стр. 26). Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Въ природѣ, на ряду съ Дарвиновскимъ закономъ борьбы за существованіе, существуетъ еще болѣе сильный законъ борьбы за существованіе *другихъ*, принципъ этическій, который всегда вдохновлялъ всѣхъ сильныхъ духомъ на подвиги служенія идеѣ человѣчества „И за толпу умрешь? Толпою распятъ будешь“!.. **). Враждебность и непониманіе толпы и неприспособленность слугъ Человѣчества къ „борьбѣ за существованіе“ никогда не задерживали роста этическихъ началъ (см. подробнѣе по этому вопросу книгу Г. Друммонда „Прогрессъ и эволюція человѣка“).

Книга „Запросы мысли“ написана умно, по хорошо задуманному и выдержанному плану, но нѣкоторые отдѣлы (напр. о спиритизмѣ, о буддизмѣ) разработаны недостаточно серьезно. Только недостаточнымъ знакомствомъ съ *подлинными* источниками можно объяснить утвержденіе автора, что въ основѣ буддизма лежитъ „признаніе отсутствія божества“ и что „буддизмъ сводится къ отрицанію морали“ (стр. 150—151). Слабо трактуется также вопросъ о свободѣ воли и объ отношеніи христіанства къ общественности. Обиліе ссылокъ и цитатъ указываетъ на колоссальную начитанность автора, но выводы автора, къ сожалѣнію, не всегда глубоко продуманы.

Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить утвержденіе автора, что „древность безпомощна оказалась разрѣшить міровыя загадки“ (стр. 70).

---

*) Изъ Томаса Гуда „Мостъ вздоховъ“.

**) Минскій „Геѳсиманская ночь“.

Только теперь наука добралась до тѣхъ положеній, которыя были выставлены древними философами, но то, что они дали міру, было лишь малою частицею той мудрости, въ которую они были посвящены на Востокѣ и которую они не могли дѣлать достояніемъ всѣхъ. Самъ авторъ признаетъ, что „буддизмъ самъ по себѣ такъ же необъяснимъ, какъ зороастризмъ или гностическія ученія; *пониманіе ихъ можетъ вытекать лишь изъ глубокаго проникновенія въ мистику Востока*“ (стр. 153) и что „древняя мудрость оберегала свои таинства и свои символы въ недоступныхъ святилищахъ“ (стр. 210).

„Мысль о дальнѣйшемъ существованіи“ представляется автору „невыносимѣе идеи уничтоженія и небытія (стр 139), справедливости—по его мнѣнію—не существуетъ (стр. 142).

Несмотря на ярко выраженный пессимизмъ автора, книга его можетъ дать толчокъ къ пробужденію въ человѣкѣ стремленія къ духовности и читается съ большимъ интересомъ. Лучшими главами являются тѣ, гдѣ авторъ даетъ просторъ своему чувству („Вмѣсто предисловія“). Книга вылилась какъ крикъ наболѣвшей души, написана кровью сердца. И самая острота и мучительность переживаній даютъ основаніе предполагать, что для этой души наступаетъ тотъ переходный моментъ отъ мрака къ свѣту, которымъ шли всѣ ищущіе озаренія. Чѣмъ гуще тьма ночи, тѣмъ ближе лучъ разсвѣта. Все указываетъ на то, что авторъ стоитъ наканунѣ мистическаго пробужденія души и дастъ еще людямъ болѣе законченные плоды дальнѣйшихъ своихъ изысканій.

Издана книга прекрасно.

К. Кудрявцевъ.

Вопросъ: Теософія учитъ, что духъ самъ дѣйствуетъ на образованіе своего мозга и видоизмѣняетъ его сообразно своимъ способностямъ и недостаткамъ. Какъ согласовать съ этимъ ученіемъ такія случайныя явленія или медицинскіе опыты, когда при давленіи на одну или другую сторону мозга, или при устраненіи той или иной части его, у человѣка мѣняется характеръ, появляются способности и недостатки, которыхъ не было прежде, и вообще измѣняется вся психическая жизнь?

Отвѣтъ: Мозгъ играетъ совершенно ту же роль, какую играетъ инструментъ. Мелодія воспроизводится посредствомъ рояля; но не роялемъ создана музыкальная композиція. Если уничтожится рояль, музыкальное творчество и музыкальныя идеи не затронуты гибелью инструмента, но, чтобы объективироваться, они нуждаются въ инструментѣ и безъ него—въ условіяхъ физическихъ—не могутъ проявиться. Измѣняется вовсе не характеръ человѣка при поврежденіяхъ мозга; нарушается строй и цѣльность передаточнаго аппарата; если порвать часть струнъ, отломить часть резонатора, натянуть одну струну, а другую ослабить, та же мелодія станетъ неузнаваема, но измѣнилась не мелодія, а только передаточный аппаратъ. Еще болѣе это относится къ тончайшему и нѣжнѣйшему изъ всѣхъ аппаратовъ—мозгу, въ которомъ всѣ отдѣльныя части состоятъ въ такомъ тѣсномъ и тонкомъ соотношеніи, что порча въ одномъ мѣстѣ отзывается гибелью въ другихъ частяхъ, связанныхъ съ испорченной частью тончайшими невидимыми нитями. И здѣсь измѣнится не человѣкъ, измѣнится лишь способъ передачи; является искаженное, неузнаваемое выраженіе той человѣческой индивидуальности, которая вчера еще была выражена съ такой полнотой и такъ ярко здоровымъ мозгомъ.

Медицинскіе опыты, операціи или такъ-называемые несчастные случаи ни что иное, какъ въ той или другой формѣ проявленіе Кармы человѣка, лишающей его свободнаго владѣнія своимъ мозговымъ аппаратомъ. Согласно закону эволюціи духъ человѣка постепенно совершенствуетъ свой аппаратъ и черезъ него все полнѣе и полнѣе проявляется. Но законъ Кармы можетъ задержать или ускорить это развитіе, смотря по условіямъ, идущимъ изъ глубокаго прошлаго. Изъ комбинаціи дѣйствія этихъ двухъ различныхъ силъ и создаются тѣ или иныя условія умственнаго и нравственнаго развитія человѣка.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**